В издательстве «Родина» готовится к выпуску фотоальбом «Преподобный Сергий Радонежский»

(ISBN — 7330 — 0028 — 7)

В основу его легло «Житие Преподобного Сергия» Епифания Премудрого, а также новые материалы об основателе Троицкого монастыря.

Альбом в старинном кожаном переплете богато иллюстрирован: сотни фотографий, охватывающих период с конца прошлого века по сегодняшние дни, запечатлели царские посещения Троице-Сергиевой Лавры, православные торжества, монастыри, русские иконы, монастырское шитье...

Часть тиража будет издаваться в НПО «1-ая образцовая типография», другая — в L'Instituto Poligrafico e Zecca dello Stato di Roma (полиграфический институт и монетный двор — Рим)

Телефон для справок: 203-60-25, 203-88-32

ИНДЕКС 73325
Цена в розницу договорная
2 руб. по подписке

РОДИНА

5—1992

ISSN 0235—7089

Сергий Радонежский — печальник всея Руси

На первой странице обложки: Поклонение Преподобному Сергию Радонежскому. Иллюстрация из "Лицевого жития" 1853 года.

Вид Троице-Сергиевой Лавры с юго-востока.

Андрей Рублев. Икона "Троица" из иконостаса Троицкого собора Троице-Сергиевой Лавры. XV век.

Поле Куликово. Битва Пересвета с Челубеем. Клеймо ярославской иконы "Сергий Радонежский с Житием". 1640-1650 годы. Ярославль.

Фотографии Виктора КОРНЮШИНА

Радонеж. 30 мая 1988 года. Открытие памятника Сергию Радонежскому. Автор-Вячеслав Клыков.

РОДИНА

РОССИЙСКИЙ
ИСТОРИКО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ: ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

5 — 1992

Выходит с января 1989 г.

Издательство
«РУССКАЯ КНИГА»

СОДЕРЖАНИЕ

СЕРГЕЙ АВЕРИНЦЕВ

«ТИХОЕ И ЧУДНОЕ ЖИТИЕ»

Паче ныне должни есты благодарити Бога о всем, еже дарова нам такова старца святаго, глаголю же господина Преподобнаго Сергия, в земли нашей Рустей, и в стране нашей полунощней...; гроб его у нас и пред нами есть, к нему же верою повсегда притекающе, велико утешение душам нашим приемлем.

Епифаний Премудрый

Пелена "Явление Богоматери Сергию, избранные святые и праздники". 1525 год.

огда речь заходит о Преподобном Сергии Радонежском, чаще всего привычно поминают его роль в государственном становлении Руси: труды по предотвращению новых междоусобиц, в особенности же благословение, данное князю Дмитрию Донскому перед битвой на поле Куликовом. Слов нет, это очень важная тема. Глубину и сложность ей придает, в числе других, и то обстоятельство, что будущий молитвенник о единстве Русской земли происходил из среды ростовского боярства; что как раз тогда, когда ему было лет четырнадцать — возраст особой впечатлительности, еще по-отрочески беззащитный, уже по-взрослому сознательный,— Ростов Великий чрезвычайно болезненно испытал на себе тяжелую руку крепнущей Москвы, той самой, что, по пословице, слезам не верит. Самое древнее житие Преподобного Сергия, начатое хорошо знавшим его Епифанием Премудрым всего *«по лете убо единем или по двою по преставлении старцеве»*, а завершенное и обнародованное четвертью века позже, поистине свидетельство из первых рук, очень выразительно описывает «насилование», постигшее первых людей Ростова от клевретов Иоанна Калиты — пытки, вымогательство, произвол, *«страх велик на всех слышащих и видящих сия, не токмо во граде Ростове, но и во всех пределах его»*.

В городок Радонеж (исчезнувший в результате одной из катастроф Смутного времени, но на веки вечные связавший свое имя с именем святого) благочестивые и знатные родители Кирилл и Мария вместе со своими детьми прибыли как *беженцы*, бедой согнанные с родного пепелища. И потому когда Преподобный Сергий неуклонно настаивал перед русскими городами и князьями на мире с Москвой — за этим надо видеть не идеализацию московской государственности и уж никак не «державную» эйфорию, но самые трезвые, самые реалистические, глубоко и молчаливо выстраданные побудительные мотивы. Настроение тут очень строгое, слова надо подбирать осторожно и скупо, вслушиваясь в безмолвье, которым оградил себя святой.

Есть еще один распространенный подход к Преподобному Сергию: эстетический. Это лежит на поверхности — попытаться представить его как бы овеянным запахом русских елей, на фоне ни с чем не сравнимых лесов и перелесков радонежской земли. Так его неоднократно пытался увидеть Нестеров. По моему мнению, попытки эти в самом главном потерпели неудачу: убедительны ландшафты, между тем как образ святого искажен совершенно чуждыми ему чертами нервической экзальтации. Очень хорошо высказывание о. Павла Флоренского об окрестностях Сергиева Посада как зримо явленной «идее» или «энтелехии» русской природы вообще; но это высказывание уже сделано, и вариации на его тему едва ли нужны. Вполне дозволенное, сообразное с истиной вещей дело — искать ответ души Преподобного в рублевской «Троице», посвященной его памяти согласно благочестивому намерению самого великого иконописца; но ведь и это делалось так много раз.

Прежде всего иного Сергий Радонежский был на земле *святым*, и специально святым *монахом*, возродителем и обновителем иночества по всей Руси. Лишь в силу этого он мог стать вдохновителем и государственного, и культурного строительства. Его благое присутствие в истории общего у нас с ним земного отечества, как ни важно, все же вторично; первична святость, первично монашество — корень, из которого вырастает все остальное. *«Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам»* (Матф. 6,33).

Это может показаться чересчур простеньким — тривиальной фразеологией благочестивого назидателя. На самом деле говорить о простом — труднее всего. Не сыскать тему, которая скрывала бы в себе столько парадоксов, готовила бы столько опасных ловушек, как эта: святость и монашество.

Ловушки ставит уже языковой обиход. «Святой», «монах» — слова почтенные, по крайней мере, для верующего, но уж больно привычные, стершиеся, обкатанные. «Он постригся в монахи». «Его причислили к лику святых». И всем как будто понятно.

Обманчивая понятность — злейший враг всякого понимания. Так во всем, но в вещах духовных — особенно.

* * *

Все мы столько наслышаны о «социальных закономерностях», о «законах общества» — до утомления. Проблема, однако, в том, что законы общества вправду существуют — и действуют они всегда *против* духовной жизни, *против* христианства. Недаром Писание именует диавола князем мира сего.

«Мир сей», в том числе и так называемый христианский мир («христианский социум»), непоправимо враждебен христианству; а христианство, достойное своего имени,— это каждый раз удар меча, рассекающего Гордиев узел «мира сего».

Родилось христианство как чудо, против течения «социальных закономерностей». Каждое слово Нагорной проповеди — наперекор всякому вероятию. И хорошо, что законы общества, исключая чудо, именно по этой причине к чуду всегда не готовы. Как сказано о чуде у поэта, «оно настигает мгновенно, врасплох». Для князя мира сего Бог действует всегда нестерпимо неожиданно.

Но в следующее мгновение князь мира сего успевает сориентироваться. Законы общества вступают в действие, торжествуют свой реванш, ассимилируя чудо, приноровляя его к себе, лишая его чудесности: умерщвляя.

Самое смертельное для христианства — даже не грех. Не так страшно, пока грех есть нечто «из ряду вон выходящее», пока грешник знает, и его братья по вере знают, что с ним, грешником, дело не в порядке. Самое смертельное — это посредственность. Никакого «из ряду вон»: посредственность и есть этот самый «ряд». Вроде бы все в порядке — и все неживое. Не Бог зовет — а «так принято»: вместо духовной реальности — социальная условность. *«Знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден или горяч! Но как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих»* (Откр. 3, 15—16). Тогда уже не молятся — а «вычитывают молитвы», «отстаивают службы», отбывая повинность, подобную всем прочим повинностям члена общества. Тогда уже не переживают ту жгучую мистическую современность каждого евангельского события — здесь и сейчас! — о которой говорят все песнопения церковного года (*«Дева днесь Пресущественнаго рождает»*, *«Днесь спасения нашего главизна»* и т. д.), а всего лишь справляют праздники, перемежая ими будни, как от века делал любой язычник: будничные будни — и, может быть, еще более будничные праздники. Вместо пастырей, стоящих на страшной черте между людьми и *тем* Богом, который, по двоякому свидетельству Ветхого и Нового Заветов (Второзак. 4, 24; Евр. 12, 29), есть огнь поядающий,— «духовное сословие».

Но есть еще один аспект всепроникающего воздействия «законов общества», т. е. князя мира сего. Назовем сопряженную с ним проблему — проблемой Фарисея.

Казалось бы, можно только позавидовать обществу, среди которого высшим престижем пользуются не богатство, не власть, не мода, но подлинные ценности: точное знание и скрупулезное исполнение религиозного долга. Это означает, однако, неизбежность социального *амплуа*, социальной *роли* начетчика и праведника. «Амплуа», «роль» — термины актерской жизни, что не случайно. Когда греческий подлинник Нового Завета передает Христовы обличения фарисеев, употребляется слово, переводимое как «лицемеры», но означающее, собственно, лицедеев, т. е. актеров. Что такое актер? Это человек, чувствующий публику и работающий на публику — возможно, даже против своей воли или неведомо для себя. Начинал — для Бога, а продолжает — для публики, сам не отдавая себе отчета, в каких пропорциях к страху Божию подмешивается, исподволь подменяя его, совсем другой страх: страх актера выпасть из роли, страх члена общества лишиться престижа и «социальной ниши». *«Все же дела свои делают с тем, чтобы видели их люди»* (Матф. 23,5). Как избежать этой подмены, коль скоро человек, по старой констатации Аристотеля,— существо общественное?

А потому не будем спорить с неверующим, когда он убеждает нас, что христианство по Нагорной Проповеди, вообще по Евангелию — невозможно. Единственное, что мы можем возразить: невозможное все-таки существует, поскольку, как известно каждому между нами из нашего скромного опыта, существуют святые поступки и святые люди. Каждый святой поступок хотя бы и грешного, слабого христианина, при обязательном условии, что это поступок действительно святой, а не просто «благонравный», даже не просто «высоконравственный» (т. е. сообразный все той же социальной этике),— есть реальное, хотя бы на миг, возвращение из «мира сего» к истоку, в то чудо, каким было рождение христианства.

До скончания века христианство непрестанно умирает от непреложного действия «социальных закономерностей», задыхаясь в смертельном для него воздухе «мира сего», но и непрестанно воскресает в каждой сокровенной молитве, в *«воздыханиях неизглаголанных»* (Рим. 8, 26), в святых делах — и, конечно, в жизни святых.

И здесь мы получаем, наконец, ответ на вопрос, что же такое святые. Это не условный ранг, присваиваемый определенным лицам, как род посмертной награды от Церкви; Церковь лишь подтверждает святость части святых, вообще же у Бога святых куда больше, чем в святцах. Далее, святость — это не абсолютная, гарантированная правильность поступков, как и не безоговорочная непогрешимость частных мнений. Если оставить в стороне тайну особой «пренепорочности» Матери Божией, Церковь в ясных словах исповедует, что Христос *«един кромѣ греха»* и в этом смысле *«един свят»*. Именно сами святые как никто ощущают свою причастность греху. Отрока Варфоломея, будущего Преподобного Сергия, это чувство мучило уже на двенадцатом году.

Все тот же Епифаний повествует:

«Отвеща мати его, глаголющи: и двоюнадесять не имаши лет, грехи поминаеши? Кия [какие] же имаши грехы? Не видим бо на тебе знамении греховных, но видехом на тебе знамение благодати и благочестия... Отрок же рек: престани, мати моя, что глаголеши? Се бо ты сия глаголеши, яко мати сущаа, яко чадолюбица, яко мати о чадех веселящися, естественною любовию одержима; но слыши, Святое глаголет Писание: никто же да не похвалится в человецех; никто же чист пред Богом, аще и един день живота его будет...»

И мы не смеем якобы благоговейно, а на деле едва ли не покровительственно думать о святых, буквально вопиющих о своей греховности: «Ну, какие там на них грехи! Это они от святости своей — преувеличивают»; или, еще того горше, видеть здесь некую условность,— так, де, у них, святых, принято, так им полагается... Как бы нам ни было страшно, мы обязаны понять, что это у них, а не у нас — адекватная мера; потому что они живут, ощущая на себе не взгляд общества, а взгляд Бога. И молча поразмыслим, читатель: если святые совершенно правы, называя себя грешниками,— нам-то с тобой за кого себя почитать?

Да, святые совершенно правы, оценивая себя так в свете благодати. И если нам грех испытывать их святость нашим критическим рассудком, «искушать» ее, по слову Епифания (как намеревался «искушать» святость Преподобного Сергия тот надменный греческий епископ из самого Константинополя, что никак не желал поверить в самую возможность явления такого духовного светильника где-то в глуши, у варваров, да еще *«в последняя сиа времена»**, однако был наказан от Бога слепотой, а после исцелен и очень учтиво вразумлен тем, в ком он сомневался),— то не потому, что святой есть безличный эталон из небесной палаты мер и весов или абсолютный «авторитет» по Великому Инквизитору Достоевского; а потому, и только потому, что в нашем опыте нет даже подобия тех крутизн, тех бездн, тех битв, среди которых протекает его жизнь. Это все равно, как если бы тыловик, никогда не нюхавший пороха, разглядывал, предположим, в кинематографической или телевизионной документальной хронике бойца на передовой, и вздумал критически комментировать его телодвижения в миг рукопашного боя.

В сравнении со святыми мы все — тыловики, мы все укрываемся за спинами святых, прячемся за ними — и от праведного Божьего гнева, и от нападений бесов. Последние — особая тема, до крайности реальная (желающие вольны, разумеется, пожимать плечами). Опытом дознано, что бесы (в общем-то, как и естественно в шпионской работе, избегающие без нужды для себя выдавать свое присутствие) спокойно уживаются с тихим омутом религиозной посредственности, декоративного

* Очень характерно — для любой эпохи — это раздражение специально при мысли о том, что святым может быть наш современник. Мы успокаиваем из века в век нашу нечистую совесть: «В наше время — уж какая там святость!» Как будто возможны времена, когда святым быть легко... Православная аскетика отмечает такие самооправдания уже в XI столетии — и квалифицирует как ересь, равновеликую сумме прочих ересей.

благолепия. Тут они могут делать свое дело исподволь, незаметно, беззвучно.

А вот святость — та буквально заставляет их потерять голову и лезть на стенку, больно ожигая памятью о том, *чем* были для них земная жизнь, смерть и воскресение Христа. Святой спутывает их расчеты, основанные все на тех же «законах общества». Их удары начинают быть необузданными. Какой калейдоскоп диких призраков смущал египетского анахорета, известно каждому по сюжету «Искушения св. Антония», так часто разрабатывавшегося европейской живописью.

Когда Преподобный Сергий в молодости ушел в уединение лесных дебрей, на него обрушилась такая же буря. Впрочем, в его искушениях, как их описывает тот же Епифаний, совершенно отсутствуют чувственные мотивы: это исключительно «страхования», как выражается все тот же Епифаний. Не знаю, позволительно ли предположить, что такова вообще преимущественная тактика Ада на нашей земле в сравнении с его же тактикой на других долготах и широтах: напускать не тьму страсти, а тьму *страха*, действовать нагим ужасом, потусторонним террором; но по отношению к Сергию он вел себя именно так. *«Внезаапу стена церковнаа разъступися, и се диавол осивесть [воочию] вниде со множеством вои бесовьскых, акы не входяй двермн, яко тать и разбойник, явижеся ему сице: ...устремишася на Блаженнаго, хотяща разорити церковь и место из основаниа, а на Блаженнаго зубы скрегчюще, хотяще убити его...»* И опять: *«Не по мнозих же днях, егда Блаженный в хиже [хижине] своей всенощную свою беспрестани творяше молитву, внезапу бысть шум и клопот [хлопание] и мятеж мног, и смущение, и страх, не во сне, но на яве, и се беси мнози и пакы наидоша на Блаженнаго, стадом бесчинно, вопиюще и с прещением глаголюще: отыди, отыди, от места сего!..»* Епифаний стилизирует слог, и делает это, надо сказать, блистательно — недаром его прозвали Премудрым; но вот на стилизации событий, на их приспособлении к шаблону «святого вообще», его (в отличие уже от Пахомия Логофета) еще никому, кажется, поймать не удалось...

А теперь — несколько слов о монашестве.

Аскетический образ жизни был отлично известен уже в общинах начальной поры христианства; он обсуждается у апостола Павла (1 Кор., гл. 7) и восхваляется в Апокалипсисе (Откр. 14, 4). Но пустынножительство, а затем «общежительное» иночество родилось в очень специфический момент истории Церкви: в IV веке. Еще под конец эры гонений и вопреки гонениям христианство стало религией массовой, привлекавшей к себе души весьма различного качества; а когда император Константин Великий остановил гонения и перешел к политике все более явного покровительства христианской вере, сменившегося к концу века признанием за христианством статуса государственной, господствующей религии, когда причислять себя к христианам сделалось поначалу безопасно, затем модно и выгодно, а под конец просто необходимо,— в широко распахнутые врата Церкви хлынула стихия религиозной посредственности. Мутные воды мира сего грозили растворить в себе до полной неощутимости евангельскую «соль земли», ту самую, о которой Христос сказал: *«Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленою? Она уже ни к чему не годна, как разве выбросить ее вон на попрание людям»* (Матф. 5, 13).

То, что творится сегодня у нас, словно бы повторяет в сильно уменьшенном масштабе тогдашний кризис веры, наступивший от того, что все стремительно становились «тоже христианами». В таких условиях героические души избирали радикальный путь: выйти из игры, из роли, из всемирного спектакля, уйти в страшный жар египетской пустыни Фиваиды, чтобы каждое мгновение чувствовать на себе не взгляды людей, а *только* взор Бога, чтобы наверное знать, что подвиг творится единственно для Бога, а не ради социальной роли. Пустынножители были бы рады так и оставаться наедине с Богом (слово «монах» происходит от греческого слова «мóнос» — единственный, уединенный); то, что приходят ученики, жаждущие поступить к ним в послушание,— для них, собственно, тягостная неожиданность, которую, однако, приходится принять. Так из пустынножительства развивается иночество «общежительное», исходящее из факта существования монашеских общин, однако с огненным радикализмом, унаследованным от первых старцев пустыни, настаивающее на полном равенстве жизненных условий для всей братии — без лицеприятия, без поблажек, без исключений (кроме как для тяжелобольных). Эти первые монашеские общины стремятся вернуть и реально возвращают опыт первых христианских общин, о которых в Новом Завете сказано: *«У множества уверовавших было одно сердце и одна душа; и никто ничего из имения не называл своим, но все у них было общее»* (Деян. ап. 4, 32). Если христианство вообще — протест против власти «князя мира сего», иночество — протест против этой же власти, действующей через христиан слабого посола, тех, которые «ни холодны, ни горячи».

Поэтому к нему с особой силой относится все то, что было сказано выше о христианстве. Выродившееся монашество, допустившее поблажки, масштаб которых обречен непрерывно возрастать, вообще впустившее к себе воздух мира сего, с борьбой за власть, с тонкой, а затем и грубой лестью, с интригами властолюбцев,— несравненная утеха для бесов. Но если монашество вновь и вновь вырождается, оно вновь и вновь обновляется,— и опять у множества уверовавших одно сердце и одна душа, и опять никто ничего не называет своим. Для этого каждый раз надо, чтобы в среде иноков явился великий святой.

Для Руси таким обновителем иночества предпочтительно перед другими ее святыми был Преподобный Сергий.

Правда, первый и великий расцвет русской аскетической святости связан с основанием еще в XI веке Киево-Печерской лавры, с именами преподобных Антония и Феодосия Печерских. Но затем происходит то, что происходит везде и всегда: остывает первый порыв, *«первая любовь»* (Откр. 2, 4). Подробности неясны: мы слишком мало знаем о первом столетии монгольского ига. Если считать, что к вере надежнее всего приходят скорбями,— скорбей тогда на Руси, вроде бы, хватало. С другой стороны, монголы, очень индифферентные в вопросах веры, отчасти по мотивам политики, отчасти, возможно, из суеверного страха, не только давали Церкви выжить, но прямо покровительствовали духовенству, освобождая его, например, от податей.

Может быть, нам и здесь небесполезно вспомнить наш собственный опыт. Пока идет зримый разгул насилия, пока на глазах у всех горят огнем храмы и умерщвляется или уводится в рабство православный люд,— о, тогда религиозное чувство вспыхивает очень ярким и чистым огнем. Но продолжительная несвобода, наследуемая из поколения в поколение, когда приходящие в мир дети просто не представляют себе другой жизни, когда уже не огорчительно, а привычно, что русские князья доносят монголам друг на друга, а Христова церковь состоит под покровительством нехристей, и все это на фоне определенной меры порядка, так необходимого простому человеку,— тут не скорби, тут уныние и огрубение, и у души опускаются крылья.

Как отмечал еще Г. Федотов, более столетия перед Преподобным Сергием на Руси не было ни одного инока, которого Церковь причислила бы к лику святых. Были святые князья (Александр Невский, благоверные страдальцы, умученные в Орде за отказ подчиниться языческому церемониалу); было некоторое число святых иерархов; но преподобных — не видно.

Личный путь Радонежского подвижника повторяет общий путь начальной поры иночества. Преподобный Сергий уходит в некие лесные дебри, как Антоний Египетский и другие отшельники уходили в Фиваиду. Подобно старцам пустыни,

Сергий всем сердцем хочет оставаться наедине с Богом. Появление учеников его смущает.

Вот рассказ Епифания:

«...Начаша посещати его мниси, исперва един по единому, потом же обогда два, обогда же трие, и моляху Преподобнаго припадающе и глаголюще: отче, приими нас, хощем на месте сем жити и душа своя спасати! И Преподобный не токмо не приимаше их, но и возбраняше им, глаголя: яко не можете жити на месте сем, и не можете терпети труда пустыннаго, алканиа, жаданиа [жажды], скорби, тесноты, и скудости, и недостатков. Они же реша: хощеми терпети труды места сего, да, аще Бог подаст, то и можем. Преподобный же пакы вопроси я, глаголя: можете ли терпети труды места сего, глад, и жажду, и всякыя недостаткы? Они же реша: ей, честный отче, хощем и можем Богу помогающу нам, и молитвам твоим споспешествующим нам; токмо о сем молим твое Преподобьство, не отлучи нас от лица твоего, и от места сего любезнаго не отжени нас!»

Из пустынножительства еще раз сáмо собою рождалось иноческое братство, требовавшее, по самой логике вещей, оформления в «общежительном» уставе. Обязанность эту прямо возложил на Преподобного Сергия в личном послании к нему Патриарх Константинопольский Филофей; ее подтвердил митрополит Московский Святитель Алексий; и Сергий исполнил послушание не за страх, а за совесть. Отметим, что участие в событиях патриарха Филофея, обратившегося к Преподобному весьма почтительно, связывает русский подвиг Сергия с течением исихазма, имевшим в XIV столетии для православного иночества характер вселенский. И еще одно слово в связи с диадой: пустынножительство — «общее житие» (по-гречески «киновия»). Видишь ли, почтенный читатель, я — вовсе не монах; ты, скорее всего,— тоже. Не моего ума дело обсуждать третью возможность — монашество идиоритмическое, в котором требования более гибки, более «индивидуальны». Ограничимся констатацией факта: лично для себя и для своих учеников Преподобный видел лишь две возможности — отшельничество и киновию.

Вся строгость общежительного устава при нем неуклонно соблюдалась, не смягченная ничем, кроме неизменной кротости его нрава, сохраняемой и в укоризне погрешившему брату. Наибольшую тяжесть физических трудов и скудного быта Преподобный брал на себя. Одет он был скуднее всех в обители. Епифаний очень выразительно говорит об этом прозаическом предмете:

«Единою бо обретеся у них сукно едино злотворно и не устроино и некошно [не имеющее ценности], ...его же и вся братия негодующе и гнушахуся его, и отвращахуся... Преподобный же не отвритися, но со тщанием вземь сие, благословив, и крааше, и шиаше, и сотвори рясу, в ню же не возгнушась облещись, и не рачи [не хотел] совлещи ея и пометнути [выкинуть] ю, но паче изволи со благодарением на теле своем износити ю, дондеже по лете единемь обетшав, издрася и распадеся,— да от сея вещи разумети, колико и каково рачительство имеаше смиренномудрия ради, еже проходити в нищетне образе: бяху бо порты [одежды] на нем обычныя зело худостны, еже по вся дни ношаше, яко аще бы некто не видавый его и отинуду [отнюдь] не знаа его, таче аще узрит его негде в таковеи суща одежди, то не мнит его самого того игумена Сергиа быти, но мнит его яко единаго от чернець, яко нища, и убога, и странна, и яко работника, всяку работающа работу; и единою просто рещи: толикы бе худостны порты ношаше, яко хуже и пуще всех чернецев своих»

Далее рассказывается, как некий крестьянин, быв наслышан о Преподобном, издалека пришел на него поглядеть — и отказался его признать, увидев за черной работой, *«в худостне портище, зело раздране и многошвене»*. Посетитель отвернулся от такого зрелища и гневно обратился к братии: *«Аз пророка видети приидох, вы же ми сироту указасте... Аз святи мужа Сергиа, якоже слышах, тако и надеяхся видети его во мнозе чти [чести], и славе, и в величьстве; ныне же сего, иже вами указанного ми, ничтоже вижю на нем, ...ни порт красных, ни многоценных, ни отрок предстоящих ему, ни слуг скоро рищущих, ни множество рабъ служащих или честь воздающих ему, но все худостно, все нищетно, все сиротинско»*. Разумеется, крестьянину предстояло узнать истину, которая оказала на него такое действие, что через некоторое время он сам постригся в монахи под началом Преподобного. Но его слова: *«Все худостно, все нищетно,все сиротинско»*,— мы должны запомнить. Облик самого Преподобного, но и облик обители в его дни были такими. Остерегаясь вмешивать Сергия в полемику о нестяжательстве, разгоревшуюся спустя более столетия после его кончины, отметим, что при нем нестяжательный строй жизни соблюдался неуклонно.

Положение изменилось уже при ближайшем преемнике Основателя обители — преподобном Никоне, великом подвижнике и прекрасном администраторе, отстроившем обитель после набега хана Тохтамыша (1408), а позднее пригласившем изографов Даниила Черного и Андрея Рублева; Никон, в отличие от своего наставника, стал принимать в общую монастырскую собственность значительные дарения, жалуемые князьями. Тот, кто вздумал бы его за это попрекнуть, обязан взглянуть на вещи реально: откажись преп. Никон от этого пути — обитель не превратилась бы в то чудо русского искусства, которым мы любуемся доныне, и не встали бы те неприступные стены Божьей твердыни, которые в Смутное время выдержали шестнадцатимесячную осаду, укрывая вместе с самой братией множество ратников и беженцев. Но, с другой стороны, размышляя о культурных, цивилизаторских, благотворительных и патриотических заслугах Свято-Троицкой обители (с XVIII века — Троице-Сергиевой лавры), а равно и других монастырей, основанных учениками Преподобного по лицу Руси, мы должны иметь в виду, что все эти заслуги вторичны, что им и по времени, и по сути предшествовало нечто иное: нищее горение беспримесной святости, «простота без пестроты».

Всякая святость огненна, ибо она —чудо, возвращающее привычным символам и формулам всю полноту первозданной реальности. *«Бог наш есть огнь поядающий»:* когда Преподобный Сергий служил Литургию, свидетель воочию лицезрел огонь, окружавший Святые Дары, а в самый миг причащения вошедший в потир — *«и тако Преподобный причастися»* ... Но когда мы говорим об этой огненности, возможно недоразумение; наш рассудок слишком легко ассоциирует огненность — с восторженным складом темперамента. Вообще говоря, аскетика недоверчиво относится к восторженности, остерегаясь духовного самообмана, т. н. «прелести»; но бывает и безупречно доброкачественная, святая восторженность сердца, уживающаяся с трезвением духа. Из православных подвижников черта восторженности ощутима у преп. Симеона Нового Богослова, недаром слагавшего духовные стихи; специально из русских святых,— пожалуй, у преп. Серафима Саровского. У Преподобного Сергия мы ее не находим. Сияние святого огня в нем смягчено покровом некоей, если позволительно так выразиться, благодатной прозаичности.

«Тихое и чудное житие»,— сказал о его жизни Епифаний Премудрый. Здесь полновесны оба слова. «Чудно» житие каждого святого, ибо оно окружено огнем чуда. Но *тихость*, растворенная в жизни Преподобного Сергия,— хотя бы отчасти его особая, личная черта. Его голос, отзвуки которого мы ловим у Епифания, очень ровен; его речи немногословны. Сердце — на небе, но стопы твердо и смиренно стоят на земле. Таким мы видим его на самом раннем изображении, хранящем живую память о его облике,— на шитом покрове, изготовленном для раки после обретения его мощей в 1422 году.

Старец, игумен, печальник Всея Руси...

КСЕНИЯ МЯЛО

НАЦИОНАЛЬНЫЙ АПОКАЛИПСИС

Не наступит ли он для русского народа после распада единого государства? Об этом полемико-футурологические размышления политолога

Погрузивший страну в «царскую водку» Ново-Огаревского процесса, бывший президент бывшего государства, думается, не лгал, когда заверял его бывших граждан в своем стремлении максимально точно осуществить ленинский замысел о Союзе. Точнее же — об исторической России как сформировавшемся на основе и вокруг Руси, а затем России *(то есть созданного русскими русского государства,* хотя и включавшего в себя изначально другие этносы), геополитическом многонациональном мегаобразонании. Мегаобразовании, на протяжении веков развившемся в сверхсложную систему взаимного жизнеобеспечения народов, населяющих огромные территории Евразии.

Суть этого замысла — необратимое расчленение России, изъятие ее из процессов всемирной истории как самостоятельного субъекта, со своими национально-государственными и духовными интересами; превращение ее одновременно в инструмент и поле реализации внешних по отношению к ней интернациональных или транснациональных целей.

Уже в декабре 1917 года эта ленинская позиция получила абсолютно четкое и недвусмысленное выражение:

«Нам говорят, что Россия раздробится, распадется на отдельные республики, но нам нечего бояться этого. Сколько бы ни было самостоятельных республик, мы этого страшиться не станем. Для нас важно не то, где проходит государственная граница, а то, чтобы сохранился союз между трудящимися всех наций для борьбы с буржуазией каких угодно наций...»

И несколько позже: «Для интернационалиста вопрос о границах государства — вопрос второстепенный, если не десятистепенный».

Эти «революционные» пожелания вполне совпадали с теми, которые — хотя и с позиций «контрреволюционных» — почти одновременно высказывались Ллойд Джорджем, а именно: необходимо стремиться к расчленению России на несколько независимых государств, из которых ни одно не было бы достаточно сильным, чтобы играть активную геополитическую роль.

Позже идея такого расчленения стала любимой темой, своего рода «коньком», З. Бжезинского, как и вообще практически всей послевоенной советологии, так что, как водится, крайности сошлись.

Сегодня, некогда растерзанный во имя мировой революции, а затем ценой колоссальных усилий и жертв его народов вновь воссоздавший из пепла евразийский гигант вторично, в течение одного столетия, вошел в штопор распада, неизбежность и спонтанность которого не следует преувеличивать. Напротив, сейчас уже можно достаточно обоснованно говорить о том, что распад этот явился следствием не только накопления проблем и нарушений в механизме функционирования мегасистемы — СССР, но также — а может быть, прежде всего — результатом вполне определенной — неважно, сознательно или случайно выбранной — стратегии реформирования союзного государства, или, иначе говоря, «большой России».

В основу ее легло весьма упрощенное представление об СССР как об «империи» (причем «империи зла», и такая манихейская позиция заведомо исключала какой-либо исторический подход), к тому же с понятием империи донельзя идеологизированным и односторонним.

Разумеется, было бы нелепо отрицать — и я отнюдь не собираюсь этого делать — имперский характер геополитической, исторической России, которая и сама именовала себя Российской империей.

Однако произнести слово «империя» вовсе не означает вынести окончательный и не подлежащий обжалованию приговор, как склонны думать многие, воспитанные нашей идеологизированной публицистикой.

Прежде всего, даже многие национальные государства исторически складывались как империи — например, Германия и Китай. Ибо «империя» — это не обязательно «империализм», как указывают «ленинские истоки» и, в общем, восходящая к ним философия государственности большей части лидеров Демроссии.

Один из первых и наиболее характерных признаков империи — это объединение в составе общего политического (и геополитического) целого разнородных и достаточно автономных земель и территорий. Такая империя, в сущности, несет в себе зародыш *федерации,* в каковую с исчезновением императора, т. е. концом монархии, она может превратиться довольно быстро. Что и произошло, надо сказать, в Германии, правда с опосредованием процесса — ужасающим опытом третьего Рейха.

Однако чаще всего империи многонациональны, что вовсе не означает, однако, их непременного *колониального* характера в том специфическом, сугубо негативном, смысле, который вложил в это понятие XIX и особенно XX век.

Ибо колонии, как известно, имела еще Древняя Греция, и они отнюдь не были очагами «рабства и угнетения», а именовались «дочерними территориями (городами) метрополии, понимаемой как «материнская земля». Достаточно близкую аналогию представляли английские владения в Северной Америке и Австралии, и по типу своего формирования они могут быть сравнимы с Российской Сибирью и Дальним Востоком. С той лишь разницей, однако, что в случае России речь шла не о «заморских территориях», а о континентальных, органически вошедших в единое государственное целое, землях; и что само присоединение этих земель совершилось без целенаправленного истребления аборигенов, как это было, скажем, при колонизации Америки.

Не исключено, что в ходе таких преобразований какие-то территории и народы отделились бы от империи, однако процесс такого отделения должен был бы носить возможно более правовой и возможно менее идеологизированный характер.

В любом случае государственное самоопределение нерусских народов ни в коем случае не должно было происходить за счет уничтожения исторически сложившейся русской государственности.

Конечно, эпоха не давала возможностей для спокойных эволюционных решений, однако знакомство с историей создания советских республик и с самой концепцией СССР не оставляет сомнений, что решающий толчок, роковым образом изменивший весь ход развития российской государственности, был придан Лениным.

Фундаментальная идея его национальной политики, к принципам которой так настойчиво возвращался М. С. Горбачев, заключалась именно в замене преобразований внутри сложившейся государственности уничтожением этой государственности. Территория бывшей Российской империи превращалась в полигон для моделирования на одной шестой части суши будущего всепланетного союза социалистических государств. А поскольку мировая революция запаздывала, то, как иронизировала румынская газета «Адеверул» в 1924 году по поводу создания на исконно российской территории Молдавской АССР (в 1940 году превратившейся в МССР), «они теперь создают иностранные государства на своей собственной земле».

Создавались такие «иностранные государства» чисто авторитарным, волевым путем, без какого-либо юридически оформленного волеизъявления народов на соответствующих территориях, при губительном соединении национального и территориального критериев и, что важнее всего, за счет исторически сложившегося государства русских, которое просто-напросто превращалось в материал для выкраивания из него все новых и новых «национальных государств».

Простор для фантазии мастера-портного и его подмастерьев открывался исключительный, так как, за немногими исключениями (Грузия, Армения, историческая соперница России — Литва), входившие в империю народы не имели своей развитой государственности, а первичные, феодальные границы их разделения были очень изменчивы; этнический и конфессиональный состав — особенно на «швах», на стыках земель, многократно менявших сюзерена,— крайне пестрым.

В силу этого административно определенные границы республик-государств оказались произвольными, а этнотерриториальные конфликты — предопределенными. Более того, уже в зародыше обозначилась проблема, которой в ближайшие годы, на рубеже XX—XXI веков, суждено стать едва ли не ведущей на территории Евразии.

А именно: переустройство Российской империи как исторически сложившегося многонационального русского государства; по модели прогрессирующего ее расчленения на n-е число «национальных» государств с неизбежностью на каком-то этапе должен был возникнуть вопрос и о национальном государстве русских, раз таковым переставало быть все мегаобразование.

Ленин от решения и даже постановки этой проблемы уклонился на путях «сверхкриминализации» русского вопроса, когда любые национально-государственные устремления русских незамедлительно и уничтожающе клеймятся как проявления «великодержавности» и «шовинизма». А непосредственно русскому народу идеологией революции отводилась роль «краеугольного камня», на котором должно было быть воздвигнуто громадное здание «земшарной республики» (В. Хлебников). Раздавливаемый непомерной тяжестью народ должен был найти моральное удовлетворение в осознании огромной значимости своей миссии и торжества общего дела.

В извращенном, секуляризованном виде здесь, конечно, узнавалась идея христианской жертвы, что и нашло отклик в народном сознании. И как знать, если бы не дикий вал русофобии, прокатившийся по бывшим братским республикам, если бы не откровенный цинизм, с которым была поругана и отвергнута жертва, принесенная Россией в годы второй мировой войны,— быстрое осознание реальности своего дискриминированного положения русскими, может быть, так бы и не началось.

Кроме того, как великолепный прагматик, Ленин уравновесил дезинтеграционные тенденции своей модели встроением в нее двух мощных интеграторов. Ими стали:

идеология пролетарского интернационализма, согласно которой вопрос о границах и национальных разделах был по сути своей «буржуазным» и в перспективе должен был отмереть;

единая властная структура в лице построенной на принципах централизма партии, которая, как стержень, скрепляла между собой многочисленные республики, области и округа;

наконец, реальная история, провал химеры «мировой революции» и выдвижение, как первоочередных, суровых задач выживания народов бывшей Российской империи. Очевидная невозможность их решения силами марионеточных псевдогосударств вновь выдвинула на передний план задачи общегосударственного строительства, со второй мировой войной ставшие доминирующими.

В этих условиях, особенно в годы войны, когда понадобилось опереться на мощные пласты народной памяти, произошло, опять-таки в идеологически изуродованной форме, новое возрождение «русской идеи».

Государство, обретающее историческую память, не могло не осознавать себя Россией, причем русской Россией. Реальная же организация государства не давала возможностей для нормального и честного хода этого процесса самовосстановления. Поэтому элементы «русской идеи» и патриотическое чувство трансплантировались в господствующую коммунистическую идеологию, что порождало болезненную двойственность. В республиках росла обида (отсюда — бурные чувства по отношению к исторически вполне точной строке гимна СССР), русские же продолжали оставаться в своем двусмысленном положении: самого превозносимого и самого дискриминированного народа в своей стране, на своей собственной исторической родине.

С грузом этих проблем мы и пришли к 1985 году, когда вновь назрела вероятность мягким, эволюционным путем превратить страну в федерацию, что требовало постепенного разъединения национального и территориального критериев, отказа от ленинской идеи союзных республик как независимых национальных государств в составе другого государства, переноса центра тяжести на территориальное и муниципальное самоуправление и совершенствование прав личности.

Однако выбранный Горбачевым курс — пресловутое «возвращение к ленинским истокам» — не позволил даже поставить проблему подобным образом. Но зато произошла гальванизация ленинской модели, убойная, смертоносная сила которой, раздирающая государство и народы, оказалась тем более страшной, что параллельно были разрушены в свое время встроенные в нее интеграторы: общая идеология, единый механизм власти и, наконец,— самое главное — совместно прожитая история.

Удручает недальновидность западных, тем паче — отечественных политиков и политологов, догматически связывающих решение национальных проблем в СССР исключительно с суверенизацией бывших союзных республик. Так, газета «Фигаро», комментируя перспективы новорожденного и, по правде сказать, уже дышащего на ладан СНГ, с энтузиазмом заявила: «Мы хотим добровольного союза наций — такого союза, который не допускал бы никакого насилия одной нации над другой, такого союза, который был бы основан на полнейшем доверии, на ясном осознании братского единства, на вполне добровольном согласии».

Хорошие слова, но, согласитесь, подобное уже произносилось «неким Владимиром Ульяновым».

Не говоря уже о совершенно неприемлемом антропологическом утопизме ленинской фантазии, за которую мы уже однажды заплатили безумную цену, нужно быть очень наивным человеком, чтобы верить в реализацию ленинского идеала через СНГ, и очень плохо знать существующую в стране реальность, где уже само количество народов и народностей (от 120 до 450, по разным оценкам), характер их расселения исключают достижение вышеописанного прелестного идеала путем простого «огосударствления» созданных авторитарной властью административно-территориальных образований, границы которых неоднократно и столь же авторитарно переделывались, а народы и компактно проживающие группы произвольно зачислялись в состав то одних, то других «государств».

Разумеется, при учреждении Содружества требовалось подтверждение этого образования народным волеизъявлением — особенно там, где существует нежелание тех или иных национальных групп находиться в составе «государства», в котором они оказались: в Приднестровье, Гагаузии, Нагорном Карабахе, Южной Осетии, в Крыму. Не говоря уже о длительном переходном периоде, необходимом для принятия таких решений.

Тем не менее в основу СНГ легло жесткое отождествление самоопределения народов с самоопределением ленинско-сталинских республик, которые тем самым обрекаются на длительные конфликты, где противоборствующие стороны будут настолько же не склонны сообразовывать свои действия с понятиями Конституции и права, насколько сами «отцы-основатели» продемонстрировали полную свободу от этих стеснительных для них «пережитков».

И, наконец, создание СНГ делает неизбежным обострение русского вопроса, так как в сложившейся на территории бывшей Российской империи, а теперь уже и бывшего СССР, системе национальных государств, русские сегодня выступают как народ безгосударственный и вступающий в острую фазу кризиса своей национально-исторической идентичности.

Самообособление РСФСР (ныне Российской Федерации) отнюдь не решило вопроса — ни для миллионов русских, в течение суток ставших иностранцами на своей многовековой родине, ни даже для русских, проживающих в «России», то есть в РФ, как редуцированной форме исторической России. Сегодня и эта территория превращается в нечто, что можно было бы назвать пространством «за вычетом автономий». Однако никто не берется определить этот «сухой остаток» содержательно.

Широко вошедшие в употребление формулы: «Россия и Чечня», «Россия и Татарстан», «Россия и Коми Республика» — делают даже юридически необходимым, наконец, определение того, что же есть Россия без Чечни, Татарии и т. д. Ведь российское руководство, кажется, не очень затрудняет себя вопросом, кого же представляет оно в республике (государстве), где скоро каждый нерусский народ обзаведется собственным президентом, но где русские составляют от 83 до 88 процентов населения.

Между тем, Россия «за вычетом автономий» (но с вероятным добавлением русских и русскоязычных территорий «ближнего зарубежья») — это и есть русская Россия, исходное ядро государства, кристалл, вокруг которого сложилась вся его структура. Обратный процесс, то есть рассыпание этой структуры, не может пройти без глубоких, возможно, катастрофических потрясений для русской России, потрясений тем более жестких, что своей исторической государственностью русские пожертвовали во имя создания «общего дома» — СССР.

Удивительным образом «русский вопрос» пока непропорционально мало его будущему значению привлекает внимание политологов. Точнее, он присутствует пока лишь в одном и том же, с унылым однообразием фиксируемом обличье: в виде разнообразно выражаемой тревоги по поводу «великорусского национализма», «великодержавного шовинизма» и «русского фашизма». Разумеется, всякий национализм, в том числе и русский, может обретать крайние, экстремистские формы, однако показательно, что знак равенства между любыми проявлениями сильного национально-государственного чувства (вполне естественного для народа, потерявшего или теряющего государственность) и «фашизмом» — ни больше ни меньше! — ставится только в отношении русских.

И это в условиях, когда в ряде бывших республик прошли кровавые этнические погромы, когда идут потоки беженцев (между прочим, в Россию, а не из нее), когда идет настоящая война в Нагорном Карабахе... Напротив, в русской России сколько-нибудь масштабных этнических столкновений не было (хотя существует «колхозно-рыночная» напряженность в отношениях с кавказцами), не говоря уже о полном отсутствии даже намека на национально-дискриминационное законодательство при полном «беспределе» в вопросе национальных суверенизаций и «президентаций» на ее территории.

Совершенно очевидно, что в этих условиях энергичный, целенаправленный упор на тему «русского фашизма» не является случайным, но должен рассматриваться как проявление глобального императива, заявлявшего о себе еще устами Ленина и Ллойд Джорджа. А именно: *геополитической России не должно быть.* Но совершенно ясно, что условием такого небытия является разгосударствление русских. Будучи выполнено, оно автоматически снимет вопрос о существовании на евразийских просторах крупного государственного образования, обладающего «самостью» в мировом концерте.

Осуществить вековую мечту многих и многих геостратегов Запада (включая Альфреда Розенберга и Адольфа Гитлера) сегодня тем более просто, что русская Россия предстает разгосударствленной, денационализированной (а отнюдь не националистичной), в состоянии экономического истощения и демографической депрессии. Депрессии, обусловленной, заметим, не только чудовищной убылью населения вследствие гражданской войны, потрясений 20—30-х годов и Великой Отечественной войны, но и демографическим донорством русской России, практически сформировавшей костяк индустриальных рабочих и инженерно-технических кадров в «ближайшем зарубежье».

И вот в таком состоянии России сегодня настойчиво предлагается отказаться не только от статуса великого евразийского государства (а таковым, в случае преодоления кризиса, может быть Россия, даже редуцированная до размеров Российской Федерации), но и от исторического бытия *в качестве единого народа.*

«Русские иностранцы» в Прибалтике, Молдавии, Средней Азии, Казахстане — это лишь «внешний круг» расщепления того единого национального тела, на восстановление которого Русь потратила века тяжкой

исторической работы после освобождения от ордынского ига.

Процесс не заканчивается на этом, но уже разворачивается внутри Российской Федерации, где расщепление русских, как единого народа с общим государством — Россией, идет по форме суверенизации автономий. При этом русские, составляющие здесь то половину (Татарстан), то больше половины населения (Коми, Якутия, не говоря уже о Карелии), под лозунгами суверенизации утрачивают историческую и государственную идентичность, ибо их государством становится теперь не Россия, а территориальное образование, названное именем другого народа.

Отсюда остается один шаг до начала дробления собственно русской России (национальный состав ее в иных областях мало чем отличается от автономий), которое уже начинается. Понятие «Россия» при этом упрощается, лишается духовной глубины, а государство быстро превращается в «центр» — как произошло с Союзом,— по отношению к которому нарастают настроения фронды, отталкивания и неприятия. Нет нужды говорить о том, какой обвальной деструкции подвергнется при этом сложившееся за века культурно-историческое «я» нации.

В этом случае можно будет говорить об исторической смерти русских как великого исторического народа, со своей, резко выраженной физиономией и своим, особым и сильным, голосом в концерте мировых культур. Реальное же его существование, конечно, будет продолжаться неопределенно длительное время. При этом могут быть самые разные варианты. Так, скажем, возникшие довольно сильные «креольские» республики (Сибирь и Дальний Восток), поглощенные экономическими связями со своими ближайшими соседями — Японией, Китаем и молодыми «драконами», вполне вероятно, отвернутся от разоренной и униженной, попавшей в геополитический «мешок», сшитый для нее политиками «новой волны», материнской земли — Центральной России. Разрыв может оказаться столь глубоким, что «креолы» откажутся даже поставлять рекрутов в теперь уже непонятно чью армию. «Креольский» вариант не исключен и для южных, также по отношению к Центральной России более богатых земель, где все большую роль играют казацкие движения, с прогрессирующей в них тенденцией к обозначению себя как особого этноса и утрате общерусского сознания.

Геополитический и государственный крах России тем самым завершится, что, разумеется, отнюдь не будет означать воцарения всеобщего мира на евразийских просторах, но, наоборот, полную замену здесь недавно еще казавшейся ледяной, «застойной» статики горячей динамикой. Превращение жесткой структуры в поле взаимодействия разнонаправленных и сталкивающихся между собой тенденций и векторов геополитического движения.

Что же до русских, оставшихся на «материнской земле», а также оказавшихся «за рубежом», то участь их представляется неприглядной: и здесь, и там их ожидает резкая маргинализация. Ее несущую основу составит население разоренных и деградировавших областей Центральной России, которые, с утратой выходов к морю и, особенно, с суверенизацией сырьедобывающих районов Поволжья и Сибири, войдут и уже входят в штопор необратимой деиндустриализации, что приведет к утрате всего громадного потенциала, созданного трудами и жертвами нескольких поколений. Уже сегодня гибнет «космос» и высокотехнологичные отрасли промышленности, что превращает в безработных люмпенов специалистов высокого класса, которыми еще вчера восхищался мир.

Регион превратится в поставщика дешевой рабочей силы для более обласканных судьбой соседей, а также специалистов-ядерщиков и оборонщиков для стран третьего мира. И это также не фантазии, а уже идущий процесс. Кроме того, он уже (впрочем, сегодня таково положение всей России) превращается в поставщика рекрутов для армий сопредельных «стран». Как иначе можно назвать принесение присяги на верность Украине российскими солдатами и офицерами? Тот же процесс идет в Азербайджане, развивается в Белоруссии. Российское же руководство упорно, словно не понимая, о чем идет речь, твердит, что Россия создаст свою армию последней. А поскольку призыв с ее территории продолжается, сомнений нет: россияне (а в перспективе — именно русские, так как пример Чечни, создающей свою армию, уже отчетливо обозначил тенденцию) становятся тем «пушечным мясом», которое будет обеспечивать решение задач, не имеющих ничего общего с защитой собственно российских национально-государственных интересов.

В сущности, поставка рекрутов — это почти работорговля, и то, что такая бредовая перспектива на пороге XXI века становится, тем не менее, реальностью для русских, означает, что они как народ сейчас, в структуре СНГ, пришли к состоянию, отражающему зеркально, обратно, их былое положение в Российской империи. То есть — состояние основного трудового и воинского ресурса, но на сей раз при утрате не только статуса главного субъекта общей государственности, но и собственной государственности вообще.

Однако вряд ли превращение 150-миллионного народа, или даже какой-то его части, в народ-изгой сулит мир и покой его соседям, которые, впрочем, было бы и безнравственно надеяться получить такой ценой. В случае, если процесс раздробления русского народа станет необратимым, то неизбежная маргинализация нации, сопровождающая этот исторический крах, вполне возможно, приведет к развитию в «русском поле» национально-освободительных движений классического левого типа, по образцу движений 50—60-х годов в странах третьего мира, с вероятной сильной неокоммунистической компонентой.

Другой вариант — развитие русского ирредентизма, то есть движение за воссоединение разорванного народа (по образцу итальянского Рисорджименто), с включением всего потенциала исторической памяти, национального достоинства и одновременной выработкой программы обновленческих, демократических реформ. Очевидно, всеобщего мира не будет и в этом варианте, хотя, развиваясь, движение будет тяготеть к энергичным формам ненасилия, по образу освободительной борьбы в Индии, руководимой Ганди.

И, наконец, в случае, если энергетический потенциал народа исчерпан настолько, что он окажется неспособен на сколько-нибудь сильную форму протеста, будут стремительно ускоряться его деградация и криминализация. В связи с реальностью превращения территории бывшего Союза в транзит для мировой торговли наркотиками, можно предположить развитие здесь каких-то вариантов «медельинской» модели, естественно, генерирующей вокруг себя нестабильность и глубокое перерождение всей социально-политической ткани.

Но любой из этих трех вариантов не оставляет никаких иллюзий, что расчленение России и неизбежное при этом превращение русского вопроса в глобальную проблему человечества — «в язву человечества», как писал русский философ Иван Ильин в своей работе «Что сулит миру расчленение России», — может каким-либо образом вести к всеобщему миру и процветанию на планете.

Так или иначе, времени, отпущенного на осознание истинных масштабов и глубины «русского вопроса», остается не так уж много.

ВЛАДИМИР КОЗЛОВ,
доктор исторических наук

ЗАПИСКА АНОНИМА,

ИЛИ ИСТОРИЯ О ТОМ, КАК ПРОФЕССОР Х. Х. ДАБЕЛОВ ПОБЫВАЛ В БИБЛИОТЕКЕ ИВАНА ГРОЗНОГО

Подделке, о которой пойдет речь, суждена была долгая жизнь. Страничка-полторы текста «Рукописи профессора Дабелова» (известной также как «Записка анонима») вот уже более 160 лет вызывает ожесточенные споры и поддерживает романтические надежды найти наконец библиотеку Ивана Грозного.

В 1834 году среди русских ученых поднялся настоящий переполох. Причина — появление статьи немецкого правоведа Ф. В. Клоссиуса «Библиотека великого князя Василия I * Иоанновича и царя Иоанна I Васильевича». Среди прочих известий о таинственном книгохранилище московских царей там была также полностью опубликована и так называемая «Записка анонима».

В этом документе содержалась краткая опись древнегреческих и древнелатинских книг, находившихся в библиотеке некоего русского царя, которого все почему-то связали с именем Ивана Грозного. О «Записке анонима» впервые сообщил профессор Дерптского университета Х. Х. Дабелов. В 1822 году он опубликовал список рукописей юридического содержания, некогда находившихся в библиотеке русского царя. По словам ученого, «Записка анонима» была обнаружена им среди неопубликованых бумаг в Дерпте.

Перед вами перевод этого документа:

«Сколько у царя рукописей с Востока.

Таковых было всего до 800, которые частию он купил, частию получил в дар.

Большая часть суть греческие, но также много и латинских.

Из латинских видены мною:

Ливиевы истории, которые я должен был перевести.

Цицеронова книга de republica и 8 книг Historiarum.

Светониевы истории о царях, также мною переведенные.

Тацитовы истории.

Corpus Ульпиана, Папиниана, Павла и т. д. Книга Римских законов.

Юстиновы истории.

Кодекс конституций импер[атора] Феодосия.

Вергилия Энеида и Ith.

Calvi orationes et poëm.

Юстинианов кодекс конституций и кодекс новелл.

Сии манускрипты писаны на тонком пергамине и имеют золотые переплеты.

Мне сказывал также царь, что они достались ему от самого императора и что он желает иметь перевод оных, чего однако я не был в состоянии сделать.

Саллюст[ия] Югурт[инская] война и сатиры Сира.

Цезаря комм[ентарий] и Кодра.

Греческие рукописи, которые я видел, были:

Полибиевы истории.

Аристофановы комедии.

Basilica и Novella Constitutiones, каждая рукопись также в переплете.

Пиндаровы стихотворения.

Гелиотропов Gynothaet.

Гефестионова Geographica.

Феодора, Афанасия, Zamoreti и других толкования новелл.

Юстин[ианов] зак[оны] аграр[ные].

Zamolei Mathematica.

Стефанов перевод пандектов.

.... реч(и) и ....Hydr.

.....пиловы Истории.

Кедр?... и эпиграммы.

Baphias Hexapod и Evr.»

Клоссиус писал, что по приезде в Дерпт его первым желанием было отыскать оригинал «Рукописи профессора Дабелова». Однако розыски оказались тщетными: даже старые архивисты не могли припомнить указанной связки бумаг. Не значилась она и ни в одной из описей...

Несмотря на отсутствие оригинала, сообщение произвело сильнейшее впечатление. В самом деле, в нем содержалась уникальная информация. Во-первых, «Рукопись профессора Дабелова» сообщала о способе комплектования библиотеки (за счет дарений и покупки). Во-вторых, становилось известно общее число рукописей — до 800 (греческих и латинских). В-третьих, приводился перечень знаменитых книг («История» Т. Ливия, «Жизнь цезарей» Светония, «Энеида» Вергилия, «Югуртинская война» Саллюстия), а то и вовсе неизвестных («Оратории и поэмы» Кальвия, «Сатиры» драматурга Сира, «Корпус» Ульпиана, Папиниана и Павла). В-четвертых, «Записка анонима» сообщала, что дерптский пастор перевел на русский язык «Историю» Ливия, «Жизнь цезарей» Светония

* Имеется в виду Василий III, великий князь московский (1505—1533).

и целый ряд произведений других латинских авторов.

Публикация Клоссиуса стала первой наиболее полной рвботой о библиотеке Ивана Грозного и его отца. «Записка анонима» воспринималась как достоверное свидетельство о рукописных богатствах, сохранявшихся в России.

Спор о достоверности сообщений Дабелова и Клоссиуса с годами так и не решился. Оба лагеря представлены авторитетными и квалифицированными специалистами. Н. П. Лихачев и С. А. Белокуров приводили многочисленные доказательства фальсификации рукописи. Их оппоненты — академик А. И. Соболевский и уже в наше время А. А. Амосов — склонны к признанию ее подлинности.

Позволим себе высказать собственную версию о списке книг библиотеки Грозного.

Начнем со свидетельств Клоссиуса о том, что Дабелов получал материалы для своих ученых штудий как из официальных хранилищ, так и от «посторонних лиц», то есть из частных собраний. В этих бумагах им и была обнаружена записка. Но совершенно неясно, как «Рукопись профессора Дабелова» попала к нему — из официального хранилища или из архива частного лица? Представляется крайне странным решительное намерение Дабелова и Клоссиуса разыскивать оригинал «Записки анонима» только в официальных хранилищах. На наш взгляд, такое направление поисков должно было максимально оттенить один из формальных признаков его подлинности.

В сообщении Клоссиуса имеются и хронологические неувязки. Он указывает, что после приезда в Дерпт в 1824 году его первым желанием было найти оригинал «Записки анонима». Однако далее мы читаем, что и сам Дабелов еще в 1820 году уже разыскивал его, а что еще интереснее, упомянуто об их совместных поисках в 1826 году. Почему же тогда появился 1824 год, когда у Клоссиуса не было еще никакого представления о документе?

Пойдем дальше. В первом сообщении Дабелова о «Записке анонима» (1822) говорилось только о рукописях юридического содержания. Документ, опубликованный Клоссиусом, содержит перечень не только юридических, но также исторических и литературных сочинений античности, порождая естественные подозрения в доработке, дополнении «Записки». О некоторых включенных в нее сочинениях стало известно как раз в 1822 году или несколько позже.

Для окончательного решения вопроса вспомним, что было известно о библиотеке московских государей ко времени введения «Записки анонима» в научный оборот.

Еще в 1776 году И. Бакмейстер привел как недостоверный рассказ Арндта о том, что Иван Грозный показывал одному пастору по фамилии Веттерман свою библиотеку.

В начале XIX века наиболее полный, хотя и специально не систематизированный свод известий о библиотеке опубликован в «Истории» Карамзина. В пятом томе, говоря о состоянии страны «от нашествия татар до Иоанна III», историограф коснулся Синодальной «Патриаршей» библиотеки, полагая, что в основе ее «была митрополитская, заведенная во время господства ханского над Россией и богатая не только церковными рукописями, но и древнейшими творениями греческой словесности».

Карамзин уверял читателей в других томах «Истории», что собирание древних рукописей имело в России давние традиции, причем это касалось исключительно греческих рукописей. Их привозили греки, собирали великие князья.

В «Записке анонима» все наоборот: всего лишь некий «царь» отчасти *купил*, отчасти *получил в дар* сочинения античных авторов. И какое-то количество *латинских* рукописей «царю» *досталось* от императора Священной Римской империи.

Дальше — больше. Карамзин рассказал о том, что Василий III, желая перевести *греческие сочинения*, пригласил в Россию *православного инока* Максима Грека. Сравните: в «Записке анонима» по просьбе «царя» неизвестный *пастор* перевел или должен был перевести книги *на латинском языке*. Вообще автор этого документа старательно подчеркивает интерес некоего русского царя к латинской книжной традиции. Это выражено в малозаметной, но символической детали: Карамзин сообщал, что Максим Грек увидел в библиотеке Василия III заброшенные греческие рукописи *в пыли*, а аноним отметил, что латинские книги находились в прекрасном состоянии и даже имели *золотые переплеты*.

Тонкая и ненавязчивая полемическая позиция анонима по отношению к рассказу Карамзина основывалась не только на прямых известиях историографа. Сама загадочная фигура переводчика в «Записке» также была навеяна «Историей» Карамзина, в восьмом томе которой сообщалось о предложении Ивана Грозного саксонцу Шлитту привезти из Германии в Москву художников, аптекарей и «людей искусных в древних и в новых языках, даже феологов». Среди прочего там говорилось: «Желая соединения вер, мы хотели иметь ученых богословов немецких, чтобы они узнали наш закон, а мы ваш латинский».

Дабелов говорил Клоссиусу, что переводчиком был пастор, имя которого он запамятовал. Автор «Записки» находился перед выбором: либо связать каким-то образом эту рукопись с пастором Веттерманом, действительно побывавшем в то время в Москве, либо превратить этот труд в сочинение неизвестного лица. Пусть читатель подразумевает под ним одного из четырех «феологов», прибывших в Россию при Иване Грозном.

Однако и в том, и в другом случае факт биографии неизвестного переводчика неизбежно включался в контекст событий второй половины XI века. А как раз этого, вероятно, не хотел создатель «Записки анонима»: он не мог игнорировать сведения, приведенные Карамзиным о Максиме Греке и библиотеке Василия III. Для соединения разновременных действительных исторических фактов был найден остроумный выход: «Записка анонима» сделалась как бы *вневременной*. Из документа невозможно понять, о библиотеке какого русского «царя» идет речь. И скорее всего, «Записка анонима» была сфабрикована на основе «Истории» Карамзина.

Кто же мог быть автором этой подделки? Ответ напрашивается сам собой: Дабелов. И дело здесь не только в том, что фальсификатор решил поспорить с Карамзиным, изобретая для этого столь оригинальную форму. Им руководили и более прозаические интересы. Уже ко времени появления «Записки анонима» в зарубежных ученых кругах сложилось твердое убеждение о наличии в хранилищах России ценнейших древних рукописей на греческом и латинском языках. Оно сформировалось прежде всего благодаря трудам профессора Московского университета Х. Ф. Маттеи. Саксонец по происхождению, он в 1772—1784 и 1804—1811 годах жил в России, активно занимался изучением греческих и латинских рукописей, хранившихся в Синодальной библиотеке. Его классическое описание этого собрания не потеряло научного значения и до сих пор. Вышедшее в свет в Лейпциге (1776—1805), оно породило среди европейских ученых надежды открыть в библиотеках и архивах России классические «раритеты». Эти взгляды разделял и Дабелов.

Немало значил этот документ и для Клоссиуса. Воодушевленный своими архивными находками в Италии, он после приезда в Дерпт обратил внимание на русские хранилища и в 1824 году установил связь с организатором и главой русских археографов графом Н. П. Румянцевым, нарисовав ему заманчивый план «сделать путешествие по всей России и первым плодом оного издать полное описание состояния всех в России библиотек и хранящихся в них сокровищ, подобно тому, как поступил Блуме в отношении к библиотекам итальянским». В руках Клоссиуса «Рукопись профессора Дабелова» стала чрезвычайно важным документом. С помощью этой записки он решил соблазнить русское правительство возможностью новых сенсаций. И в 1825 году Клоссиус добился своей цели — «высочайшего дозволения» на осмотр русских хранилищ.

Знал ли он, что использует фальшивый источник? Думается, да. А может, и сам приложил руку к «пополнению» его новыми данными.

«Рукопись профессора Дабелова», безусловно, одна из наиболее мастерски выполненных фальсификаций. Ее автор не пошел по пути выдумывания новых фактов и механической «склейки» кусков, частей текстов подлинных источников. «Записка анонима» сфабрикована по ассоциативному принципу. На основании действительных исторических фактов (предложение Ивана Грозного пастору Веттерману перевести какую-нибудь книгу его огромной библиотеки, приглашение четырех немецких «феологов», свидетельство Максима Грека о великокняжеской библиотеке) был создан документ, который обманывал читателя обилием достоверных деталей. Но фальшивка от этого не становится «более подлинной». ■

В 1453 году пал Константинополь. Победа турок повергла в шок христианский мир Европы: несколько столетий крестовых походов сделали привычной мысль о борьбе с неверными, и вдруг — знамя неверных в центре православия.
*Блистательная Порта * стала активно вмешиваться в политическую жизнь Европы. На протяжении нескольких веков международная жизнь вращалась вокруг создания антитурецких коалиций, мнимых и реальных. Об этом писали друг другу монархи, договаривались посольства, к этому призывали поэты и публицисты.*
В этих условиях союз Порты с Крымом — возможность влиять на политику ханов, координировать их набеги на Москву и сопредельные земли — был желанен для султана. И уже в XV века турки утвердили в Крыму династию Гиреев.

АЛЕКСАНДР ВИНОГРАДОВ

ПРАВИТЕЛИ КРЫМА

Вопрос о происхождении ханского дома Гиреев до сих пор не решен. Большинство исследователей считает, что первый хан — Хаджи-Гирей I — прямой потомок Чингиз-хана по линии одного из его сыновей, Джучи-хана. В востоковедении принята точка зрения, что дед Хаджи-Гирея был потомком Джучи-хана в восьмом колене.

Первые десятилетия их власть оспаривалась мятежной татарской знатью во главе с родом Ширинов. К тому же Крым считали частью своих владений ханы Большой Орды. После мучительного периода внутренних потрясений, вызванных смертью Хаджи-Гирея (1466), крымский престол перешел к потомкам Менгли-Гирея I. Еще борясь за престол, он заключил в 1475 году договор с султаном, по которому было определено положение Крыма как вассального государства. Однако тесная связь с Портой не принесла благоденствия крымским ханам: история Крыма — беспрерывная череда внутренних смут, дворцовых переворотов, вмешательства султана в династические распри... Большинство правителей Крыма окончили свой жизненный путь в изгнании на османской территории. Двадцать четыре хана, смещенных с престола, умерли в ссылке: первым был Саадат-Г. (скончался в Стамбуле в 1539 году), а последний хан Шагин-Г.— на острове Родос в 1787 году.

Среди них были талантливые правители, способные полководцы и государственные деятели, проявлявшие в отношениях с Портой известную самостоятельность и стремившиеся проводить свою политику, не всегда отвечающую интересам Османской империи.

Набеги крымцев на русские южные границы были истинным бедствием. Сын Менгли-Гирея I Мухаммед-Гирей I (1515—1523) прервал сложившиеся при отце союзные отношения с Москвой и организовал крупный поход на Русское государство в 1521 году. Сагиб-Гирей (1532—1551) (при котором Гиреи водворяются и в Казани) — также непримиримый враг Русского государства. А правление хана Девлет-Гирея I (1551—1577) ознаменовано неоднократными походами крымцев на Москву (1552, 1555, 1571 и 1572) и на Астрахань (1569). В 1571 году орды Девлет-Гирея сожгли Москву, в огне и дыму погибло все население города, а хан получил гордый титул «покоритель столиц». Но уже в следующем году крымцы были разбиты русскими войсками в бою при Молодях. Победило земское войско, и это во многом способствовало закату опричнины.

Девлет-Гирей I навсегда закрепил крымский престол за своим потомством, устранив всех остальных представителей династии Гиреев. Это был один из немногих Гиреев, который осмеливался игнорировать распоряжения Порты, однако даже ему не удалось обеспечить главное условие стабильности династии — порядок престолонаследия.

В мусульманском правящем доме, где правитель имел сыновей от разных жен, были свои правила наследования: «вертикальный» (от отца к сыну) и горизонтальный — от брата к брату.

Историки до сих пор не пришли к единому мнению, когда и каким образом был определен порядок наследования ханского престола. Будет ли власть переходить от отца к сыну или, как это было принято у многих джучидов, — от брата к брату? Власть хана ограничивалась традиционным влиянием четырех крупных феодальных родов (Ширин, Барын, Аргын, Кыпчак), а с середины XVI века к ним добавился и род Мангит (Мансур). По древней татарской традиции избрание нового хана осуществлялось татарской знатью. А потом главы указанных четырех родов — карачи должны были посадить вновь избранного хана на войлочный ковер и, взявшись за четыре угла этого ковра, водрузить нового хана на тронный помост. С другой стороны, назначение хана оставалось прерогативой Порты. Такое положение и определило многовариантность ситуаций при наследовании крымского престола. При Менгли-Г. сложился такой порядок: несколько сыновей правящего хана должны оставаться в Стамбуле в качестве заложников султана.

В правление Менгли-Г. I появляются должности первого и второго официальных наследников престола: калги и нуреддина. Первым калгой стал его старший сын Мухаммед-Г., занявший престол после смерти отца. За всю историю Крымского ханства калга наследовал престол только в пяти случаях. Начиная с 1584 года калга назначался Портой; хотя у хана была возможность сменить неподходящего наследника, но попытки назначить неугодных Порте лиц решительно пресекались.

Время появления должности второго наследника — нуреддина до сих пор не выяснено. Ни один представитель рода Гиреев, занимавший эту должность, не стал ханом.

Держать под контролем политику Бахчисарая Порта могла, только имея под рукой какое-то количество претендентов на престол. И здесь у нее были широкие возможности. В Стамбуле в качестве заложников постоянно жили один или несколько сыновей царствующего хана. Уже в 1524 году подобная предосторожность оправдалась.

Когда Порте понадобилось сместить Гази-Г. I, овладевшего престолом без ее согласия, Саадат-Г. I, некогда отданный отцом в заложники султану Селиму I, был провозглашен в Стамбуле ханом и отправлен в Крым. Это был первый случай прямой замены хана на крымском престоле с участием османских военных сил. А дальше — в 1551 году при военной поддержке Османов хан Девлет-Г. I сменяет Сахиб-Г. I; в 1584 году — Ислам-Г. II при поддержке турецкого флота — Мухаммеда-Г. II.

Кровавые распри в роду Гиреев (конец XVI века) вынудили многих из них покинуть Крым. Конечно, далеко не все держали путь в сторону Стамбула, многие искали поддержки у ногайцев, в Черкессии, даже в Малой Азии.

Массовый «исход» Гиреев из Крыма начался в XVII веке, в период второго правления Гази-Г. II, когда бежали брат хана Селамет-Г. и племянники Мухаммед-Г. и Шагин-Г.

Мухаммед-Г. III в первый раз бежал из Крыма в 1602 году после неудавшегося мятежа против хана Гази-Г. II; он обосновывается в Анатолии, поддерживает восстание Кара Языджи и Дели-Хасана, а затем покидает мятежников и приносит повинную султану. После смерти Гази-Г. II Мухаммед-Г. уезжает в Крым в качестве калги при новом хане Селамет-Г. (он активно участвует в смещении неугодного Порте Тохтамыш-Г.). И опять мятеж, на этот раз против хана Селамет-Г. Мухаммед-Г.— изгнанник в Черкессии. Третий мятеж, уже против хана Джанибек-Г. Мухаммед-Г. направляется в Стамбул. Тринадцать лет интриг при султанском дворе, заточение в крепости, ссылка на остров Родос и, наконец, в 1623-м, через двадцать лет, назначение ханом вместо Джанибек-Г.

Смещенный с престола Джанибек-Г. был отправлен в черменский санджык, где ему впервые были выделены земельные владения.

Вскоре местопребыванием Гиреев стал остров Родос: в иные времена потомков хана оказывалось тут больше, чем в Крыму.

Во второй половине XVII века Гиреи обосновываются в Ямболу (Румелия). Уже в 1671 году оттуда прибывает в Крым новый хан Селим-Г. I, чтобы спустя шесть лет отправиться на Родос. Вместо него в Крым в начале 1678 года прислали Мурад-Г., в 1683 году этот хан был сослан в Ямболу. В XVIII веке Гиреи «освоили» также остров Хиос и многие области в европейских владениях Порты. Впрочем, часто для многих из них в XVIII веке выдворение из Крыма во владения Порты в известном смысле означало уже возвращение на родину, ведь многие крымские ханы родились вне Крыма.

Смещение правителей было одной из важнейших прерогатив Турции как государства-сюзерена. Однако со временем эта политика обернулась против интересов самой Порты.

Последние годы существования Крымского ханства показали, что в роду Гиреев не осталось лиц, отмеченных военными и политическими дарованиями, долгие годы заложничества не способствовали формированию этих качеств.

Уже ко времени русско-турецкой войны (1768—1774) султан бесконтрольно распоряжался крымским престолом, и власть последовательно переходила в руки различных представителей династий, не находящихся, как видно из приводимой нами генеалогической таблицы, даже в близком родстве. Перемена ханов на крымском престоле последние десятилетия правления Гиреев фактически довольно точно отражает ход войны за завоевание Крыма. И само существование ханства уже находилось под угрозой. 14 (25) июня 1771 года русские войска заняли Перекоп и вскоре оккупировали весь полуостров. В августе 1771 года Селим-Г. III бежал в Стамбул.

Правительство Екатерины II еще не ставило вопрос о ликвидации Крымского ханства. Под контролем русских войск татарская знать «выбрала» нового хана Сахиб-Г. II, лояльного к России. Новый хан заключил 1 (12) ноября 1772 года бухарестский договор с Россией, по которому Крым был объявлен независимым от Турции государством, находящимся «под покровительством» России.

Казалось бы, что для Гиреев наступили новые времена. Русское правительство прежде всего намеревалось лишить Порту формальных оснований для притязаний на господство в Крыму. Султан же, не признавая нового крымского хана, санкционировал избрание частью татарской знати хана Максуд-Гирея. Оно состоялось в августе 1771 года одновременно с «избранием» Сахиб-Г. II. В ноябре Турция признала нового хана, сместив Селим-Гирея III, и в декабре Максуд-Г. прибыл в крепость Рущук на Дунае, где он находился вплоть до лета 1773 года, ожидая, когда русские войска очистят Крым. Но и Россия была не намерена признавать турецкого ставленника, и в июне 1773 года султан сместил Максуд-Гирея в ходе начавшихся мирных переговоров с Россией. В конечном итоге Порта вынуждена была признать независимость Крыма от Турции по условиям Кючук-Кайнарджийского мира 1774 года.

После ухода русских войск турки, не смирившиеся с потерей Крыма, спровоцировали в апреле 1775 года свержение Сахиб-Г. II татарской знатью. Новый хан Девлет-Гирей III отказался признать условия мирного договора 1774 года, что побудило Россию в декабре 1776 года вновь ввести свои войска за Перекоп.

В январе 1777 года Девлет-Гирей III покинул Крым, и на престол был «избран» русский ставленник Шагин-Гирей, которому суждено было стать последним крымским ханом.

Правительство Екатерины, столкнувшись с непрерывными попытками Порты сохранить формально крымскую государственность, решило покончить с Гиреями.

Весной 1782 года в Крыму начались волнения, Шагин-Гирей бежал из Бахчисарая в Еникале под защиту русского гарнизона. Терпение русского правительства иссякло. Его войска вновь заняли Крым, а провозглашенный татарами ханом Бахадыр-Г. бежал в Стамбул. 2 февраля 1783 года Шагин-Гирей отрекся от престола, а 28 декабря того же года последовал Акт о присоединении Крыма к Российской империи.

Так окончилась история династии Гиреев.

Род Гиреев продолжил свое существование уже в Османской империи. Потомки крымских ханов вошли в состав турецкой знати и поныне живут в Турции. Вплоть до начала XIX века неоднократно поднимался вопрос о притязаниях Гиреев на крымский престол, но Порта отказалась от этого намерения. Неупорядоченность престолонаследия исключала возможность законных претензий какого-либо из представителей этой династии на престол. Последним представителем династии можно считать Шагин-Гирея, ведь после его кончины в 1787 году на о. Родос ни одно лицо в роду Гиреев так и не приняло титул крымского хана.

* Порта — принятое в историографии название правительства Османской империи.

Родословное древо дома Гиреев
Хаджи-Гирей
Хан Крыма 1428~1435 1441~1456 1458~1466
Нурдевлет-Г-I
Хан 1466, 1467~1499 1475/1476~1479
Хайдар-Г
Хан 1456
Менгли-Г.-I
Хан 1466, 1469~1474
Мухаммед-Г-I
Хан 1515~1523
Саадет-Г-I
Хан 1524~1532
Мубарак-Г
Сагиб-Г-I
Хан 1532~1551
Гази-Г-I
Хан 1523~1524
Ислам-Г-I
Хан 1532
Девлет-Г-I
Хан 1551~1577
Мухаммед-Г-II
Хан 1577~1584
Ислам-Г-II
Хан 1584~1588
Гази-Г-II
Хан 1588~1597 1597~1607
Селамет-Г-I
Хан 1608~1610
Саадет-Г
Инайет-Г
Тохтамыш-Г
Хан 1608
Бахадыр-Г
Мухаммед-Г-III
Хан 1623~1624 1624~1628
Хаджи-Селим-Г-I
Хан 1692~1699
1702~1704, 1671~
1684~1691
Саадет-Г-I
Хан 1717~1724
Каплан-Г-I
Хан 1707~1708 1713~1716 1730~1736
Менгли-Г-II
Хан 1724~1730 1737~1739
Ислам-Г-II
Хан 1740~1743
Девлет-Г-II
Хан 1699~1702 1708~1713
Халим-Г
Хан 1755~1758
Селим-Г-II
Хан 1743~1748
Максуд-Г
Хан 1767~1768 1771~1772
Гази-Г-III
Хан 1704~1707
Кырым-Г
Хан 1758~1764 1768~1769
Каплан-Г-II
Хан 1770
не прибыл в Крым
Мубарак-Г
Фетх-Г-I
Хан 1597
Сафа-Г
Кырым-Г
Адиль-Г
Хан 1666~1671
Ислам-Г-III
Хан 1644~1654
Мухаммед-Г-IV
Хан 1641~1644 1654~1666
Ахмед-Чобан-Г
Сафа-Г-I
Хан 1691~1692
Хаджи-Г-I
Хан 1683~1684
Саадет-Г-II
Хан 1691
Мубарак-Г
Мурад-Г
Хан 1677~1683
Адиль-Чобан-Г
Хан 1716~1717
Джанибек-Г-I
Хан 1610~1623 1624, 1628~1635
Арслан-Г
Хан 1748~1755 1767
Ахмед-Г
Фетх-Г-II
Хан 1736~1737
Бахадыр-Г-II
Хан 1782
Сагиб-Г-II
Хан 1771~1775
Шагин-Г
Хан 1777 1778~1782 1782~1783
Девлет-Г-IV
Хан 1769~1770 1775~1777
Селим-Г-III
Хан 1764~1767 1770~1771 1777~1778

ДИНАСТИЯ ГИРЕЕВ НАСЧИТЫВАЛА СОРОК СЕМЬ ЦАРСТВУЮЩИХ ХАНОВ

Основатель династии Хаджи-Гирей овладел частью Крыма уже в 1428—1430 гг., но в конце 1434 — начале 1435 г. был изгнан оттуда генуэзцами и бежал обратно в Литву. Лишь в 1441—1443 гг. ему удалось вновь утвердиться в Крыму. Но уже в 1456 г. один из его сыновей пытается лишить его престола.

В 1466 году ханом стал старший сын Хаджи-Гирея I Нурдевлет. Однако вскоре ему пришлось покинуть Крым. Крымским престолом овладел Менгли-Гирей I. В 1467 г. Нурдевлет возвращается в Крым и правит до 1469 г. Однако и на этот раз он был свергнут братом. Длительная борьба между братьями привела к тому, что татарская знать признала в 1475 г. власть хана Ахмета, и в Крыму водворился его наместник Джанибек. Династия Гиреев оказалась лишенной престола. Но ненадолго. При поддержке Турции Менгли-Гирею I удается вновь водвориться в Крыму. И только в конце 1478 — начале 1479 г. ему удалось окончательно изгнать Нурдевлета и стать единственным властителем Крыма.

Потомки Менгли-Г. I правили Крымом на протяжении восьми поколений. Первое колено (сыновья Менгли-Г. I) насчитывало трех ханов. Второе колено — также трех ханов, двое из которых являлись родными братьями. Третье поколение потомков Менгли-Г. I было представлено на крымском престоле пятью ханами — сыновьями Девлет-Г. I. В четвертом поколении на престоле семь представителей династии: два сына Гази-Г. II, четыре сына Селамет-Г. I и сын царевича Мубарак-Г. Из пяти потомков Менгли-Г. в пятом колене только два хана являются родными братьями. Зато из семи царствующих представителей династии в шестом колене шестеро являются родными братьями. И в последнем, восьмом — поколении из пяти ханов три родных брата.

Только пять ханов наследовали престол после смерти или смещения отца. В двух случаях (в 1515 г. после смерти Менгли-Г. I и в 1577 г. после смерти Девлет-Г.) переход престола к их старшим сыновьям был санкционирован Портой и прошел относительно спокойно. При этом в обоих случаях речь шла о наследовании сильному правителю, сумевшему подготовить условия для перехода власти. В двух случаях сын наследовали отцу, будучи избранным на престол крымской знатью, но не был признан Портой (в 1523-м после гибели Мухаммед-Г. I и в 1608 г. после смерти Гази-Г. I.) Оба представителя династии, пытавшихся тогда занять престол (Гази-Г. I и Тохтамыш-Г.), были смещены Портой и погибли, пытаясь сопротивляться назначенным султаном новым ханам. В 1699 г. ханом Крыма вместо своего отца Хаджи-Селим-Г. I стал Девлет-Г. II, но уже в 1702 г. Хаджи-Селим-Г. I возвращается на престол.

Помимо Мухаммед-Г. I и Мухаммед-Г. II, наследовавших своим отцам, ханами стали: в 1610 Джанибек-Г., бывший калгой своего дяди Селамет-Г. I; в 1699 г. Девлет-Г. II, бывший калгой с 1683 г. при четырех ханах, в том числе дважды при своем отце Хаджи-Селим-Г. I, которого он и сменил на престоле; в 1736 г. Фетх-Г., бывший калгой своего дяди Каплан-Г.; в 1743 г. Селим-Г. II, также бывший калгой своего дяди Селамет-Г. II.

Характерно, что из сорока четырех крымских ханов, находившихся у власти в 1479—1783 гг., только десять представителей династии скончались на престоле естественной смертью: Менгли-Г. I (янв. 1515), Девлет-Г. I (июнь 1577), Ислам-Г. II (апр. 1588), Гази-Г. II (кон. 1607 или начало 1608), Селамет-Г. I (май 1610), Ислам-Г. III (июль 1654), Хаджи-Селим-Г. I (дек. 1704), Менгли-Г. II (дек. 1739), Селим-Г. II (май 1748), Арслан-Г. (июнь 1767).

Два хана погибли, возвращаясь из военных походов: Мухаммед-Г. I, убитый во время возвращения из похода на Астрахань осенью 1523 г., и Бохадыр-Г., скончавшийся после возвращения из похода на Азов в октябре 1641 г. Хан Инайет-Г. был казнен по приказу султана в Стамбуле. Пять представителей династии физически уничтожены в ходе их свержения с престола: Гази-Г. I (1524), Сахиб-Г. (1551), Мухаммед-Г. II (1584), Фетх-Г. I (1587), Тохтамыш-Г. (1608). Два хана погибли вне пределов Османской империи: Ислам-Г. I и Мухамед-Г. III. Все остальные Гиреи окончили свой жизненный путь в почетной ссылке у турецких султанов.

Рожденные революцией

В № 9—10 журнала мы опубликовали коллекцию экзотических имен и попросили читателей пополнить ее. Познакомим вас с наиболее интересными откликами.

«В школе, куда меня направили работать, была сотрудница по имени Вилиорика — В. И. Ленин, Интернационал, Октябрьская революция, Красная Армия.

Встречалась я также с людьми, носящими имена Сталúна (в честь Сталина), Марсэлина (Маркс, Энгельс, Ленин, интернационал, народная армия), Марксэлен (Маркс, Энгельс, Ленин), Элмар (Энгельс, Ленин, Маркс), Ревмира (революции мировой армия), Мэликс (Маркс, Энгельс, Ленин, интернационал, коммуна, Сталин), Изаида (иди за Ильичем, детка!), Торилис (торжествуют идеи Ленина и Сталина). Но, пожалуй, наибольшее впечатление произвело имечко Статразав — сталинградский тракторный завод»,— сообщила К. Сперанская (г. Кашин).

А вот В. Исаев из Санкт-Петербурга знает людей с не менее любопытными именами:

Лэри — Ленин, электрификация, революция, индустриализация.

Орэлитос — Октябрьская революция, электрификация, индустриализация, торжество социализма.

Коллекцию продолжает Нина Ивановна из Сыктывкара (фамилию, к сожалению, не указала):

Новомир — Новый мир

Палера — Памяти ленского расстрела

Лапанальда — лагерь папанинцев на льдине.

А. Дмитриев из Минска учился вместе с Росиком — Российский исполнительный комитет.

А вот М. Карпеев из Свердловской области напомнил о роли Олега Табакова в фильме «Гори, гори, моя звезда». Его героя звали Искремас — Искусство революции в массы.

Н. Квашук из Москвы вспомнила имя Кинельм — Коммунистический Интернационал Маркса-Ленина...

Думается, достаточно. Возможно, что кому-то из новоиспеченных мам и пап мы снимем проблему с имянаречением.

Обзор читательской почты подготовила

Т. МАКСИМОВА

БОРИС НИКОЛАЕВСКИЙ

Большевистский Центр

II

Полицейские репрессии, которые с начала зимы 1907—08 гг. обрушились иа революционные организации, пытавшиеся в 1906—07 гг. создавать свои базы на территории Финляндии, ускорили развитие событий. Петербургская полиция все чаще делала набеги иа пограничные пункты, излюбленные революционерами. Крупская пишет, что полиция особенно усиленно охотилась за Лениным и «искала его по всей Финляндии». Это утверждение совершенно ие соответствует действительности: иикаких следов специальной охоты за Лениным в архивах царской полиции найти не удалось, хотя они в отношении именно Ленина изучены с большой старательностью. Ноябрьские и декабрьские 1907 года полицейские набеги на Териоки, Куоккала и т. д. были направлены прежде всего против эсеров, связаиных с террором, и против анархистов-«махаевцев» из группы «Рабочего заговора» — оттуда тянулись нити к разиым экспроприациям и актам экономического террора (убийства инженеров и т. д.) Из большевиков задеты были лишь М. Я. Вайнштейн, секретарь БЦ по линии предприятий Красина, и кое-кто из «боевиков» — главным образом из связанных с латышскими «лесными братьями». Но, конечно, было ясно, что это лишь начало, за которым скоро пойдут продолжения. Финляндия переставала быть мало-мальски надежным убежищем. Период «малой эмиграции» (так называли революциоиную работу с опорными базами в Финляндии) кончался, приближалось время уходить в эмиграцию «большую», более далекую от границ России.

«Как водится,— писал Мартов Аксельроду 10 декабря 1907 г.,— первым уехал Ленин». Последний вообще с исключительной старательностью берег себя от ареста, считая, что без него — если арест надолго вырвет его из активной работы — все развитие внутрипартийных отношений пойдет иными путями. Он еще в октябре забрался вглубь Финляндии, к Гельсингфорсу, и оттуда добился решения БЦ о необходимости перенести редакцию «Пролетария», центрального органа БЦ, за границу. В редакцию были избраны Ленин, Богданов и Дубровинский, что обеспечивало решающее влияние Ленина. Одно-

---

Окончание. Начало см. в № 3, 1992.

временно было принято запрещение полемики на страницах нелегальной большевистской печати по философским вопросам — в изданиях легальных эта полемика была признана допустимой на основе полного равенства обеих основных групп, т. е. и ортодоксальных марксистов плехановского толка, и сторонников Богданова. Это последнее решение фактически ограничивало влияние Богданова, так как до того в легальных большевистских органах (в 1907 г. основным их теоретически-политическим органом был «Вестник жизни», ежемесячный журнал, выходивший в Петербурге под редакцией П. П. Румянцева) в вопросах философии едва ли не безраздельно хозяйничали «богдановцы».

С этими решениями в кармане Ленин 20 января 1908 г. прибыл в Женеву. Вторая эмиграция встречала невесело: скверная погода, скверные новости, повсюду за границей шли аресты большевиков. В первый же вечер, возвращаясь с Крупской после разговоров с женевскими большевиками, Ленин обронил: «У меня чувство, точно в гроб ложиться приехали».

В гроб он, конечно, не лег, оружия не сложил, а, наоборот, начал новый сложный партийный маневр. Но третий период истории БЦ начинался, действительно, в крайне тяжелой со всех точек зрения обстановке: и в отношении общеполитическом, и с точки зрения внутрипартийной, и, наконец, под углом личных отношений, намечавшихся внутри БЦ.

В течение предшествующих лет все политические расчеты и Ленина лично, и всей большевистской фракции строились в надежде на близкое и победоносное восстание, которое разом разрешит все больные вопросы современности. И политически, и психологически это была крайне азартная игра, в которой боевые дружины, партизанские выступления и экспроприации казались крупными козырями, и их пускали в ход, не заботясь о возможных на этой почве внутрипартийных осложнениях. Экспроприация на Эриванской площади в Тифлисе еще вчера казалась особенно удачным ходом. Теперь стало ясным для всех, что ставка на восстание бита, что движение стоит перед длительной полосой не только нарастающей правительственной реакции, но и внутреннего распада тех сил, на которые оно опиралось. И за азартную игру, за пущенные в ход тифлисские козыри, предстоит расплачиваться.

Двести пятисотрублевых билетов, которые вывез Лядов зашитыми в жилет, разменять за границей было нелегко. Справки, которые наводили предварительно, давали основание думать, что попытки размена по заграничным банкам могут быть проведены с успехом, что во всяком случае широкого оповещения о номерах пятисотрублевок еще не сделано, но было ясно, что после размена первого же билета соответствующие меры будут приняты, и тогда все остальные пятисотрублевки потеряют всякую ценность. А речь шла об огромной сумме — о ста тысячах рублей, и для попытки их спасения был вызван сам Красин, который с помощью других «финансистов» БЦ разработал план одновременного размена пятисотрублевок в ряде крупных центров Европы. Была мобилизована большевистская молодежь, и в первых числах января 1908 г. попытки размена были сделаны в банках Парижа, Женевы, Стокгольма, Мюнхена и т. д. Все они закончились полнейшим провалом: являвшиеся в банки с пятисотрублевками были арестованы; в некоторых странах начались обыски и аресты русских эмигрантов, от которых тянулись какие-то нити к арестованным, причем обстановка некоторых из таких обысков и арестов показывала большую осведомленность полиции о закулисной стороне дела. Печать запестрела сенсационными сообщениями.

Настоящая причина этого полнейшего провала вскрылась только после революции: среди «финансистов», привлеченных к разработке плана размена, были не только Таратута и Литвинов, будущий нарком по иностранным делам, а тогда представитель БЦ в Париже, но и доктор Житомирский («Отцов»), доверенный человек Ленина по делам большевистских групп в эмиграции еще с 1903—04 гг. и в то же время главный осведомитель заграничной парижской Охраны по большевикам. Через него Департамент полиции был в курсе всех приготовлений Красина и заблаговременно снесся с полициями иностранными.

Арестованные были сплошь большевиками, среди них несколько — пользовавшихся широкой известностью, как, например, Литвинов, который незадолго перед тем большевиками был назначен официальным секретарем русской социал-демократической делегации на Международном социалистическом конгрессе в Штутгарте (августа 1907 г.): у него теперь, при аресте в Париже, было найдено двенадцать пятисотрублевок из числа похищенных в Тифлисе. Такие же пятисотрублевки были найдены у ряда других арестованных, и в иностранной печати открыто писали, что тифлисская экспроприация была делом большевиков, а так как в то время РСДРП была формально единой партией, о внутренних отношениях в которой иностранцы были мало осведомлены, то иностранная печать тифлисскую экспроприацию объявляла вообще делом РСДРП.

Положение осложнялось еще и тем фактом, что незадолго перед этими арестами какими-то эмигрантами из России были сделаны попытки мелких экспроприаторских налетов в Швейцарии, Англии и США. И вполне серьезной стояла угроза нарастания антиэмигрантских настроений в тех странах Запада, где как раз чаще всего эмигранты находили приют.

Роль большевиков в тифлисской экспроприации стала скоро известной, хотя никаких точных доказательств вначале не имелось, и это вынудило меньшевиков потребовать от социал-демократической делегации Международного социалистического конгресса в Штутгарте уже в августе 1907 г. издания особой декларации с осуждением экспроприаций.

Уже первые сообщения об арестах в Берлине (Камо-Петросян и др.) произвели на ЦК большое впечатление (...). В результате ЦК уже 4 января н. ст. 1908 г. постановил заявить, что он «никому из арестованных в Берлине не давал никаких поручений» (это было ответом на сообщения о найденной бумаге для печатания фальшивых трехрублевок). Одновременно ЦК поручил Центральному заграничному бюро (ЦЗБ) произвести расследование всех обстоятельств, связанных с этими арестами.

Еще большее впечатление на ЦК произвели сообщения об арестах в Париже и других городах по делу о размене тифлисских пятисотрублевок. Под влиянием последнего ЦК постановил послать на Кавказ особую свою делегацию в составе Н. Н. Жордания и Данишевского («Герман») с широкими полномочиями для расследования не только дела о тифлисской экспроприации, но и другого дела о поведении закавказских большевиков, а именно дела о расколе в Баку, который был проведен в октябре-ноябре 1907 г. Сталиным.

Протокола того заседания ЦК, на котором эта делегация по возвращении с Кавказа делала свое сообщение, в нашем распоряжении не имеется, но можно считать несомненным, что доклад этот вызвал сильное недовольство со стороны большевиков и был причиной острых трений внутри ЦК. О существе принятого ЦК решения можно судить по следующим трем фактам, которые были с ним связаны.

Первым была публикация ЦК особого заявления в печати по делу о тифлисской экспроприации; это заявление гласило: *«ЦК заявляет, что РСДРП ни в коем случае не может быть признана ответственной за тифлисскую, равно как и за другие экспроприации. На последнем съезде партии была принята резолюция, категорически запрещающая экспроприации. ЦК расследует до конца данное дело, и если будет констатировано нарушение резолюции партии, то партия примет к провинившимся самые энергичные меры, согласно резолюции съезда».*

Вторым был протест Закавказского комитета против решения ЦК и издание им особого листка, в котором Закавказский комитет обвинял ЦК в стремлении затянуть расследование дела о тифлисской экспроприации.

Наконец, третьим был выход из ЦК одного из двух меньшевиков, которые тогда входили в ЦК, с протестом против решения, принятого ЦК по делу о тифлисской экспроприации, так как в этом решении сказалась «система затушевывания» этого дела.

Из сопоставления этих трех фактов следует, что ЦК на этом заседании отказался утвердить доклад своей делегации, отменил решение, принятое Закавказским съездом, и принял какое-то решение о дополнительном или проверочном расследовании, которое никогда не было произведено.

* * *

В эмиграции, которая была более подробно осведомлена о событиях, связанных, с одной стороны, с арестами Камо-Петросяна в Берлине, и, с другой, с историей попыток размена за границей тифлисских пятисотрублевок, борьба вокруг этих споров не только принимала более острую форму, но и затрагивала основные проблемы социал-демократического строительства.

В кругах меньшевиков господствовало острое возмущение. Роль Литвинова в техническом аппарате большевистской фракции (закупка оружия за границей и т. д.) была достаточно широко известна, и теперешний арест его с тифлисскими пятисотрублевками доказывал причастность этого аппарата к экспроприации 25 июня 1907 г. Неопределенные сведения о существовании тайного большевистского центра, который ведает всеми их боевыми предприятиями, имелись и раньше. Теперь становились бесспорными не только факт существования такого центра, не только его роль организатора экспроприаций вообще, но и факт организации им экспроприации уже после Лондонского съезда, который запретил экспроприации огромным большинством голосов.

Наиболее непримиримо в отношении большевиков в меньшевистском лагере тогда был настроен Плеханов, который прямо ставил вопрос о необходимости официального разрыва с большевиками. Как уже отмечено выше, он еще в Лондоне протестовал против слишком мягкого отношения съезда к экспроприаторским похождениям большевиков. Теперь он настаивал на постановке вопроса ребром:

«Читали ли Вы о берлинской истории? — писал он Мартову еще 9 декабря 1907 г., немедленно же после получения первых сообщений об аресте Камо-Петросяна.— *Дело так гнусно, что, право, кажется нам пора разорвать с большевиками. Очень прошу Вас написать мне, что Вы думаете об этом?»*

Позднее, после ареста Литвинова и др., когда выяснилось все значение этих событий, Плеханов предлагал меньшевистским лидерам за границей обратиться с воззванием к меньшевикам в России, «кликнуть клич» с призывом сплотиться для борьбы во имя «торжества социал-демократических принципов над большевистским бакунизмом». Он считал, что есть все шансы на успех в этой борьбе, при одном обязательном условии:

«Только надо, конечно, говорить до конца и отказаться от того страха перед большевистской Марьей Алексеевной, которым всегда отличались меньшевики и который никогда не был началом премудрости. Начало премудрости — это как раз обратное поведение, полное бесстрашие».

Для Плеханова в этом последнем случае речь шла о беспощадной критике большевиков не только за экспроприации. «Большевистским бакунизмом» он называл весь их курс на восстания, всю их тактику «вспышкопускательства», и считал необходимым в этой борьбе идти до самых крайних выводов, не останавливаясь перед формальным разрывом организационных связей.

Главную работу по расследованию взял на себя Г. В. Чичерин.

Большевики с самого начала ставили расследованию всякие препятствия. Более крупные из них по своему положению в партии обычно отказывались от дачи каких бы то ни было объяснений: тогда утверждали, что такую директиву они получили от руководителей фракции. Другие давали уклончивые и явно неполные объяснения. Но настроения широких кругов сочувствующих были благоприятными для расследования. Охотно давали показания и немцы — именно с их помощью было установлено, что бумагу для печатания фальшивых трехрублевок заказывал лично Красин. Роль последнего вообще вырисовывалась с достаточной полнотой. Появились указания и относительно роли Богданова. Из «коллегии трех» вне поля зрения расследования оставался один только Ленин: он был предусмотрительнее всех других.

Большевики, входившие в состав ЦЗБ, т. е. Алексинский и Житомирский, с самого начала (...) саботировали следствие.

* * *

Эта борьба единым фронтом всей большевистской фракции за срыв расследования дела о тифлисской экспроприации переплеталась со сложной борьбой внутри этой фракции, где начинался процесс выделения новой группировки чистых ленинцев из старого большевистского блока, как он сложился в годы первой революции. Это выделение отмечало одновременно начало нового этапа в развитии больших концепций Ленина, которому в первые же дни своей второй эмиграции пришлось остро почувствовать отношение иностранных социалистов к экспроприаторским похождениям большевиков. (...)

Крупская права, когда говорит, что, «не пережив революции 1905 г., не пережив второй эмиграции, Ильич не смог бы написать свою книгу «Государство и революция». Эту формулу нужно только конкретизировать, на места неопределенных алгебраических знаков поставив конкретные арифметические величины, которые даны тою же Крупской: на данный характер развития Ленина влияние оказала не революция 1905 г. в ее целом, а эпопея «партизанских выступлений», организуемых БЦ; последний, решающий толчок для нее дала не «вторая эмиграция» вообще, а столкновение с европейскими социалистами в связи с попытками размена тифлисских пятисотрублевок.

И теория («Государство и революция»), и практика Ленина 1917 года были прямым порождением теории и практики «коллегии трех» 1906—07 гг. Таков большой политический итог деятельности БЦ 1906—07 гг.

* * *

Из той «коллегии трех», которая в 1907 г. заключила договор с «кавказской группой» Камо и которая поэтому считала себя имеющей право распоряжения суммами, добытыми при экспроприации в Тифлисе, только один Ленин после января 1908 г. не имел отношения к попыткам реализации уцелевших пятисотрублевок. Несомненно также, что именно Лениным было продиктовано то решение БЦ от июня 1909 г. (после устранения Богданова, Красина и их сторонников), которое содержало заявление, что БЦ «не имеет никакого касательства к этим деньгам»; равно как несомненно, что не без его одобрения после январского пленума ЦК было проведено сожжение всех тех пятисотрублевок, которые к этому времени ленинский БЦ смог собрать.

В свете этих фактов едва ли можно сомневаться в том, что

уже с первого совещания «коллегии трех», т. е. с конца января или начала февраля 1908 г., Ленин начал бороться против попыток дальнейшего использования тифлисских пятисотрублевок; и существует много оснований полагать, что споры именно по этому вопросу были причиной появления первой глубокой трещины в личных отношениях между Лениным, с одной стороны, Богдановым и Красиным, с другой.

Для наблюдателя извне тогда могло казаться, что этот раскол внутри «коллегии трех» отягчал положение Ленина. Во вторую эмиграцию он ехал со сравнительно большими планами как литературно-издательской, так и партийно-политической деятельности. «Пролетарий» должен был стать регулярно выходящим еженедельником с литературным отделом, во главе которого предполагалось поставить Горького. Когда в Финляндии намечались эти планы, состояние кассы БЦ казалось весьма прочным (только незадолго перед тем в эту кассу поступило около 150 тыс. руб., захваченных при тифлисской экспроприации в мелких купюрах), перспективы — весьма обнадеживающими. Тем тяжелее было разочарование, когда уже в феврале — марте начали вырисовываться кризисные симптомы. Уже с марта в письмах Ленина в качестве постоянной начинает звучать нота жалобы на финансовые затруднения. Арест Красина в Финляндии (22 марта 1908 г.), несмотря на его скорое освобождение, конечно, сильно ухудшил положение, тем более что из эмиграции, куда вынужден был уехать Красин, ему было труднее мобилизовать свои денежные связи. Впрочем, источники легальных доходов у Красина давно начали иссякать. В апреле начинаются перебои с регулярным выходом «Пролетария». В письме Ленина к Горькому от 19 апреля совсем тревожный сигнал: «Воют в России от безденежья...».

Во всей этой картине (...) наименее понятным является один момент: несмотря на этот надвигающийся финансовый кризис, Ленин, который обычно хорошо понимал важность финансовой базы для успешной политической работы и нередко шел на компромиссы, лишь бы обеспечить эту базу, на этот раз совершенно непреклонно держал курс на разрыв с Богдановым — конечно, превосходно понимая, что это будет одновременно разрывом не только с Красиным, т. е. министром финансов БЦ, но и с Горьким, которого Ленин очень высоко ценил и сотрудничеством с которым он крайне дорожил, и со многими другими видными представителями «старой гвардии» большевизма.

Причина этой крайней непримиримости Ленина полностью понятной будет лишь после того, как мы установим, что как раз в это время новые союзники Ленина, шедшие на смену старым большевикам типа Богданова и Красина, заканчивали в Москве работу по реализации первой части наследства Шмидта, что должно было принести кассе БЦ около 190 тыс. руб. в совершенно полноценной валюте, не требующей никакого риска при размене. Ленин был в курсе этой работы — и от Шестернина, который выступал в Москве доверенным человеком официальной наследницы, и от Таратуты, который вместе со своею женой, этой наследницей, поджидал денег в Париже. Опасность срыва этой операции была ничтожной: Шестернин был вполне надежным человеком, лично связанным с Лениным; прочно привязан к последнему был теперь и Таратута.

В этих условиях ликвидация конфликта с Богдановым и Красиным не улучшала, а, наоборот, сильно ухудшила бы обстановку: если бы соглашение с Богдановым и Красиным было достигнуто, БЦ, несомненно, восстановил бы финансовую диктатуру Красина под наблюдением «коллегии трех»; именно в эти руки тогда перешли бы и капиталы Шмидта; продолжение же и обострение конфликта создавало на верхушке большевистской фракции положение междуцарствования, которое было крайне выгодно Ленину, так как он имел большинство в редакции «Пролетария», с одной стороны, и получал фактический контроль над наследством Шмидта, с другой.

* * *

В двадцатых числах мая 1908 г. Ленин получил сообщение, что первая часть наследства Шмидта реализована, все документы оформлены и Шестернин выезжает с ними из Москвы в Париж для их вручения формальной наследнице. Необходимо было спешить.

Случайно это совпало во времени с большим рефератом Богданова о «приключениях одной философской школы», который был назначен в Женеве на 28 мая: на нем Богданов собирался раскритиковать Плеханова... Это было как нельзя более на руку Ленину. Формально, по соглашению, которое действовало в редакции «Пролетария», Богданов имел все права на такое выступление. Но оно, конечно, создавало столь же несомненное право и для контрвыступления любого члена редакции. А между этими «другими» членами редакции, между Лениным и Дубровинским, уже давно существовало полное единомыслие в этом вопросе. *«И тот, и другой,—* вспоминает Крупская,— *чрезвычайно ценили Плеханова... И тот, и другой считали, что Плеханов прав в области философии, и полагали, что в области философских вопросов надо решительно отгородиться от Богданова, что теперь борьба на философском фронте приобрела особое значение».*

Когда он считал это нужным и когда дело шло о полезном человеке, Ленин умел не считаться со временем, чтобы прочно вколачивать свои мысли в головы собеседников, крепко привязывать их к себе. Для тех лет Дубровинский стал самым полезным для Ленина его помощником. Правда, он не вполне отказался от своих собственных оценок, от своих особых оттенков в подходах к вопросам и людям. Но в тот период, в 1908—10 гг., это было даже полезно Ленину: со своей репутацией «старого примиренца» Дубровинский имел доступ туда, куда человек с репутацией «непримиримого большевика» проникнуть бы не мог. В основном же он работал в том направлении, которое тогда было особенно выгодно Ленину. Именно это заставляло последнего им дорожить, старательно и осторожно вдалбливая в его голову свои планы и концепции.

При этих отношениях Ленину было легко сговориться с Дубровинским по вопросу о выступлении против Богданова. Дубровинский согласился взять на себя это выступление. Ленин набросал тезисы, которых следовало держаться, и около 25 мая отправился в путь: сначала в Париж, чтобы закрепить свое влияние на судьбу капиталов Шмидта, а затем в Лондон, для работы в Британском музее над своей философской книгой против Богданова, о которой уже было широко известно в кругах большевистской эмиграции и разговоры о которой не раз прикрывали совсем не философские моменты деятельности Ленина.

Расчет Ленина оказался вполне правильным. Выступление Дубровинского, который от собственного имени и имени Ленина резко напал на Богданова, в кругах большевистской эмиграции, которая не была посвящена в подробности закулисных отношений, произвело впечатление разорвавшейся бомбы и дало первый толчок для обособления верных «ленинцев» от «богдановцев»: Ленину было выгодно и само это обособление, и в особенности тот факт, что оно проходило в его отсутствие, а следовательно — не требовало потери времени.

Еще более выгодной была для него реакция Богданова, который в виде протеста против выступления Дубровинского заявил о своем уходе из редакции «Пролетария», чем поспешили воспользоваться Ленин с Дубровинским, под предлогом недостатка литературных сил немедленно кооптировавшие в редакцию Зиновьева. Последний, до апреля живший в Петербурге и входивший в тамошнюю коллегию ЦК, был Лениным заблаговременно, еще в конце апреля или начале мая, вызван

в Женеву под предлогом недостатка в «Пролетарии» литературных сил и теперь прочно занял место секретаря редакции. Богданов, по-видимому, полагавший, что его, по его прежнему положению в БЦ, будет невозможно устранить из редакции, в течение последующих месяцев вел переговоры о своем возвращении в редакцию, но Ленин и Дубровинский так вели эти переговоры, что возвращение становилось все менее возможным.

В результате совещание членов БЦ, состоявшееся в августе 1908 г., санкционировало «добровольный» выход Богданова из редакции, пополнив ее москвичом Шанцером («Марат»), который, правда, был противником Ленина (особенно в вопросах организационной политики), но не занимал боевой позиции; в вопросах философских не разделял взглядов Богданова и из-за болезни был вообще малоактивен. (...) Но и этот представитель оппозиции в редакции появился только с сентября 1908 г., а три летних решающих месяца, когда были подготовлены и проведены совещание членов БЦ и пленум ЦК, редакционная коллегия «Пролетария», бывшая тогда единственным формальным представительством БЦ за границей, состояла именно только из Ленина и его надежных союзников — Дубровинского и Зиновьева.

Насобирав в Британском музее полные тетради выписок из работ разных философов (эти тетради напечатаны в «Ленинских сборниках»), а также благополучно оформив дела с капиталами Шмидта, в конце июня Ленин вернулся в Женеву. Первая волна бурных возмущений и острых разговоров, вызванных выступлением Дубровинского против Богданова, к этому времени уже отошла в прошлое. Можно было приниматься за организационное закрепление новых отношений.

Защищать общее «партийное дело» Ленин теперь согласен уже только на той политической платформе, которую он считает правильной. Об этом он заявляет открыто. Если его точка зрения не победит, он «выйдет из фракции». Ленин знал, что Воровский — противник бойкота, а потому уговаривает его «обязательно» приехать на конференцию, которая в августе будет решать этот вопрос. «Деньги вышлем на поездку всем большевикам»,— успокаивает он и прибавляет: «Можем платить теперь за статьи и будем платить аккуратно». В последней фразе — само существо: финансовый кризис кончился, денег имеется достаточно, и распоряжается ими он, Ленин.

* * *

Созвать на август общепартийную конференцию, как того хотел Ленин, не удалось. Не вполне даже ясно, были ли действительно сделаны конкретные шаги в этом направлении: аресты, проведенные в Петербурге в апреле — мае 1908 г., вывели из строя почти всех активных деятелей тогдашнего состава ЦК. Правда, большинство отделалось легкими карами.

Все это заставило Ленина отказаться от созыва конференции, но помогло его главной задаче: реорганизации центрального партийного аппарата таким образом, чтобы последний подпал под непосредственный контроль группы Ленина. Вместо конференции был созван пленум ЦК (24—26 августа 1908 г.). Ему предшествовали совещания членов БЦ, которые и для Ленина, и для судеб партии имели значение во всяком случае не меньшее, чем заседания официального пленума ЦК: эти совещания БЦ фактически предрешили исход пленума.

Полное собрание БЦ устроить было нельзя не только потому, что больше трети его членов скитались по тюрьмам и ссылкам. За границей членов БЦ было всего 9 человек, но и относительно них нет точных сведений, все ли они были на совещании в августе 1908 г. Об этом совещании, хотя оно сыграло решающую роль в развитии БЦ, вообще никогда и нигде не было опубликовано никакого сообщения, и его значение теперь приходится восстанавливать по разрозненным замечаниям, попадающимся в различного рода источниках.

Во всяком случае известно, что из 9 членов БЦ, находившихся за границей в августе 1908 г., пятеро примкнули к лагерю Ленина (сам Ленин, Дубровинский, Зиновьев, Каменев и Таратута), а четверо оказались в лагере Богданова и Красина (Богданов, Красин, Покровский и Шанцер). Правда, не все они были одинаково готовы идти до крайних выводов из нараставших конфликтов — до согласия на открытый раскол. У некоторых были заметны «примиренческие» настроения.

В такой обстановке Ленин провел это совещание БЦ. Его первым делом была формальная ликвидация старой «коллегии трех», «финансовой группы», и официальное закрепление функций распоряжения капиталами БЦ за людьми, целиком и полностью ему преданными. Поэтому на совещании была избрана новая «финансовая комиссия» БЦ, в состав которой вошли Зиновьев (редакция «Пролетария»), Крупская (секретарь БЦ), Котляренко (транспорт) и Таратута (касса). Пятым в комиссию был введен Житомирский, функции которого в комиссии не вполне ясны (...), но который теперь попал в самый центр конспиративной работы БЦ.

Несомненно, что именно с этого совещания началась борьба между Лениным, с одной стороны, и Красиным и Богдановым, с другой, которая сопровождалась крайне тяжелыми взаимными обвинениями. Полицейские источники говорят, что в то время группа Ленина обвиняла Красина в том, что он «самовольно удержал 140 тыс. руб.» фракционных денег, полученных от тифлисской экспроприации. Эти полицейские сообщения заслуживают самого внимательного к себе отношения. (...) Особенной остроты этот конфликт достиг в начале 1909 г., причем на заседании коллегии БЦ 23 февраля Зиновьев, Каменев и Таратута (Ленин на этом заседании отсутствовал) «принесли готовую резолюцию», в которой Богданов и Красин «объявлялись присвоителями партийного имущества и клеветниками», подлежащими исключению из фракции.

В чем именно указанные три члена БЦ, действовавшие явно с согласия Ленина, усматривали «присвоение партийного имущества и клевету», из документов, опубликованных историками, не видно, но больше, чем правдоподобно, что именно этот пробел должен быть заполнен уже процитированным выше полицейским сообщением о 140 тыс. руб., которые Красин якобы «самовольно удержал» из сумм, поступивших в БЦ от тифлисской экспроприации: эта цифра, действительно, точно соответствует той сумме, которую Камо сдал членам «коллегии трех» в Куоккала в июле или августе 1907 г.— если из общего «дохода» от указанной экспроприации (общая сумма похищенного тогда в официальных сообщениях определялась приблизительно в 250 тыс. руб.) исключить те 100 тыс. руб. в пятисотрублевках, которые были не пригодны для реализации.

Необходимо добавить, что ни Ленин, ни его помощники, конечно, не считали Богданова и Красина людьми, которые способны «присвоенное партийное имущество» обратить в свою личную пользу. Характерно, что в этом последних не обвинял даже начальник Петербургского охранного отделения, который в цитированной выше записке от 28 марта 1909 г. писал о предполагаемом использовании этих денег Красиным «на пропаганду отзовизма». Ленин, конечно, лучше знал Богданова и Красина, чем генерал Герасимов, начальник Охранного отделения в Петербурге, чья подпись стояла под указанной запиской. Он, несомненно, был также осведомлен о том, что оставшуюся часть тифлисской добычи Богданов с Красиным отказывались передавать на партийные нужды, так как считали необходимым хранить ее на расходы, связанные с борьбой за жизнь Камо, которого они считали своеобразным героем-самородком, и других арестованных участников экспроприации.

Чтобы покончить с этой стороной конфликтов, необходимо добавить, что на том совещании членов БЦ, которое состоялось 21—30 июня 1909 г. в Париже и известно как «Совещание расширенной редакции *Пролетария»,* была сделана попытка подведения итога и ликвидации всех конфликтов, которые раздирали БЦ в 1908—09 гг. Была избрана особая «конфликтная комиссия», в состав которой вошли исключительно те члены БЦ, которые зиму 1908—09 гг. жили в России и не принимали личного участия в борьбе вокруг БЦ за границей. В эту комиссию вошли Гольденберг-Мешковский, Дубровинский и Рыков, на рассмотрение которых был передан конфликт внутри старой «коллегии трех», причем они получили для ознакомления даже секретную переписку между Лениным и Красиным, которая не только до сих пор не опубликована, но, по-видимому, и не сохранилась. В результате своей работы эта комиссия предложила совещанию БЦ принять нижеследующую резолюцию:

«Ознакомившись с рядом конфликтов между большевиками, принимавшими участие во внутрифракционной борьбе последних месяцев, комиссия предлагает расширенной редакции «Пролетария»: а) признать, что эти конфликты между революционерами, долгое время работавшими рука об руку, отнюдь не могут быть поставлены на счет чьей бы то ни было злой воли, а целиком объясняются неизбежным раздражением сторон в разгоряченной атмосфере фракционной борьбы, причем каждая из сторон субъективно руководилась мотивами идейными и партийными; б) потребовать прекращения всех третейских и прочих судов, как ведущих к безысходной склоке, сеющих смуту и дезорганизацию; в) призвать всех товарищей, вовлеченных в эти конфликты, по мере возможности ликвидировать все личного характера столкновения путем частных объяснений».

При анализе этой резолюции необходимо иметь в виду, что комиссия эта состояла только из одних сторонников Ленина, которые незадолго перед тем фактически выбросили из БЦ Богданова и Красина, лично на совещание не прибывшего — явно из нежелания участвовать в обсуждении склочных вопросов; по тем же причинам на совещании не присутствовал Покровский, который хотя и расходился с Богдановым и Красиным политически, но в вопросах внутрипартийных их поддерживал; из противников Ленина на совещании в это время был только один Шанцер, уже тяжело больной. Тем показательнее эта резолюция и ее голосование.

Ленин, конечно, понял этот смысл резолюции и пытался против него протестовать. Он указал, что в докладе совершенно нет упоминания о его конфликте с Красиным. Его поддержал только один Таратута, говоривший о «необходимости обсудить и ликвидировать конфликт» с Красиным. Протоколы этого совещания БЦ вообще крайне неполны. Особенно они кратки в передаче дебатов по докладам конфликтной и ревизионной комиссий. Но отношение совещания к этому вопросу выявилось уже в том, что Зиновьев сразу же после речи Таратуты предложил закрыть прения, и это предложение, несмотря на возражения Таратуты, было принято. Совещание большинством в 8 голосов против одного (Ленина) резолюцию комиссии приняло. Ленин оговорил свое недовольство, заявив, что «оставляет за собою право на особое мнение». Это заявление, конечно, лишь подчеркнуло отрицательное отношение совещания к поведению Ленина в деле Красина.

Так как в этом заседании участие принимали 11 человек — 8 членов БЦ и 3 делегата с мест,— то при голосовании двое явно воздержались: ими должны были быть Таратута и, вернее всего, Каменев. Ленин не имел полной поддержки даже со стороны всей тройки его верных помощников из эмиграции.

Значение этого решения было подчеркнуто одновременным принятием решения по делу о долге БЦ некоей А. И. Умновой, состоятельной женщины из числа сочувствовавших большевикам. (...) Умнова принадлежала к числу тех людей, у которых Красин, когда был кассиром БЦ, в тяжелые для кассы моменты производил кратковременные займы, иногда довольно крупные. С того времени оставался его долг Умновой в несколько тысяч рублей. Красин подтверждал правильность ее претензии и настаивал на том, что новая финансовая комиссия БЦ должна ей этот долг уплатить, но эта новая финансовая комиссия и лично Ленин платить отказывались, требуя, чтобы расплату произвел Красин из средств, которые он якобы удержал. (...) Комиссия предложила долг Умновой заплатить, правда с оговоркой: «постаравшись добиться скостки».

Это предложение встретило возражения. Таратута дважды настаивал на обсуждении этого вопроса по существу, но предложение это было дважды отклонено. Ленин просил занести в протокол, что он «вносит по этому вопросу особое заявление» (в архивах этого документа не оказалось). При голосовании лишь один Ленин голосовал против предложения комиссии (Каменев и Скрыпник воздержались).

Это второе поражение Ленина, дважды подряд побитого по одному и тому же вопросу, с особенной ясностью подчеркивает, что поражение было не случайным, что даже на этом совещании политических единомышленников методы его борьбы против вчерашних ближайших друзей встречали осуждение. Совещание настолько определенно считало его неправым, что даже тройка его постоянных адъютантов того времени — Зиновьева, Каменева и Таратуты — не выдерживала испытания и уклонялась от прямой с ним солидаризации.

Таким образом, мы можем подвести итог этой группе конфликтов: их точное содержание в тогдашних формулировках нам до сих пор неизвестно, и вполне возможно, что известным оно никогда не станет, так как все участники ушли из жизни, не оставив, по-видимому, своих воспоминаний, а важнейшие документы, скорее всего, уничтожены. Но главные линии этих конфликтов установить все же удается. Основное, что взорвало «коллегию трех» — это руководящее ядро БЦ 1906—07 гг.— а затем и весь БЦ, т. е. весь старый большевистский блок эпохи революции 1905 г., было не чем иным, как спором на почве дележа «темных денег», которые попали в распоряжение этого БЦ.

Незаконный (речь идет о незаконности с точки зрения внутрипартийной конституции) способ получения этих денег вынуждал людей, в распоряжение которых эти деньги попадали, сосредоточивать это право распоряжения в руках небольшой, весьма замкнутой группы лиц, которая по своему типу все больше и больше становилась, как еще в те годы правильно определил Мартов, чем-то «средним между тайным центральным комитетом и группой подрядчиков бандитного дела». Внутреннее развитие этой группы шло по пути острых конфликтов и расколов, взаимных интриг и обвинений.

* * *

На совещании БЦ в августе 1908 г. эти острые конфликты, разлагавшие старый БЦ изнутри, выявились еще далеко не полностью, их напряженность была относительно еще не высокой. Ленин умело дозировал свое движение к власти: старая «коллегия трех» уже была упразднена. Богданов с Красиным уже перестали играть ведущие роли в БЦ. Руководство уже перешло в руки той новой четверки (Ленин, Зиновьев, Каменев и Таратута), которую немногим позднее Богданов назвал тайным «антибойкотистским центром», действующим за спиною БЦ, но под его фирмой. Касса — и это было самым важным — уже полностью находилась под контролем Ленина. Но фикция единства большевиков еще продолжала оставаться полезной для Ленина, и он ее поддерживал. Представитель «богдановцев» входил не только в узкую редакцию «Пролетария», но и в новую финансовую комиссию. На пленум 24—26 августа большевики явились как единая фракция, с Лениным и Богдановым во главе. Конечно, всю внутрипартийную игру направлял Ленин, но Богданов ему всемерно помогал.

Этот пленум не обсуждал ни одного политического вопроса, не принял ни одного политического решения, но в истории партии он сыграл огромную роль: именно с него начинается переход и общепартийного центра под контроль Ленина.

Ленин провел на пленуме решение, имевшее отношение к расследованию экспроприаторской эпопеи: о назначении партийного суда над Мартовым и еще одним меньшевиком, Семеновым, секретарем парижской группы содействия, по обвинению в «нарушении условий безопасности личного состава ЦК», которое было выдвинуто против них двумя членами БЦ — Богдановым и Таратутой.

Преступление Мартова и Семенова было усмотрено в тех сведениях о причастности Богданова и Таратуты к попытке размена тифлисских пятисотрублевок, которые они включили в показания, данные ими представителю ЦЗБ. Это Бюро расследование вело в качестве представителя ЦК партии, по официальному поручению и полномочию последнего, и все члены партии, лояльные по отношению к ЦК, были обязаны этому расследованию помочь сообщением всех сведений, имевших отношение к делу. Сведения, сообщенные Мартовым и Семеновым, были правильны — теперь это совершенно бесспорно. Впрочем, Богданов и Таратута и не обвиняли Мартова и Семенова в сообщении неправильных сведений, они заявляли только, что сведения, сообщенные последними, были «нарушением условий их безопасности».

В результате получалось, что пленум ЦК в августе 1908 г. назначил партийный суд над теми партийными деятелями, которые лояльно выполнили свой партийный долг, рассказав представителям партии, действовавшим по поручению ЦК, правду об антипартийной деятельности двух большевиков (также являвшихся членами Центрального комитета), причем в задачу суда было созитательно поставлено укрывательство этой антипартийной деятельности.

В свете того всего вышесказанного поведение Ленина на пленуме в августе 1908 г. приобретает особенное значение. Ленин знал, что Мартов и Семенов говорили правду, хотя они знали лишь небольшую часть всей правды. И именно потому, что это была правда, Ленин стремился как можно скорее и решительнее перейти в контрнаступление, чтобы помешать продолжать расследование. Поступать так он мог только будучи полностью уверен в том, что на данном пленуме ему гарантировано большинство.

Необходимо добавить, что в этой же резолюции — о партийном суде над Мартовым — последнему поставлено в вину еще одно преступное деяние, а именно «разоблачение... тайн, ...угрожающих важнейшим материальным интересам партии». Речь шла о наследстве Шмидта, причем авторы резолюции во главе с Лениным это наследство объявляли надлежащим поступлению в партию, ибо только в этом случае можно было говорить о «важнейших материальных интересах партии». Но пленуму, конечно, не было сообщено, что большая половина этого наследства уже поступила в кассу БЦ и что руководители последнего, во главе с Лениным, производят из этих денег большие расходы, не имея никакого намерения передавать это имущество партии.

Хозяйничанье БЦ в общепартийном ЦК на этом пленуме выявилось с небывалым дотоле цинизмом, причем несомненно, что причиной такого поведения Ленина и других большевиков была совершенно твердая уверенность Ленина в полной поддержке со стороны не только «латыша», сторонника экспроприаций, который поддерживал других экспроприаторов в силу своего рода фракционной солидарности, но и со стороны поляка Тышко, который и на Лондонском съезде выступал против экспроприаций, и у себя в Польше вел борьбу с экспроприаторским поветрием. Осуществлять «задачи большевиков в партии», т. е. стать хозяином в аппарате последней, БЦ действительно мог только при помощи группы Тышко. Но за эту помощь приходилось постоянно и много платить.

Но, заплатив Тышко за поддержку, Ленин постарался возможно полнее использовать создавшееся положение и, не довольствуясь желательными для него решениями по вопросам, связанным с расследованием дела о тифлисской экспроприации, Ленин заставил Тышко провести и целый ряд общих решений о порядке работы общепартийного ЦК в дальнейшем. Основное в этих решениях было перенесение — и фактическое, и формальное — руководства работою ЦК за границу, что фактически ставило ЦК под контроль Ленина. Впервые в истории партии руководящим органом были объявлены пленумы ЦК, которые могли собираться только за границей. Для ведения работы в России создавалась узкая коллегия ЦК, имевшая права вести только «текущую работу». Состав этой коллегии был определен в 5 человек — по одному от большевиков, меньшевиков, поляков, латышей и Бунда — причем Ленин добился от поляков согласия на избрание их представителем (вернее, заместителем представителя, но сам представитель никогда в Петербурге не появлялся) Дубровинского. Это избрание было закреплено в официальной резолюции пленума, и таким образом большевики имели в русской коллегии ЦК фактическое большинство, ибо в полном составе эта коллегия не собиралась ни разу, а всю текущую ее работу до конца 1908 г. вел именно Дубровинский. Одновременно для представительства «интересов ЦК за границей» было создано Заграничное бюро ЦК в составе трех человек, а именно Зиновьева, Тышко и Ноя Рамишвили (меньшевик), т. е. тоже с закрепленным за большевиками большинством. Если прибавить, что официальная касса ЦК была в это время хронически пуста и что только одни большевики имели материальную возможность оплачивать людей, которые целиком отдавались партийной работе, то механика захвата Лениным центрального аппарата партии станет вполне ясной. В деле этого захвата помощь поляков была обязательным условием — она несомненно была оговорена в том соглашении, которое было заключено между Лениным и Тышко перед этим пленумом.

Богданов в своем обращении «К товарищам большевикам», которое было выпущено в начале 1910 г. от имени группы «Вперед» в связи с заявлением Ленина о роспуске БЦ, давая характеристику методов деятельности Ленина, указал, что последний, «поскольку ему надо воздействовать на общественное мнение партии», старается делать это «путем денежной зависимости, в которую он ставит как отдельных членов партии, так и целые организации — большевистские и не только большевистские». Эту деятельность БЦ по коррумпированию партии Богданов относит только к последним двум годам существования БЦ, к 1908—10 гг., когда Богданов был уже в оппозиции и не оказывал определяющего влияния на политику БЦ. В действительности коррумпирование происходило и в 1906—07 гг., когда Богданов был членом верховной «коллегии трех» и принимал решающее участие в направлении всей деятельности большевистской фракции. Пока эта вредная деятельность Ленина была направлена против других фракций и против беспартийных рабочих организаций (профсоюзов и т. д.), Богданов не замечал ее вредных сторон,— во всяком случае он не обращал на них нужного внимания... Но по существу указание Богданова, конечно, правильное. Именно во второй эмиграции, после 1908 г., работу коррумпирования партии путем подкупа «как отдельных членов партии, так и целых организаций, большевистских и не только большевистских», Ленин развернул с такой систематичностью и с таким размахом, как никогда раньше.

ИВАН ПЕТРОВ

Я ВЫПОЛНЯЛ ЗАДАНИЕ Сталина

«...Начальником ЦАГИ был назначен генерал авиации Иван Федорович Петров, военный летчик, летчик-испытатель, окончивший Военно-воздушную инженерную академию и последнее время работавший заместителем начальника Научно-исследовательского института ВВС. Этот передовой и энергичный человек, с огромным опытом практической работы в авиации и серьезными инженерными знаниями, круто повернул все дело в нужном направлении...».

Генеральный конструктор А. С. ЯКОВЛЕВ

Генерал И. Ф. Петров.

*Предлагаем вниманию читателей фрагменты из неопубликованных воспоминаний **И. Ф. Петрова** «Авиация и вся жизнь» (в литературной обработке В. Н. Бычкова). В этих отрывках нет глобальных обобщений и однозначных категоричных оценок (что, к сожалению, сплошь и рядом встречается у большинства современных историков), но есть правдивые свидетельства очевидца, ценные для нас сегодня прежде всего потому, что оттеняют малоизвестную пока еще грань последствий пресловутого пакта Молотова — Риббентропа.*

Вслед за подписанием пакта о ненападении между СССР и Германией была достигнута принципиальная договоренность о торгово-экономическом соглашении, по которому Германия в обмен на некоторые виды сырья обязывалась поставить нам промышленное оборудование, станки, машины, образцы военной техники. Для реализации этого соглашения в октябре 1939 года в Германию выехала советская хозяйственная комиссия во главе с членом ЦК КПСС т. И. Ф. Тевосяном.

В период с октября 1939 по январь 1940 года члены комиссии осмотрели большое количество образцов военной техники: самолеты, моторы, пушки, танки, самоходные артиллерийские установки, радиотехническую аппаратуру, военные корабли и т. д., и посетили многие предприятия, производящие эту технику.

Первоначально руководителем авиационной группы в составе комиссии был назначен генерал А. И. Гусев. В группу входили Н. Н. Поликарпов, А. С. Яковлев, П. В. Дементьев, В. П. Кузнецов, А. Д. Швецов, С. П. Супрун, я и ряд инженеров разных специальностей. После посещения авиафирм Мессершмитта, Хейнкеля, Юнкерса, Дорнье, Фокке-Вульфа у руководителя нашей группы А. И. Гусева сложилось впечатление, что на заводах нам показывают уже устаревшие типы самолетов, и потому от закупки этих самолетов он отказался. Однако члены комиссии, с «пристрастием» осматривавшие цеха и видевшие детали незавершенного производства, пришли к выводу, что показанные немецкие самолеты составляют основу вооружения «Люфтваффе». Об этом и был поставлен в известность Сталин при докладе о результатах поездки. Поэтому в марте 1940 года было принято решение послать в Германию вторую комиссию, руководителем авиационной группы которой был назначен уже заместитель наркома авиационной промышленности А. С. Яковлев, а я, числившийся по заграничному паспорту инженером ЦАГИ,— его заместителем.

Нашей группой были осмотрены самолетостроительные заводы Хейнкеля в Ростоке, Юнкерса в Дессау, Дорнье в Фридрихсгафене, Мессершмитта в Регенсбурге и Аугсбурге, Фокке-Вульфа в Бремене, Хеншеля в Шокефельдс; моторостроительные заводы «Даймлер-Бенц» в Штутгарте и Бисдорфе, Юнкерса в Дессау, Сименса и Гальске в Берлине, Хирта вблизи Берлина, «Байрише Моторен Веркс» в Мюнхене; заводы, поставлявшие оборудование для самолетов и моторов,— «Бош» в Штутгарте, Сименса и Гальске в Берлине, Шварца в Берлине, Юнкерса в Магдебурге, Карла Цейса в Иене, «Аскания Верке» в Берлине и многие другие заводы.

На основе оценок, сделанных авиационной группой, было решено закупать следующие образцы самолетов: по два экземпляра бомбардировщиков Ю-88КП (пикирующий вариант), Ю-87 и Дорнье-215; по пять экземпляров истребителей Хейнкель-100, Мессершмитт-110С-2 (двухмоторный) и Мессершмитт-109Е; два экземпляра двухмоторного учебного самолета Фокке-Вульф-58.

После осмотра основных авиационных заводов Германии большая часть членов авиационной группы — П. В. Дементьев, А. С. Яковлев, Н. Н. Поликарпов и др.— уехала в Москву. Закупку отобранных самолетов и отправку их в Москву А. С. Яковлев по согласованию с Москвой возложил на меня.

Первым из рекомендованных самолетов мы покупали Хейнкель-100 — самый скоростной по тем временам истребитель в мире. Сговорившись в кабинете главного конструктора о цене, мы пошли на заводской аэродром. Из ангара вывели нам самолет, предложили осмотреть. С. П. Супрун залез в кабину и, за 15 минут ознакомившись с приборами и управлением самолета, обратился ко мне: «Дядя Ваня, проверь». Я его проверил, нашел, что он все разобрал правильно. Мы завели мотор, послушали — все в порядке, обратились к немцам: можно вывозить, мол, на старт. И тут началась тихая паника: немцы забегали по ангару, стали куда-то звонить и через полчаса объявили нам, что есть очень строгая инструкция, подписанная самим Герингом, по которой к полетам на Хе-100 допускаются только летчики,

прошедшие трехмесячную подготовку. Мы заявили, что наш Супрун — летчик-испытатель и для него не требуется специального обучения. Они снова забегали и еще через полчаса сказали, что они могут разрешить нам полет только при условии, что мы оплатим стоимость самолета в случае, если мы его разобьем. Я подписал это предъявление, но самолет опять не буксируют на взлетную полосу. Через некоторое время мне приносят документ, в котором оговаривалось, что в случае катастрофы фирма не несет ответственности за жизнь летчика. Ничего не говоря Супруну (чтобы не портить ему настроение), я подписываю и это обязательство. После этого самолет наконец-то повезли на взлетную полосу.

Супрун блестяще провел полет, выполнив ряд фигур высшего пилотажа, которых не делали немецкие летчики при заводских и государственных испытаниях. Его встретили аплодисментами и понесли на руках в столовую. Здесь хозяин фирмы старик Эрнест Хейнкель устроил в честь Супруна банкет. В ознаменование столь акробатического полета он предложил своеобразный салют: после каждого выпитого тоста рюмки били о лист 10-миллиметровой авиационной фанеры. К концу банкета у этого листа выросла довольно большая кучка битого хрусталя.

По аналогичному сценарию проходила покупка и остальных самолетов. Все рекомендованные к закупке образцы перед отправкой в СССР были испытаны на фирменных аэродромах и приняты членами авиационной группы.

Часть самолетов была перегнана в Москву немецкими летчиками, некоторые же разобраны и вместе с другим закупленным оборудованием в нашем сопровождении отправлены по железной дороге.

Еще перед отправкой в Германию мы с А. С. Яковлевым были на приеме у И. В. Сталина. Здесь Александр Сергеевич завел разговор о том, что в ходе покупки отобранных самолетов может возникнуть необходимость закупки некоторого вспомогательного оборудования или приборов, не попавших в списки, предусмотренные договором. Обращаться в Москву за разрешением на покупку какой-нибудь мелочи — слишком много времени уйдет на переписку. Да и кто лучше нас — замнаркома и замначальника НИИ ВВС — знает, что нам нужно?

Сталин ответил Яковлеву: «Я полностью с вами согласен. Дадим вам миллион марок. Если будет мало — добавим».

На одной из встреч в Кремле перед поездкой в Германию И. В. Сталин дал и мне персональное задание: «Вот Вы, товарищ Петров, едете в Германию. Учтите: договор с Германией хотя мы и подписали, но фашистская Германия была и остается злейшим нашим врагом. Берегите время, надо сделать как можно больше, реализовать согласие немцев на продажу нам указанных в договоре самолетов и моторов. По договору немцы должны нам показать всю авиационную промышленность. При осмотре постарайтесь определить их промышленный потенциал. На случай войны с Германией нам очень важно знать сейчас, сколько они смогут выпускать боевых самолетов в день».

Сложное само по себе, это задание усложнялось еще и тем, что при наших передвижениях по Германии ко мне в качестве сопровождающего был приставлен офицер гестапо. Но еще труднее стало мне после опубликования в нашей печати указа Президиума Верховного Совета СССР от 7 мая 1940 года о внедрении в Красной Армии звания Генерала: среди фотографий первых шестнадцати человек, удостоенных этого звания, была и моя. И после того, как я таким образом из инженера ЦАГИ превратился в генерал-майора, меня помимо офицера стал «опекать» еще более важный чин из гестапо.

Тем не менее, осмотрев в Германии 219 авиационных точек — большую часть немецких авиазаводов, особенно новых,— я пришел к выводу, что Германия способна выпускать до 70—80 боевых самолетов в день.

Первое сообщение о проведенных мной расчетах я сделал на коллегии МАП, проходившей под руководством А. И. Шахурина. Названная мною цифра настолько не соответствовала существовавшим у руководителей нашей авиационной промышленности представлениям о потенциальной мощи авиапромышленности Германии, что мое сообщение было встречено раздраженно, если не враждебно. После такой реакции я, естественно, почувствовал себя весьма скверно. Шахурин заседание коллегии закрыл, позвонил Маленкову. Тот сказал, чтобы мы немедленно ехали к нему. Когда мы вошли в кабинет, Маленков задал мне единственный вопрос: «Сколько, по-Вашему, немцы смогут выпускать боевых самолетов в день?» — «По нашему подсчету — 70—80 самолетов в день»,— ответил я. Больше со мной он разговаривать не стал, ибо знал, что я выполнял личное задание Сталина. Он тут же позвонил ему, и Сталин попросил нас приехать к нему.

Реакция Маленкова, отвечавшего в ЦК ВКП(б) за авиационную промышленность, и Шахурина была вполне понятна: наша промышленность выпускала в то время лишь 26 самолетов в день, включая и тренировочные. А так как всем уже было ясно, что война с Германией дело совсем недалекого будущего, то такое соотношение, как 80:26, говорило не в пользу руководителей нашей авиационной промышленности, и они предпочли бы сделать из меня «врага народа», завербованного немцами.

Жизнь моя опять повисла на волоске. Когда ею приходилось рисковать в Германии (если бы немцы заподозрили меня в шпионаже, то живым бы не выпустили), я был спокоен — знал во имя чего. Но дома...

После моего краткого доклада И. В. Сталин стал подробно расспрашивать, как я получил эти цифры — 70—80 самолетов. На его вопросы я отвечал не без волнения: рука, в которой я держал папку с расчетами, сильно вспотела. Сталин взял у меня эту папку, молча походил по кабинету, потом сел и начал читать материалы подсчета.

Кроме меня, эти материалы были подписаны инженером-механиком В. К. Михиным, сотрудником нашего Торгпредства в Германии, и С. П. Супруном. Окончив читать, Сталин встал, подошел к Маленкову: «Надо развернуть нашу промышленность на такое же количество боевых самолетов — на 70—80 самолетов в день». После этого ко мне подошел Шахурин и уже очень «дружелюбно» спросил: «Скажите, Иван Федорович, а Вы не ошиблись в подсчете?» Я ответил: «Ошибка, Алексей Иванович, есть в наших планах выпуска боевых самолетов на случай войны, и их придется немедленно менять».

Вопрос о резком увеличении выпуска самолетов был настолько важен, что Сталин вместе с Дементьевым сам посетил несколько авиационных заводов. На заводах №№ 1 и 39 вместе с ними был и я. Первый завод по плану должен был выпускать по пять штурмовиков Ил-2

3. «Родины» № 5.

в день, а на деле же давал лишь по 2—3 самолета. Сталин поставил задачу о выпуске 20 самолетов в день. Неожиданно он обратился ко мне с вопросом: «Что такое Советская власть?» Растерявшись, я начал было отвечать, как нас когда-то учили в академии. «Ничего ты не знаешь,— махнул рукой Сталин.— Если возникает какая-то проблема, которая не противоречит законам физики, механики и химии, а ее решение необходимо родине, то она будет решена — вот что такое Советская власть». Дементьев воспользовался удобным моментом: «Но для решения данного вопроса нам нужны дополнительные производственные площади, станки, люди...» — «Конечно, нужны,— ответил Сталин.— Вон напротив комната — садитесь и пишите все, что вам нужно, и передайте это немедленно мне».

Осенью 1940 года я опять выехал в Германию для завершения закупок авиационного оборудования. Нам очень хотелось приобрести там авиационный мотор БМВ-801А, но что-то у нас это никак не получалось. Если раньше мы довольно свободно закупали все, что нам казалось интересным, то теперь мы почувствовали большие трудности в работе. Мы попытались добиться встречи с генералом Удетом, заместителем Геринга, который нас принимал еще в первый наш приезд в Германию.

Геринг и Удет — два национальных немецких героя первой мировой войны: первый сбил 67 русских самолетов, второй — 62. В Берлинском авиационном музее были выставлены их самолеты. Подпись Удета на наших документах открывала дверь всех авиационных предприятий Германии.

За время нашей работы в Германии Э. Удет принимал нас трижды: первый раз в Министерстве авиации Германии и два раза на квартире — то ли у себя, то ли специально предназначенной для официальных встреч. Первая из этих встреч на квартире состоялась уже после того, как мы объездили и осмотрели все заводы, какие хотели. Удет поинтересовался нашим впечатлением от немецкой авиапромышленности. Мы с Василием Константиновичем Михиным отвечали в том смысле, что промышленность эта мощная, на высоком техническом уровне, способная выполнить любой поставленный ей план. Удет помолчал. Потом сказал: «С планом у нас большие трудности... Вот вы объехали почти всю страну. Обратили внимание, что решетки с балконов и вокруг палисадников почти все сняты? У нас нет металла. Наше руководство считает, что война с русскими... он сказал: чтобы покончить с коммунистами, потребуется три месяца. Поэтому у нас есть только план на ближайшие 2—2,5 месяца — 70—80 боевых самолетов в день (тем самым подтвердив наши собственные выводы). А дальше сказать ничего нельзя — все будет определять война и металл».

Когда Удет говорил о трех месяцах, по выражению его лица можно было понять, что он не верил в эти планы, не согласен с ними.

По завершении закупки заинтересовавших нас самолетов нас весьма волновал вопрос о скорейшей доставке их в СССР. Если бы для их перегонки мы стали вызывать свои экипажи, то процедура оформления документов неизбежно затянулась бы, и в результате самолеты могли к нам не попасть. После описанного разговора с Удетом у нас возникла смелая до невероятности идея: просить его, чтобы перегонку самолетов осуществили немецкие летчики. Эта просьба, переданная Удету через прикрепленного к нашей комиссии сопровождающего господина Лезе, весьма оперативно решавшего все возникавшие в ходе нашей работы вопросы, послужила поводом для второй встречи с Удетом на той же квартире. Она была очень краткой: «Господин Лезе мне передал, что Вы желаете ускорить завершение нашей совместной работы по договору между Германией и СССР. Так вот. Закупленное вами аэродромное оборудование и пять самолетов Хе-100 отправлены уже по железной дороге. Остальные самолеты подготовлены для перелета Берлин—Москва. У меня к вам одна просьба: показать нашим представителям, которые будут участвовать в перегонке самолетов, ваши 1-й и 39-й авиационные заводы».

Работа нашей комиссии подходила к концу, и только одно задание нами не было выполнено — это покупка мотора воздушного охлаждения БМВ-801А. А не сделано это было вот почему.

Сразу после того, как немецкие экипажи перегнали в Москву новейшие немецкие военные самолеты, положение нашей комиссии в Германии резко изменилось. Если раньше по распоряжению Удета нам была открыта «зеленая улица» на все заводы, то теперь в Министерстве авиации мы получили отказ в пропуске на фирму БМВ. Господин Лезе сообщил нам, что для покупки БМВ-801А необходимо, чтобы Сталин лично обратился с соответствующей просьбой к Гитлеру. На посланную нами шифровку в Москву был получен естественный ответ, что такого обращения не будет, и нам приказывали заканчивать дела. Узнав об отрицательном ответе, г. Лезе сказал, чтобы мы и не пытались в таком случае получить мотор — это будет только потеря времени. «Удета нет»,— добавил он.

Потом месяца полтора меня водили за нос со встречей с генералом Удетом, которая так и не состоялась. Срыв встречи с Удетом произошел, по-видимому, в результате интриг, которые предпринимал в отношении него другой заместитель Геринга — фельдмаршал Мильх. Впоследствии козни недоброжелателей, а также гибель цвета «Люфтваффе» осенью 1941 г. под Москвой, стали причиной самоубийства Удета, происшедшего 17 ноября.

Тогда вдвоем с переводчицей Н. Н. Первовой мы поехали в Швейцарию, где на одном из заводов в Цюрихе, принадлежавшем немецкой фирме «Бош», изготовлялись реверсивные воздушные винты, которые были в списке оборудования, подлежавшего закупке.

Воспользовавшись пребыванием в Цюрихе, мы посетили квартиру, в которой когда-то жили В. И. Ленин и Н. К. Крупская. Хозяин квартиры превратил ее в платный музей, приносивший ему доход. В простенке между окнами этой квартиры висела самодельная мемориальная доска. Я списал на листочек сделанную на ней надпись.

По возвращении в Москву я рассказал И. В. Сталину об этом посещении. Он взял у меня листок с текстом цюрихской мемориальной доски, долго смотрел на него, задумавшись. Было видно, что воспоминания унесли его уже в далекое прошлое. Потом он достал свой партбилет, показал его мне: там стояла знакомая всем подпись — Ульянов (Ленин). Сталин аккуратно сложил мой листок, вложил его в партбилет, спрятал в карман.

Как-то в один из очередных моих приездов из Германии я делал доклад Сталину в присутствии членов Политбюро. После моего доклада все мне задавали много вопросов,

связанных с Германией. Задал вопрос и Сталин: «Скажите, Петров, а что говорят немцы о нас?» И я рассказал ему анекдот, слышанный мною в Германии. Гитлер както пожаловался Риббентропу, что вот, мол, хорошо Сталину, он лично встречается с доярками, сталеварами и все знает о своем народе. А я построил дороги, ликвидировал безработицу, а что думает обо мне народ — не знаю. Риббентроп сел в машину, поехал за город, нашел какого-то мужика и привез его к Гитлеру. Тот стал его выспрашивать, что же говорят о нем в народе? А крестьянин испугался, молчит. Тогда решили угостить его шнапсом. И когда крестьянин повеселел, Гитлер опять задал ему тот же вопрос. Крестьянин обвел всех присутствующих глазами и спрашивает: «А у вас по марочке не найдется?» Скинулись ему все по марочке, а он опять: «А у вас еще по марочке не найдется?» Скинулись еще раз. Но когда он и в третий раз повторил то же, Гитлер — нервный человек — закричал: «Да когда же это кончится?!» А крестьянин и отвечает: «Вот и народ спрашивает: когда же все это кончится?»

Сталину, видимо, этот анекдот понравился, потому что он предложил всем выпить «за докладчика». Потом попросил еще что-нибудь рассказать. Следующий анекдот был такой. Перестал Гитлер доверять своим ближайшим помощникам. И стал советоваться только со своим собственным портретом. Както он спрашивает у него: что будет, если мы пойдем войной на русских? Портрет отвечает: «Все ясно: меня снимут, а тебя повесят». И тут я почувствовал, что этот анекдот Сталину не понравился. Это почувствовали и другие. Сталин поднимает рюмку и, обращаясь ко мне, говорит: «За докладчика». Мы с ним пьем. Потом рюмку поднимает Молотов: «За докладчика!» И так мне пришлось выпить девять рюмок по числу присутствовавших. Потом Сталин организовал второй круг... Видимо, он хотел довести меня до такого состояния, когда — что на уме, то и на языке. Но я в те годы был крепок...

Последний наш приезд из Германии на родину был за несколько недель до начала Великой Отечественной войны. Это был действительно последний рейс поезда Берлин—Москва, с которым советские граждане, работавшие в Германии, могли свободно вернуться домой. С началом войны выезд советских граждан из Германии и немцев из СССР мог проходить только по законам военного времени: в обмен человека на человека. И тут оказалось, что к началу войны немцев в Советском Союзе осталось мало: готовясь к войне, немцы заранее отозвали большинство своих представителей. Тем не менее, все наши соотечественники, находившиеся в Германии, все же сумели вернуться на родину, но кружным путем — через Турцию, с большими трудностями и лишениями.

Поезд, в котором я возвращался на родину, был забит немецкими офицерами. Вся обстановка, окружавшая нас при проезде от Берлина до нашей границы, с очевидностью говорила о том, что война начнется если не сегодня, то завтра.

На Белорусском вокзале меня встретили двое незнакомых мне товарищей. Они предложили мне отправить вещи домой с шофером, а самому поехать с ними в Кремль.

Когда мой шофер привез вещи домой и сказал, что меня самого вызвали в Кремль по важному делу, жена моя, Вера Николаевна, страшно взволновалась и не могла успокоиться все те три часа, которые я отсутствовал. Домой я приехал в хорошем настроении: правительство очень хорошо оценило нашу работу в Германии, мой доклад был одобрен. Как только я вошел в кабинет к Сталину, в котором находились также Ворошилов, Микоян, Маленков и те двое, незнакомые мне, первым вопросом Сталина ко мне был: «Как Вы считаете, будет у нас война с немцами?» Я ответил: «Будет, и очень скоро».

Публикацию подготовили
В. БЫЧКОВ и Г. КОСТЫРЧЕНКО

Советские и германские специалисты на демонстрационном полете германской авиатехники.

Немецкие самолеты, отобранные для перегонки в Союз.

СОБИРАТЕЛЬ РУССКИХ ДУШ

*Творя память
преподобного
Сергия,
мы проверяем
самих себя,
пересматриваем
свой нравственный
запас,
завещанный нам
великими
строителями
нашего
нравственного
порядка,
обновляем его,
пополняя
произведенные в нем
траты.*

В. О. Ключевский

Фотографии Виктора КОРНЮШИНА

Шитый покров с гроба Сергия Радонежского. 1420-е годы.

В нынешнем году исполнится шесть веков со дня смерти Сергия Радонежского. Редакция предоставила слово тем, кто стремится понять, в чем подлинная сила его личности, каково его реальное влияние на историю страны, что значит его опыт для современности.

В беседе принимают участие:

Николай Сергеевич Борисов —
кандидат исторических наук, доцент исторического факультета МГУ;

Вадим Леонидович Егоров —
доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории;

Отец Валерий
(Валерий Владимирович Суслин) —
священник храма Рождества Христова в Измайлове;

Ярослав Николаевич Щапов —
член-корр. РАН, председатель Научного совета «Роль религий в истории».

"Одигитрия" — келейная икона Сергия.

Н. С. Борисов: Незаурядность личности Сергия и сыгранной им роли сомнений не вызывает. Но все-таки не хотелось бы рисовать упрощенную, идеализированную картину. Неправильно считать, что его все и всегда одинаково понимали и уважали.

Задумаемся: а не переносим ли мы на далекое прошлое более позднее, в том числе и свое нынешнее, отношение к Сергию? Жизнь его была долгой и бурной, и он вызывал у современников противоречивые чувства. Отношение к Сергию и духовных собратьев, и мирян (в первую очередь князей) менялось в зависимости от развития политической ситуации на Руси. Однозначным и постоянным уважением он пользовался среди простого народа, но это как раз мало что говорит о самом Сергии, поскольку почтение к отшельнику, духовному наставнику было для средневекового человека совершенно естественным.

Я. Н. Щапов: Обязательное уважение к князю, боярину, высокому церковному лицу — это верно. Но ведь Сергий не был ни тем, ни другим, ни третьим. И все-таки его знали и почитали.

о. Валерий: Во все времена в народе есть идеалы, и, полагаю, именно Сергий этим идеалам соответствовал.

В. Л. Егоров: Да, но не с рождения же он был олицетворением идеалов. Он зарабатывал уважение к себе своей деятельностью. И, как любой активно действующий человек, не мог оставаться вне общественной жизни, вне политики. Вот почему биография Сергия — факт не только церковной, но и политической истории, хотя она и начинается с ухода от мира в лесную пустынь.

Сергий не был единственным духовным лицом, игравшим видную роль в политической жизни. Фактически одновременно с ним жил митрополит Алексий, по существу — премьер-министр Дмитрия Ивановича Московского, его правая рука. Сергий же не имел официальных высоких титулов. Он был только игуменом монастыря, причем нового и небогатого. То есть реальной политической властью он не обладал. Я говорю это, чтобы подчеркнуть, насколько по-разному воспринимается один и тот же человек современниками и потомками. Мы удаляемся от Сергия во времени — и уважение к нему растет. Но вот что важно: он не только никогда не был первым в политической игре, нет, он к этому никогда и не стремился. Наоборот. Когда Алексий, предчувствуя скорую кончину, предложил игумену занять место митрополита, Сергий отказался. А вот после смерти Сергия и канонизации в 1447 году уважение к нему как святому стало чуть ли не всеобщим. Так что, по-моему, чтобы достаточно объективно оценить деятельность Сергия, историк должен руководствоваться в первую очередь не данными его жития (ведь оно писалось с целью возвеличить святого), а фактами, которые мы знаем из летописей и других документов эпохи.

о. Валерий: Я не уверен, что так называемые факты настолько уж важны. Ведь их можно по-разному интерпретировать. Другое дело — проникнуть в сущность происходящего. Человеку, имеющему знания внешние, трудно достичь сердечного, внутреннего знания. А ведь именно оно просвещает того, кто живет в вере. Когда я читаю жития преподобного Сергия, меня отталкивает канонизированность его образа, штампованность, усредненность. Мне сообщают, что он свято соблюдал требования православия, например, по средам и пятницам «млека не вкушал», но для меня не это важно, если я хочу понять внутреннее содержание его личности,

прорваться к нему — подлинному. Для меня не существует цепочки: умер — был канонизирован — стал святым. Я встречал и хорошо знаю живых святых. Святой — это не тот, кого канонизировали, а тот, кто обладает определенным уровнем совершенства. Эта традиция не прерывалась ни на минуту. Скажем, в пустынке под Ригой жил отец Таврион Батосский, который совершал чудеса буквально на моих глазах: исцелял, имел дар прозорливости. Сейчас в церкви только ставится вопрос о его канонизации, но он был, действительно был живым святым. Так и Сергий. Кстати, для монахов Троице-Сергиевой лавры, которые живут там, где он совершал свои деяния, он и остается живым, они общаются с ним, черпают у него силу духа, и только поэтому остаются на месте, не уезжают, хотя, поверьте, для монаха жить в музее-заповеднике, где постоянно множество людей,— это страшная мука. Размышляя о Сергии, мы должны попытаться не барахтаться во внешнем знании, а пробиться к сути.

Н. С. Борисов: Конечно, житие, из которого мы черпаем большую часть сведений о Сергии — источник весьма своеобразный. Его можно разобрать по кусочкам и показать, где какому канону следуют авторы, какие традиционные для церковной литературы формулы они повторяют. Но все-таки каждый раз из готовых элементов — цитат, образов, сюжетных ходов — создавалось нечто новое. И как в иконе, по моему убеждению, непременно есть сходство с оригиналом, так и в житии сквозь наслоения повторов и клише проступает уникальный лик святого.

О масштабе личности Сергия Радонежского мы можем судить по многим, порой косвенным данным. Начать с того, что он едва ли не единственный игумен, упомянутый в летописи. Это уже выделяет его среди современников. Заслуживают особого размышления и некоторые его поступки, о которых известно доподлинно. Я имею в виду его миротворческие походы.

«Союзник Мамаев, Олег рязанский... во время Тохтамышева нашествия... вышел навстречу к хану с челобитьем и обвел татар мимо своей области... Татары на возвратном пути опустошили Рязанское княжество, но едва Тохтамыш выступил из рязанских пределов, как московские полки явились в волостях Олега и разорили то, что не было тронуто татарами... Олег, собравшись с силами, отомстил за это в 1385 году; он напал нечаянно на Коломну, взял и разграбил ее; Дмитрий отправил против него войско... Но москвитяне потерпели поражение, потеряли много бояр и воевод. Дмитрий стал хлопотать о мире, отправлял к рязанскому князю послов, но никто не мог умолить Олега; наконец, по просьбе великого князя отправился в Рязань троицкий игумен, св. Сергий. Летописец говорит, что этот чудный старец тихими и кроткими речами много беседовал с Олегом о душевной пользе, о мире и любви; князь Олег переменил свирепость свою на кротость, утих и умилился душою, устыдясь такого святого мужа, и заключил с московским князем вечный мир» (Сергей Соловьев. «История России с древнейших времен»).

Спасский собор Андроникова монастыря в Москве. Основан учеником Сергия Андроником.

Митрополичьи палаты (Кремль) Ростова Великого.

Возникает вопрос о мотивах поступков. Например, как понять нам, на таком хронологическом расстоянии, почему Сергий отправился в Рязань мирить Олега с Дмитрием Донским. Легче всего объяснить все корыстью или страхом: мол, князь посулил несколько новых деревень Троицкому монастырю или же просто приказал игумену поступить так, а не иначе. К сожалению, тенденция искать низменные мотивы преобладает в нашей историографии. А надо бы, по-моему, чаще вспоминать слова С. М. Соловьева, говорившего, что историк, не имея достоверных сведений, не вправе приписывать деятелям прошлого низкие побуждения. И для меня убедительнее всего такое истолкование поведения Сергия: он вел себя, как требовали совесть и представление о христианском долге. В конечном счете многое зависит от интуиции историка, а она опирается на знание эпохи, ее системы ценностей, психологии людей.

о. Валерий: С этим я вполне согласен. Так мы никогда не приблизимся к пониманию личности Сергия, пока не вдумаемся в смысл учения, последователем которого он был. Увы, сейчас идеи исихазма недостаточно хорошо известны. (Это византийское учение о пути человека к Богу.) Его главное основание: непрестанная молитва, покой и сосредоточенность — собирание души. Ум должен не блуждать, не мечтать, а отражать и осознавать все движения сердца. Так достигается преображение естества человеческого, его обожествление, насколько только это возможно на земле. На Руси в XIV веке эта тенденция была фактически утрачена, и Сергий ее возродил. Для того он и уходил в пустыню, чтобы заниматься высоким внутренним деланием.

Н. С. Борисов: Монашество, как и искусство,— это и профессия, и призвание, оно требует и обширных знаний, и таланта. Сергий обладал и тем, и другим.

«Ростовский выходец боярин Кирилл поселился в Радонеже; средний сын его, Варфоломей, с малолетства обнаружил стремление к иночеству, и как только похоронил своих родителей, так немедленно удалился в пустыню — лес великий, и долго жил здесь один, не видя лица человеческого; один медведь приходил к пустыннику делить с ним его скудную пищу. Но... Варфоломей, принявший при пострижении имя Сергия, не мог утаиться в дремучем лесу; иноки стали собираться к нему, несмотря на суровый привет, которым

встречал их пустынник: «Знайте прежде всего, что место это трудно, голодно и бедно; готовьтесь не к пище сытной, не к питью, не к покою и веселию, но к трудам, поту, печалям, напастям». Явилось несколько бедных келий, огороженных тыном; сам Сергий своими руками построил три или четыре кельи, сам носил дрова из лесу и колол их, носил воду из колодезя и ставил ведра у каждой кельи, сам готовил кушанье на всю братию, шил платье и сапоги, одним словом, служил всем как раб купленный. И это-то смиренное служение прославило Сергия по всем областям русским...» (Сергей Соловьев. «История России с древнейших времен»).

Троице-Сергиева Лавра в день памяти Сергия Радонежского.

Я. Н. Щапов: Сергий был родоначальником нового направления монашеской жизни. Конечно, монастыри существовали на Руси и до него, в том числе и знаменитый Печерский монастырь, основанный Антонием и Феодосием. Но монастыри были только городские: в Киеве, Владимире, Новгороде, Москве — и в основном княжеские. Они содержались на средства князя. В XIV веке стали возникать монастыри нового типа — так называемые пустынные, в отдалении от городов. Сам Сергий основал несколько таких монастырей, и его ученики разошлись по Северо-Восточной Руси, создавая новые и новые обители. Это была иная эпоха в духовной жизни русского народа. Особенно важно, что Сергий — уже представитель Северо-Восточной Руси, а не Киевской, как, скажем, Антоний и Феодосий. Киевская Русь — общий корень России, Украины и Белоруссии, Московия же — русское княжество. И в XIV столетии люди знали, что есть знаменитый Печерский монастырь в Киеве, но есть и свой, русский монастырь — основанный Сергием под Радонежем. Это переломный момент в истории народа, начало национального самосознания.

В. Л. Егоров: Я бы не рискнул отделять Москву XII века от Киевской Руси хотя бы потому, что город был основан великим князем киевским Юрием Долгоруким. Что же касается формирования национального самосознания, то особенно бурно и буквально осязаемо это происходило с 1380 по 1382 год. В 1380 году значительная часть русских княжеств пришла не просто на помощь Москве, а уже России. А в 1382 году те же княжества поняли, что именно Москва несет тяжкую ответственность перед Ордой за свои общерусские объединительные порывы. То, что Сергий был свидетелем всех этих драматических событий, несомненно. Важно другое — выяснение его роли в них в контексте формирования целой исторической эпохи.

Когда в сентябре 1392 года Сергий скончался, летописец упомянул о нем как о «начальнике» всех русских монастырей, то есть о том, кто положил им начало. А ведь в XIV веке монастырь играет совершенно особую роль. Трудно поверить, но в эту пору полукочевое государство Золотая Орда имеет больше ста городов, а Северо-Восточная Русь — всего пятьдесят. Почему? Да потому, что золотоордынские города построены на русское серебро и руками русских пленников. Но, так или иначе, такая несоразмерность существовала. И меняться ситуация начала именно с основанием многочисленных монастырей, каждый из которых был ростком будущего города. Причем столичные монастыри, которые, например, основывал в Москве митрополит Алексий, имели иное значение. В них собиралась, да и готовилась, духовная элита. А вот дальние обители — те, что создавали Сергий и его ученики,— были действительно для народа. Вокруг монастыря возникал поселок, селились ремесленники, сюда приезжали купцы. Так зарождался город. Русь обрастала новыми землями.

«...С XIV в. движение в лесную пустыню развивается среди северного русского монашества быстро и сильно: пустынные монастыри, возникшие в этом веке, числом сравнялись с новыми городскими (42 и 42), в XV в. превзошли их более чем вдвое (57 и 27), в XVI в. — в 1,5 раза (51 и 35)... Пустынный монастырь воспитывал в своем братстве... особое настроение; складывался особый взгляд на задачи иночества. Основатель его некогда ушел в лес, чтобы спастись в безмолвном уединении, убежденный, что в миру, среди людской «молвы», это невозможно. К нему собирались такие же искатели безмолвия и устрояли пустынку. Строгость жизни, слава подвигов привлекали сюда издалека не только богомольцев и вкладчиков, но и крестьян... Так на месте одинокой хижины отшельника вырастал многолюдный, богатый и шумный монастырь. Но среди братии нередко оказывался ученик основателя, тяготившийся этим неиноческим шумом и богатством; верный духу и радению своего учителя, он с его же благословения уходил от него в нетронутую пустыню, и там тем же порядком возникала новая лесная обитель... Так из одиночных, разобщенных местных явлений складывалось широкое колонизационное движение, которое, исходя из нескольких центров, в продолжение четырех столетий проникало в самые неприступные медвежьи углы и усеивало монастырями обширные лесные дебри средней и Северной России» (Василий Ключевский. «Курс русской истории»).

Погребение Сергия. Клеймо ярославской иконы "Сергий Радонежский с Житием". 1640-1650 годы.

В. Л. Егоров: Обратимся теперь к вопросу об авторитете Сергия среди современников. Их отношение к Сергию бывало разным. Допустим, духовник Дмитрия Ивановича Митяй (архимандрит Михаил), который стремился взойти на митрополию, никакого уважения к Сергию не испытывал, потому что тот заступался за его главного противника — суздальского владыку Дионисия. Да и сам князь далеко не всегда почтительно склонял голову перед знаменитым отшельником. Сергий крестил его сына, но ведь бывали и другие периоды — когда Дмитрий Иванович отодвигал его от себя и вообще не замечал. Отношения троицкого игумена и московского великого князя были столь сложными и неоднозначными, что отразились на судьбе Дмитрия Донского даже после его смерти. Это видно хотя бы из следующего. Русский князь и полководец Александр Невский был признан святым и канонизирован в 1547 году. Что же касается Дмитрия Донского, заслуги которого перед отечеством никак не меньшие, а в некоторых отношениях и большие, то церковь упорно не желала причислять его к лику святых. Канонизация произошла лишь в 1988 году. Сергия же канонизировали через 55 лет после кончины. Видимо, у духовенства были достаточно серьезные причины или обиды на Дмитрия Ивановича, если оно хранило память о них на протяжении шестисот лет. Все это, прямо скажем, нарушает идиллическую картину единения двух фигур — исполнителя и вдохновителя.

Вообще же создается впечатление, что у Сергия были куда более ровные и близкие отношения с кузеном Дмитрия Ивановича — Владимиром Андреевичем Храбрым. Видимо, основа этой близости зиждилась на том, что сам монастырь святой Троицы находился на землях, принадлежавших Владимиру Андреевичу. На тесные отношения между этим князем и троицким игуменом указывает и то, что именно Сергий в 1374 году по приглашению Владимира Андреевича приехал в Серпухов для того, чтобы «положить основание церкви своими руками во имя зачатья святыя Богородицы».

Н. С. Борисов. Но в 1380 году, перед решительным сражением с монголами, Дмитрий Иванович обратился за благословением именно к Сергию...

«Перед выступлением из Москвы великий князь отправился в Троицкий монастырь... Сергий благословил Дмитрия на войну, обещая победу, хотя соединенную с сильным кровопролитием, и отпустил с ним в поход двух монахов Пересвета и Ослябя...» (Сергей Соловьев. «История России с древнейших времен»).

В. Л. Егоров: На эту проблему есть две точки зрения. Одна, общеизвестная: Сергий благословил Дмитрия на Куликовскую битву. Вторая выглядит спорной и, пожалуй, менее распространенной,— что Сергий благословения не давал. Однако летописи свидетельствуют именно об этом. Житие Сергия существует во множестве редакций. В одной из них (я цитирую по изданию 1885 года) приводятся слова Сергия, обращенные к князю: *«И пойди, господин, царю наш, противу им с правдою и с покорением, яко ж пошлина твоя держит покорятися ординскому царю должно».* В переводе на современный язык: заплати Мамаю дань, которую он просит, не воюй с ним. Что еще вызывает сомнение в канонической версии? Сделаны расчеты поездки Дмитрия в Троицкий монастырь. Они показывают, что князь просто не успел бы съездить туда и вернуться обратно. Кроме того, надо реально представлять себе ситуацию, страшное психологическое напряжение, в котором находился московский князь. Известно, что Мамай заключил договор с Литвой, с Генуей, позвал армян, буртасов и других союзников; разведка русских доносит, что вся эта махина движется из Крыма, кони пощипывают траву, жиреют на глазах и ко времени битвы будут в полной силе. И вдруг Дмитрий вместе со всеми военачальниками, вместо того чтобы собирать войска, уезжает в монастырь просить благословения Сергия.

Я думаю, что поездка князя в обитель — действительно легенда. Причем по названиям источников можно проследить, как она возникла. Первая летописная запись о Куликовской битве называется «О великом побоище, иже на Дону». Главное для автора — само событие. Вторая, более поздняя и более пространная летописная повесть имеет заголовок «О побоище, иже на Дону, и о том, князь великий како бился с Ордою». Здесь отмечена заслуга полководца. И вот, наконец, третье, уже художественное произведение — «Сказание о Мамаевом побоище». В основной редакции оно называется «Начало повести, како даровал Бог победу государю великому князю Дмитрию Ивановичу за Доном над поганым Мамаем и молением пречистой Богородицы и русских чудотворцев православное христианство Русскую землю возвыси, а безбожных агарян посрами». Тут уже подчеркнуто патриотическое начало и торжество православия над исламом. А вот как называется «Сказание о Мамаевом побоище» в поздней редакции: *«Повесть, полезна бывшего чудеси, егда помощию Божею, пречистой его матери Богородицы, угодника их чудотворца Петра — митрополита всея Руси и преподобного игумена Сергия чудотворца и всех святых молитвами князь великий Дмитрий Иванович с братом своим иже из двоюродным Владимиром Андреевичем и со всеми князи русскими на Дону посрами и прогна волжские орды поганого князя Мамая и всю орду его...».* Видите, какая четкая иерархия: первый — Бог, вторая — Богородица, третий — Петр-митрополит, четвертый — Сергий, пятые — святые, Дмитрий оказался на шестом месте. Так происходит с годами смещение исторических акцентов, возвышение одних и унижение других.

Я. Н. Щапов: Действительно, свидетельства источников противоречивы. Кроме указаний на поездку Дмитрия в монастырь, есть и упоминания о том, что перед самым началом битвы князь получил послание Сергия с благословением. Мне представляется, что личная встреча была нереальна, а послание — вполне реально. Но это, может быть, и не так важно. Я думаю, что основная причина такова. Русский человек XIV века хорошо знал христианские заповеди. Нашествие монголов на Русь воспринималось как наказание за грехи каждого, за грехи князей, епископов, монахов, народа. Люди прекрасно видели, в какую жестокую и неправедную эпоху они живут. И ни один священнослужитель не имел права звать прихожан на борьбу с тем злом, которое послано им в наказание за грехи. Они должны были терпеть и смиряться, а не воевать. В конце концов, Куликовская битва не была первым столкновением русских с монголами. И столетием раньше происходили восстания против баскаков — сборщиков дани, но церковь никогда такие дела не благословляла. Сергий не был официальным лицом, и он позволил себе то, чего не делал до него ни один священник. И в этом его гениальность и его святость.

о. Валерий: Он поступил как свободный человек.

Я. Н. Щапов: Это было исключительно важно, ведь Дмитрий колебался. Обстановка сложная: отступилась Литва, отказал в поддержке рязанский князь. Но кроме стратегической расстановки сил, существует воля Божия. На нее и указал Сергий. Причем нужно было какое-то убедительное подтверждение его благословения. Потому и отправились на Куликово поле Пересвет и Ослябя.

«Пересвета-чернеца, из брянских бояр, призвали на поле брани. И сказал Пересвет-чернец великому князю Дмитрию Ивановичу: «Лучше нам порубленными быть, чем в плен попасть к поганым татарам!» Поскакивает Пересвет на своем борзом коне, золоченым доспехом сверкая, а уже многие лежат посечены у Дона великого на берегу.

динке Пересвета с Челубеем. Она содержится в «Сказании о Мамаевом побоище», но не входит ни в летопись, ни в житие Сергия. По преданию, могучий татарский боец Челубей вызвал на бой противника, и вышел Александр Пересвет, боярин, профессиональный воин, который незадолго до того постригся в монахи. Оба они погибли. Почему народное сознание в этой легенде не сохранило жизнь воину-христианину, защитнику родины от неверных? Вот загадка.

о. Валерий: Это не загадка. Иначе и быть не могло. Как же останется жить убивший монах? Не знаю, как было на самом деле, но во мнении народном инок Троицкого монастыря должен был с оружием в руках выступить против супостата — и погибнуть, чтобы не жить с грехом на совести.

Благословение Патриарха Алексия II в День памяти.

...И говорит чернец Ослябя своему брату Пересвету-чернецу: «Брат Пересвет, вижу на теле твоем раны тяжкие, уже катиться, брат, твоей голове с плеч на траву ковыль, и моему сыну Якову лежать на зеленой ковыль-траве на поле Куликове, на речке Непрядве за веру христианскую, за землю Русскую и за обиду великого князя Дмитрия Ивановича» («Задонщина». Конец XIV века).

Это только в художественном тексте «Задонщины» у Пересвета блестят доспехи. На самом деле, если монахи и участвовали в битве, то они были одеты в схимы. Сергий дал им вместо шлема и вместо меча — крест. И если сегодняшний исследователь сомневается, имел ли право монах принимать участие в сражении, то надо помнить: он не поражал противников мечом, он просто был среди воинов. Есть, правда, легенда о поединке Пересвета с Челубеем.

В. Л. Егоров: Что касается Пересвета и Осляби, я придерживаюсь мнения, что они действительно были иноками Троицкого монастыря. Но есть, например, точка зрения сотрудника Института российской истории доктора исторических наук В. А. Кучкина, согласно которой они никакого отношения к обители Сергия не имели, потому что, де, нельзя монаху, принявшему обет, идти на войну.

Н. С. Борисов: Я хотел бы возразить Вадиму Леонидовичу. Никак не могу согласиться с теми, кто отрицает факт благословения и факт похода иноков на Куликово поле. Сомнения основываются на том, что эти сведения содержатся только в довольно позднем списке «Сказания о Мамаевом побоище» — начала XVI века. Предполагают, что старцы Троицкого монастыря сознательно создали легенду, чтобы поднять авторитет своей обители и ее основателя. Но это лишь версия. Нет фактов, опровергающих мнение о том, что все это действитель-

но было. А убеждает меня в этом знание ситуации лета 1380 года. Ожидание грандиозного татарского нашествия. Еще чуть-чуть — и навалится на Русь страшная громада, начнутся грабежи, убийства, пожары, чуть ли не конец света близится. И надо собирать ополчение. Причем многие сильнейшие русские князья Дмитрию изменили. Чтобы повести за собой людей, ему необходима поддержка со стороны высшего духовного авторитета. Князю Дмитрию необходимо было иметь наглядные свидетельства своего благословения. Грамота есть грамота — далеко не всякий прочитает, кто-то не поверит. Бумажкам (пусть даже это пергамент), я думаю, и в то время не особенно верили. А вот когда рядом с Дмитрием видели двух живых иноков Троицкого монастыря, которых хорошо знали в Москве, тут уж всем было ясно, что преподобный благословил. Ведь иноки не могли уйти из монастыря без позволения игумена — это строжайший закон монашеской жизни.

Мне думается, Дмитрий все-таки ездил в Троицкий монастырь. Иначе вряд ли Сергий пошел бы на нарушение церковного канона. Деяние IV Вселенского собора в Халкидони запрещает монаху идти на войну. И в русской истории мы не найдем других примеров такого рода. Сергий должен был переступить через канон во имя спасения людей, рискуя при этом спасением собственной души. Чтобы принять такое решение, нужен был очень серьезный личный разговор. А все сегодняшние расчеты времени относительны. Так или иначе, Сергий дал понять русским воинам, что предстоит не очередная схватка с татарами, а Священная война. А гибель на Священной войне дает венец мученика и вечное блаженство в загробной жизни. Конечно, Сергий, как благочестивый человек, предпочитал бы избежать войны, и, наверное, он произнес слова о возможном примирении. Но дальше он сказал: если по-хорошему договориться не удастся, иди и сражайся против Мамая.

Потом прошли годы, напряженная атмосфера лета 1380 года стала забываться, и авторам жития Сергия уже казалось странным, с точки зрения монашеской традиции, что он послал иноков на Куликово поле. Поэтому официальные церковные тексты и не сохранили этих сведений. Что же касается источников полуфольклорных, таких как «Сказание о Мамаевом побоище», то они в меньшей степени контролировались церковной цензурой, и в них остались упоминания о нравственном подвиге Сергия. И только со временем официальная церковь приняла этот его поступок, и теперь она им гордится.

<u>*В. Л. Егоров:*</u> Вернемся к фактам. Противостояние Сергия и Дмитрия продолжается, ведь Сергий заступается за суздальского владыку Дионисия, политического противника Митяя. Ну как же после этого князь поедет в Троицкий монастырь за благословением? Да и кроме того, в летописи четко сказано, что на битву Дмитрия и его войско благословил в Коломне епископ Герасим. И только у Дона их нагнала грамота с благословением Сергия. Если все-таки личная встреча была и благословение уже состоялось, зачем тогда эта грамота?

<u>*Я. Н. Щапов:*</u> Одно другому не мешает.

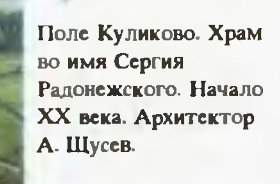
<u>*В. Л. Егоров:*</u> Я думаю, что именно грамота, посланная вдогонку Дмитрию, была знаком доброй воли. Сергий как будто говорил князю: если сейчас, в минуту опасности, мы не помиримся, победы не будет. И Дмитрий Иванович пожал протянутую руку. После Куликовской битвы и возвращения из похода он с Сергием уже не враждует.

Монастыри, основанные Сергием Радонежским, его сподвижниками и учениками.

1. **Троицкий**
2. **Благовещения на р. Киржаче**
3. **Андроников (Москва)**
4. **Симонов (Москва)**
5. **Борисоглебский близ Ростова**
6. **Георгиевский на Клязьме**
7. **Высоцкий близ Серпухова**
8. **Дубенский на Стромени**
9. **Дубенский Успенский**
10. **Голутвенский в Коломне**
11. **Обнорский под Вологдой**
12. **Успенский у Галича**
13. **Поясоположенский у Галича**
14. **Покровский у Чухломы**
15. **Собора Богоматери у Галича**
16. **Железноборский Предтеченский у Галича**
17. **Николаевский у Дмитрова**
18. **Саввино-Сторожевский у Звенигорода**
19. **Спасо-Прилуцкий под Вологдой**
20. **Кирилло-Белозерский**
21. **Ферапонтов**

Спасо-Прилуцкий монастырь. XIV век. Основан сподвижником Сергия Дмитрием Прилуцким. Вологда.

Кирилло-Белозерский монастырь. Основан сподвижником Сергия Кириллом из Симонова монастыря в 1397 году.



Поле Куликово. Храм во имя Сергия Радонежского. Начало XX века. Архитектор А. Щусев.

Саввино-Сторожевский монастырь. Основан сподвижником Сергия Саввой в 1404 году. Звенигород.

Борисоглебский монастырь. Основан при участии Сергия.

Я. Н. Щапов: Для современности нравственная роль Сергия необычайно велика. Скажу об этом чуть конкретнее. Он сделал выбор не только в пользу личной порядочности, спас не одну лишь свою душу — он захотел и сумел сделаться учителем, передать свою правду другим. Кроме того, Сергий сознательно отказывался от карьеры. Даже игуменом он стал по необходимости. А разве не в карьеризме и крайней политизации болезнь нашего общества? Сергий дал пример того, как приносить пользу людям и быть самому счастливым человеком, не поднимаясь все выше и выше по общественной лестнице. Не занимая определенной «ступеньки», не получая соответствующего вознаграждения, он был деятелем государственного масштаба. Наконец, своеобразие наследия Сергия в том, что он не книжник, а делатель, практик. Никаких его сочинений не сохранилось. Зато, как нам известно, он не гнушался никакой работы (в голод, когда у монастыря не было ни денег, ни запасов, ходил к своему же монаху и за гнилые сухари строил ему сени). Он умел ухаживать за скотом, тереть зерно, плотничать... Весь монастырь был создан благодаря его трудам. Если бы наши современники так трудились, мы, как мне кажется, давно достигли бы изобилия.

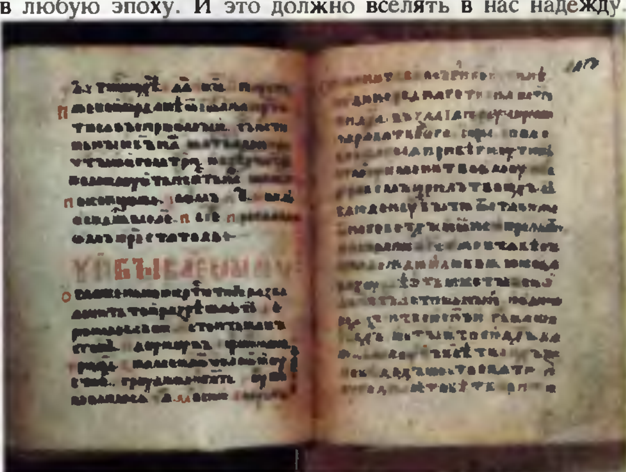
о. Валерий: Почему того или иного святого любят или не любят — это загадка, впрочем любовь вообще трудно поддается объяснениям. Но в случае с Сергием все как раз довольно понятно. Одним из самых почитаемых русских святых стал тот, кто всю жизнь проповедовал мир — не словами, а делами. И еще — он занимался собиранием души. А современный человек, увы, душу разбрасывает, теряет самого себя. К сожалению, не избежала нравственных потерь и официальная церковь. Разве можно даже сравнивать то, как основывал монастыри Сергий, и то, как это зачастую происходит сейчас? Молодые, только что постриженные монахи или монахини собираются вокруг развалин, фактически вокруг камней, и без наставника, без личности, рядом с которой тепло, восстанавливают стены. Но что могут дать душе мертвые камни? Монастыри испокон веков строились не вокруг наследства, а вокруг наставника. Появится святой человек — около него и соберутся: иначе и быть не может. И он, порой даже невольно, будет подтягивать остальных до своего уровня, как делал Сергий. Думаю, что в его духовности — наши глубокие корни. Я не русофил, но вижу особый дар русских в постоянном, трудном внутреннем поиске. И хотя сейчас, казалось бы, торжествует колбасное сознание, русский человек, как его деньгами ни мани, будет продолжать искать идеал.

В. Л. Егоров: При жизни Сергий играл далеко не первую роль в масштабе страны. Не занимал он в этой иерархии второго и даже третьего места. Судя по его твердому отказу от предложения занять митрополичью

Рака с мощами Сергия Радонежского в Троицком соборе Троице-Сергиевой Лавры.

Посох Сергия Радонежского.

Кожаные сандалии Сергия Радонежского.



Монастырский служебник XIV века.

кафедру, скромность была главной чертой его характера, а служение богу — единственной избранной стезей. Он не был ни политиком, ни дипломатом, ни идеологом Древней Руси. Не оставил после себя никаких назидательных сочинений или религиозных трактатов. Но он был примером для подражания.

Он украсил русскую историю. Без него она была бы беднее... Сергий сделал все, что мог и для украшения самой русской земли. Я хотел бы упомянуть о том, о чем мы почему-то забыли в сегодняшнем разговоре: деятельность Сергия способствовала расцвету отечественного искусства. С увеличением числа монастырей возникали новые архитектурные формы, складывались целые школы станковой и монументальной живописи. Различные виды прикладного искусства и ремесел получили самое широкое развитие. Я не сомневаюсь, что Сергий зарядил русскую культуру своей удивительной энергией. Сейчас, когда искусство начало освобождаться от официоза, оно не может не ощутить этих своих истинных корней.

Наконец, Сергий утвердил в русской жизни эталон нравственности. Тот самый эталон, который, к сожалению, в дальнейшей русской истории практически не соблюдался. Святость этого самого русского святого прежде всего в том, что он никого не понуждал к чему-либо, а все делал сам.

Н. С. Борисов: Очень трудно говорить и писать о Сергии. Обязательно услышишь от кого-нибудь: «Нет! Он не такой!» Потому что у каждого свой Сергий. Но есть еще Сергий как символ России. Это особенно важно сегодня, когда нам почти нечем гордиться, наоборот, за все стыдно. Чтобы не впасть в отчаяние, необходимо вспомнить, что у нас были духовные учителя. Сейчас нам труднее найти их, пробиться к ним. Но они есть в любую эпоху. И это должно вселять в нас надежду.

На Литургии в Успенском соборе в День памяти Преподобного.

ИСТОЧНИК

документы русской истории

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КОМИТЕТА
ПО ДЕЛАМ АРХИВОВ ПРИ
ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РОССИИ
РУДОЛЬФА ПИХОИ

ЛИТОВСКАЯ «МИНА»

Совершенно секретно

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС
30 августа 1989 г.

О кризисных явлениях в общественно-политической жизни Литовской ССР.

Согласиться с соображениями, изложенными в записке отделов ЦК КПСС (прилагается).
Секретарь ЦК *М. Горбачев*

ЦК КПСС

О кризисных явлениях в общественно-политической жизни Литовской ССР

ЦК КПСС неоднократно обращал внимание руководства ЦК Компартии Литвы на необходимость осуществления решительных мер по преодолению негативных тенденций в общественно-политической жизни республики. По этим вопросам приняты постановления Центрального Комитета. Однако они были фактически проигнорированы. По существу свернута политическая линия на достижение подлинного суверенитета Литовской ССР в едином Союзе ССР и расширение самостоятельности Компартии республики в составе КПСС.

Анализ ситуации показывает, что республика все глубже втягивается в состояние социально-политического кризиса. Естественный рост национального самосознания литовского народа, его стремление самому решать назревшие проблемы политической, экономической, духовной жизни активно используется деструктивными силами для нагнетания националистических и антисоциалистических настроений.

На государственном уровне последовательно предпринимаются шаги, направленные на разрыв федеративных связей с Союзом ССР. Принят не получивший должной оценки со стороны центральных органов ряд законодательных актов и постановлений правительства республики, прямо противоречащих Конституции СССР, ратифицированным Советским Союзом международным договорам. В их числе — Декларация Верховного Совета о государственном суверенитете, законы об основах экономической самостоятельности Литовской ССР и изменениях ее Конституции, употреблении государственного языка, а также постановление Совета Министров республики о правах лиц, выселение которых признано незаконным и необоснованным. Опубликован дискриминационный законопроект о гражданстве. (...)

«Саюдис», став основной политической силой, толкает руководство республики к крайним решениям, конфронтации с союзными органами. Его радикально настроенные лидеры, среди которых преобладают народные депутаты СССР и депутаты Верховного Совета Литовской ССР, сплотив вокруг себя организации и группировки антисоциалистической направленности, повели неприкрытую борьбу за захват законодательной и исполнительной власти. С этой целью они интенсивно готовят соответствующие законопроекты, выдвигают требования о проведении досрочных выборов в Верховный Совет Литовской ССР до конца 1989 года. Открыто ведется компрометация и психологическая травля депутатов Верховного Совета и членов правительства республики, активистов, стоящих на интернационалистских позициях. В действующие структуры власти активно внедряются сторонники «Саюдиса». (...)

Развитие событий в Литовской ССР, особенно в связи с 50-летием подписания советско-германских договоров, свидетельствует о сформированном в сознании значительной части литовского населения устойчивом стереотипе, что годы Советской власти не принесли для Литвы ничего, кроме бед, и дальнейшее пребывание в составе Союза ССР не гарантирует ей свободного развития. Нарастает национальный фанатизм и антисоветизм, реальной становится опасность утраты социалистических завоеваний в республике, возможность прямого столкновения основных этнических групп, появления проблемы беженцев.

Общественно-политическая ситуация в Литовской ССР складывается таким образом, что вероятнее всего на предстоящих выборах в Верховный Совет республики, местные органы власти могут победить крайне радикальные, националистические силы. В этом случае вполне вероятны решения верховного органа государственной власти Литвы о ее выходе из состава Союза ССР.

Опасность подобного поворота событий тем более реальна, что руководство ЦК готовит внеочередной съезд партии на волне «отделенческих» настроений, подогретых дискуссией о статусе Компартии Литвы вне КПСС.

Первый секретарь ЦК Компартии т. Бразаускас А. К., обладая определенным авторитетом в республике, мог бы более активно влиять на развитие событий в позитивном направлении. Однако он не проявляет настойчивости в проведении политической линии, не делает должных выводов из решений ЦК КПСС, бесед с ним на Комиссии Политбюро ЦК КПСС по Прибалтийским республикам*.

Наряду с мерами, которые надлежит принять руководству республики в соответствии с ранее принятыми постановлениями ЦК КПСС, полагали бы необходимым дополнительно осуществить следующее:

1. Подготовить заявление ЦК КПСС по ситуации в Прибалтийских республиках.

Рассмотреть в Политбюро ЦК КПСС общественно-политическую обстановку в Литовской ССР и положение дел в Компартии Литвы с приглашением руководителей республики.

2. При Комиссии Политбюро ЦК КПСС по Прибалтийским республикам создать постоянно действующую специальную группу в составе ответственных работников ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета и Совета Министров СССР, Министерства обороны СССР, МИД СССР, Прокуратуры СССР, КГБ СССР, МВД СССР, некоторых других ведомств для проработки вариантов мер по выводу Литовской ССР из политического кризиса.

3. Направить в Литву группу народных депутатов — членов Верховного Совета СССР для изучения политической платформы и оценки практической деятельности «Саюдиса», учитывая, что в состав руководящих органов этого движения входит подавляющее большинство народных депутатов СССР от республики.

4. В Президиуме Верховного Совета СССР:

— проанализировать принятые в последнее время законодательные акты Литовской ССР и рассмотреть вопрос о признании недействующими тех из них, которые противоречат Конституции СССР и ратифицированным СССР международным договорам;

— изучить в Литовской ССР эффективность действующего законодательства по обеспечению гарантированных Конституцией СССР прав и свобод советских граждан, защиты государственного строя;

— ускорить принятие законов о применении языков народов СССР и гражданстве СССР в связи с тем, что именно по этим вопросам в союзных республиках принимаются дискриминационные правовые акты**.

6. Комитету партийного контроля при ЦК КПСС совместно с ЦК Компартии Литвы обеспечить укрепление партийной дисциплины, привлекать к ответственности коммунистов-руководителей общественных формирований, работников средств массовой информации, других членов КПСС, которые, по существу, занимаются антисоциалистической деятельностью, грубо нарушают Программу и Устав КПСС.

7. Управлению делами ЦК КПСС, Госкомитету СССР по печати, Госкомитету СССР по телевидению и радиовещанию, Главлиту СССР совместно с ЦК Компартии Литвы и Советом Министров Литовской ССР навести должный порядок в системе информационно-издательской деятельности, исключив возможность ее использования в целях антисоветской, националистической пропаганды. Ввести временно в Литовской ССР цензуру.

Прокуратуре СССР и МВД СССР пресечь противоправное использование множительной техники для выпуска печатной продукции, нагнетающей обстановку в республике.

8. КНК СССР, Минфину СССР, Госбанку СССР, Минлеспрому СССР изучить хозяйственно-фининсовую деятельность и материально-техническую базу «Саюдиса», других самодеятельных формирований в Литве и принять меры по недопущению нарушений законности, государственной и финансовой дисциплины.

9. Прокуратуре СССР, МВД СССР, КГБ СССР активизировать работу по привлечению к уголовной и административной ответственности экстремистских националистических, антисоветских элементов, для чего срочно направить в Литву оперативно-следственные группы, организовав их тесное взаимодействие о местными органами.

10. МИД СССР, МВД СССР, КГБ СССР совместно с заинтересованными организациями и отделами ЦК КПСС представить в срочном порядке предложения о временном введении системы оформления выездов и въездов между республиками Советской Прибалтики и несоциалистическими странами, а также ПНР только через союзные министерства, ведомства и общественные организации. Внести предложения о порядке исключения из планов работы международных мероприятий с участием представителей указанных стран на территории Литовской ССР, Латвийской ССР, Эстонской ССР.

11. МИД СССР совместно с КГБ СССР глубоко изучить международные аспекты кризисного развития ситуации в Литве и других Прибалтийских республиках, отношение правительств зарубежных стран и неправительственных организаций к происходящим в регионе процессам. Выработать предложения о мерах по предотвращению вмешательства извне с целью дестабилизации обстановки в Прибалтике.

12. Рассмотреть в комиссиях ЦК КПСС состояние организационно-партийной и кадровой работы; положение дел в идеологической, правовой и социально-экономической сферах в Литовской ССР с приглашением руководителей соответствующих комиссий ЦК Компартии республики.

Отдел партийного строительства и кадровой работы ЦК КПСС	Идеологический отдел ЦК КПСС	Государственно-правовой отдел ЦК КПСС

«26» августа 1989 года

ЦХСД, ф. 3, оп. 102, д. 1234, л. 105—116. Подлинник.

---

* Далее В. А. Медведевым из первоначального вариант текста снят следующий абзац: «Его практические действня свидетельствуют о том, что он все более склоняется к позиции выхода нз сложившейся ситуации через устаноаление конфедеративных связей Литвы с СССР и федеративных отношенний Компартии республики с КПСС. Имено поэтому тов. Бразаускас А. К. идет на соглашательство с сепаратистскими кругами и не предпринимает мер по мобилизации здоровых сил в партин и обществе, стоящих на позициях XIX Всесоюзной партийной конференции и проекта платформы КПСС по национальной политике».

** Далее В. А.Медведевым из первоначального варианта текста снят следующий пункт: «5. Мннистерству обороны СССР и Главному политическому управлению Советской Армии и Военно-Морского Флота СССР совместно с МВД СССР разработать и осуществить комплекс действенных мер по повышению боеготовиости дислоцированных на территорнн Литовской ССР воинских частей н соединеиий, обеспечению противодействия антиармейским акциям, попыткам создания альтернативной армии с учетом эскалации напряженностн в регионе».

ПОДМЕТНОЕ ПИСЬМО

И в 1836 году завистники не чурались писать безымянные доносы. Доносительство — и анонимное, и «авторское» — в большей или меньшей степени присуще, как известно, всякому государству с авторитарной и тоталитарной властью. В нашей стране оно, увы! имеет давнюю историю. Может быть, когда-нибудь ученые напишут «Историю доносительства в России». Не исключено, это даже получится интересно, хотя вообще-то сам жанр доноса, как убедится читатель, представляет собой явление довольно скучное, статичное, претерпевшее с годами мало изменений.

Интерес к публикуемому документу придает то, что главными объектами обвинения выступают в нем Екатерина Ивановна Бибикова, урожденная Муравьева-Апостол (1795—1861), сестра трех известных декабристов, и ее муж Илларион Михайлович Бибиков, который во время декабрьского восстания 1825 года (тогда флигель-адъютант и полковник) сохранил верность Николаю I и при выполнении одного из поручений был даже сильно избит толпой, за что удостоился от императора благодарственного рескрипта и наградного перстня. В 1829 году он вышел в отставку в чине генерал-майора, затем недолго губернаторствовал в Нижнем Новгороде, после чего был переведен в Калугу. Не станем разбираться, насколько справедливы были обвинения, выдвинутые против него анонимщиком. Может быть, и была в них доля истины, ибо вряд ли бы нашелся тогда в России хоть один губернатор, совершенно чистый от злоупотреблений. Отметим лишь одно: к чести III отделения, куда поступил донос, никаких последствий для Бибикова анонимка не имела. Она пришла в Петербург и была, как положено, учтена и зарегистрирована, но никакого расследования по этому «сигналу» так и не было произведено.

Его Сиятельству Милостивому Государю
Графу Александру Христофоровичу Бенкендорфу
в С. Петербурге, в Малой Морской.
31 декабря 1836*

Жена Калужского губернатора Бибикова, урожденная Муравьева-Апостол исполнена ненависти к Высокоцарствующему дому Императора. Она иначе не нечествует, как «убийца моих братьев». В обедню проклятия изменников ни Он, ни Она не являются в собор.

Бибиков корыстолюбив до ненасытной алчности: независимо от значительных доходов, взимаемых с откупщиков, старообрядов и раскольников, с пищи, крова и тепла несчастных призреваемых, приказом от утверждения и учреждения цен и пр., он простер свое корыстолюбие до того, что собираемым от купечества заседателям разрешает отпуски, особливо в ярмарочное время, не иначе, как по приносе свертка золота.

Какое уничижение права избрания! Честной гражданин захочет ли после сего быть избранным на общественную службу, бескорыстно проходить свое поприще?

Бибиков старается приблизиться к городским доходам. Бывший Гражданский глава Зюзин, непреклонный к его притязаниям, был гоним: ныне некоторые из Голов, выбранные из откупщиков, люди привычные, свойские.

Черта бескорыстия — за обе езды [по] губернии Бибиков вытребовает прогоны для себя и под своз канцелярии, наибольшее число лошадей против того, за которые прогоны действительно платил.

Приверженцы Бибикова пред наступлением дней рождения или имянин Его жены (которая сильно берет) и детей, дают знать под рукою всем зависящим и имеющим дела, какого рода подарки должны быть поднесены Тезоименитым.

Бибиков во время своего управления издержал 50 т[ысяч] р[ублей] казенных денег на починку Губернаторского дома; за ету сумму можно выстроить новый дом.

Губернатор весьма в тесных связях с Архитектором Соколовым и порутчиком Кавелиным; оба они приняты запросто в доме и в обществе его жены — пред другими играющей роль Принцессы крови — бывают в сюртуках. Подрядчиков устраняют и стараются, чтобы работы и постройки по губернии остались на хозяйственном способе, или на имя подставных лиц; строительная часть, земские повинности и исправники требуют особенного наблюдения.

Штаб-офицер корпуса жандармов поставил своим поведением себя в совершенную зависимость от губернатора, ожидая служебного поощрения от его отзывов. Штаб-офицер зделался безгласным зрителем или интересованным хвалителем его действий. Губернатору — взятки и карты; штаб-офицеру — взятки и актрисы.

Бибиков несколько раз в год ездит без отпуска из Калуги в Москву играть в карты; под видом осмотра Губернии находится с помещиками и кидает направо-налево.

Прокурор обложил данью уездных Стряпчих и поддавшиеся под ярмо места и лица, наслаждается поездками в деревню и прочным, вне земледелия, доходом, не терпящим недоимок: интриги Бибикова стараются повысить Христиановича в Вице-губернаторы, на плач казенным крестьянам. Под знаменем Тройственного союза все в губернии — лица и дела отражаются тем же духом: правосудие и правдивость ниспровергнуты, мздоимство и притеснения укоренены.

ЦГАОР, ф. 109 секретный архив, оп. 3, л. 1176.

Вступительное слово и публикация
В. БОКОВОЙ

* Сохранены стиль и орфография подлинника.

Советский человек за границей

ПИСЬМО П. Л. КАПИЦЫ ХРУЩЕВУ

Имя одного из выдающихся советских физиков, академика Петра Леонидовича Капицы, широко известно и не нуждается в многословных рекомендациях. Личность этого талантливого ученого всегда привлекала внимание общественности. Помимо глубоких научных знаний, Петр Леонидович обладал высокими человеческими качествами, собственным, не подверженным конъюнктурным соображениям, видением различных сторон окружающей жизни, умением заглянуть в завтрашний день. Об этом неопровержимо свидетельствуют его многочисленные личные обращения к партийным и государственным руководителям. Многие из них опубликованы в книге: П. Л. Капица. Письма о науке. М., 1989.

Не вошедшие в эту книгу письма П. Л. Капицы Н. С. Хрущеву находятся в Центре хранения современной документации.

18 апреля 1959 г.

Глубокоуважаемый Никита Сергеевич,

Пишу Вам хотя и по личному делу, но думаю, что оно имеет и общее значение.

По примеру прошлого года я решил поехать отдохнуть в Чехословакию. Помните, Вы мне сказали, что мне можно свободно путешествовать по демократическим странам. Правда, после длительных хлопот, но все устроилось, и дней через 10 я получу бумаги и смогу уехать отдыхать в Татры.

Но вот тут у нас с валютой делаются большие нелепости, сумма размена ограничена 30 кронами в день, что по покупной способности не превышает одного дореволюционного рубля. Этот установленный у нас лимит просто смехотворен и к чему он приводит, я убедился на собственном опыте, когда в прошлом году был в Чехословакии.

Приведу три характерных случая. Приехал я осмотреть, недалеко от Карловых Вар, знаменитый завод художественного стекла «Мозер». Туда же неожиданно приехала группа американских туристов, нас бросили и просили обождать. Прождав более часа, наш переводчик пошел спросить директора, в чем дело, тот ему пояснил, что поскольку американцы покупают сувениры на доллары, есть директивы показывать им завод в первую очередь, и экскурсовод занят с ними. Прождав еще полчаса, наш переводчик переговорил с кем-то из проходящих рабочих, и тот попросил разрешение у директора самому показать нам, как русским, завод. Рабочие нас приняли радушно. Поскольку денег на дорогие сувениры у нас не было, то они тут же на наших глазах наделали из стекла очаровательных поросят и подарили нам. С одной стороны, радушие рабочих было приятно, но вообще чувствовал я себя, как нищий.

Между прочим, у чехов есть магазин, где все продают только на валюту и где советский гражданин покупать не может.

Вот второй случай. В Праге я читал лекции и консультировал чешских ученых. Накануне моего отъезда они, чтобы меня отблагодарить, послали в подарок художественные издания. Эти книги весили более 25 кг.; так как на самолете лишний килограмм стоит 12 крон, мне нужно было истратить около 300 крон (десятидневный фонд!). Конечно, накануне отъезда у меня все было истрачено и таких денег у меня не было. Я обратился в посольство, они любезно обещали послать книги поездом, но до этого не дошло. Чехи узнали о моих финансовых затруднениях и оплатили вообще весь мой багаж. Опять я чувствовал себя нищим с протянутой рукой.

Третий случай. Я проводил день в Физическом институте Академии Наук, собралась молодежь, с ней наладилась оживленная беседа, она затянулась, и решили ее проводить за обедом. Пошли в ближайший ресторанчик, их в Праге уйма. Не мог же я допустить, чтобы эти молодые парни за меня платили, я им в отцы гожусь. Конечно, я их угощал, хотя меня и разбирал страх, хватит ли у меня денег, так как мои скромные валютные ресурсы приходили к концу. Пришлось мне, не подавая вида, в уме рассчитывать, насколько широко я их могу угостить, заказать ли вино или ограничиться пивом. Я прежде много ездил за границу, тогда был молод и неизвестен, но никогда не чувствовал себя таким ничтожеством из-за наших ограничений валютного размена, как за эту поездку в Чехословакию.

То, что в таких условиях приходится путешествовать и налаживать культурные связи советским туристам, даже если они академики и известные ученые, привело к тому, что сейчас уже установилась практика возить с собой фотокамеры, часы, папиросы, коньяк и пр. и так по мере необходимости втихомолку реализовать их среди знакомых или раздавать в качестве чаевых. Часто ученые договариваются между собой и берут в долг у чеха, с тем чтобы отдать, когда тот приедет в Москву. Но все же это не способствует поддержанию нашего престижа и влияния в демократических республиках.

Но если вдуматься в то, что происходит, то положение еще гораздо серьезнее. Дело в том, что у чехов старая, хорошо развитая туристическая промышленность, приносившая им в прошлом большой доход. Ведь в такие курорты мирового значения как бывшие Карлсбад, Мариенбад и др. вложены громадные капиталы.

Сейчас, после войны, вся туристическая промышленность у чехов

действует на небольшую долю своей обычной нагрузки, и Чехословакия теряет на этом уйму денег. До революции одним из основных туристов в будущей Чехословакии были русские (еще Петр I ездил туда лечиться). Теперь, казалось, мы могли бы опять быть основными клиентами, но это не получается, и чехи сейчас стали опять ориентироваться главное на туристов из Америки и других капиталистических стран. Основная причина в том, что наладить какие-либо нормальные культурно-туристические связи с теми валютными ограничениями, которые сейчас установлены, нельзя. Хорошо известно, что только когда вообще нет ограничений в размене валюты, возможен широкий туризм. Как могут чехи считать советского туриста желанным клиентом, когда у него нет денег купить художественный сувенир, изделия ширпотреба (у чехов его избыток), дать на чай, заказать бутылку вина за обедом, ходить в концерты, в театры и пр. Испокон веков во время путешествия человек позволял себе несколько шире жить, чем он это делает у себя дома. Ведь основной доход туристической промышленности как раз и есть эти дополнительные траты, а не сами путевые расходы.

Мне думается, не следует нам уступать туризм в Чехословакии капиталистическим странам. Это приведет в будущем к печальным последствиям, которые не трудно предугадать. Следует расширить наш индивидуальный туризм в Чехословакии и первым делом снять нелепые валютные ограничения. Я беседовал, когда приехал из Чехословакии, на эту тему с министром торговли тов. Павловым, он разделял эту точку зрения, но до сих пор все остается по-старому, поэтому я и пишу Вам подробно.

Конечно, в этом письме я конкретно прошу Вас только об одном: попросить товарища Зверева, чтобы он сейчас разрешил, хотя бы в пределе моей зарплаты, не ограничивать мне размен валюты и соответственно был бы мне открыт счет в одном из банков Праги.

Ваш П. Капица.

P.S. Пользуюсь случаем поздравить Вас с Вашим 65-летием. Это мой возраст, и поэтому пожелания здоровья и благополучия я делаю с полным знанием дела. Я также делаю их с большой искренностью, так как глубоко симпатизирую Вашему неустанному стремлению, как у нас, так и всюду, снять напряжение в людских взаимоотношениях и этим дать возможность людям быть просто счастливыми, а не навязывать это счастье силой, как это у нас делалось другой раз. Последние годы сделали меня Вашим большим поклонником и доброжелателем. От всей души желаю Вам, дорогой Никита Сергеевич, здоровья, сил и счастья.

П. Капица.

ПО АГЕНТУРНЫМ ДАННЫМ

«Контрреволюционные листовки препровождаем...»

Секретарю ЦК ВКП(б)
товарищу Андрееву

Во время пребывания в Донбассе мне стало известно, что в одном из учебных заведений распространялись контрреволюционные листовки против стахановского движения.

Посылаю вам копии этих листовок, полученных в Донецком управлении НКВД.

Зав.металлургическим сектором Ильин.
Пром.отдел ЦК ВКП(б)

[На всем документе — размашистая роспись Ежова и его же рукой дата — 11.3.36 г.]

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Справка об обнаружении и раскрытии авторов к-р листовок антистахановского характера в Рубежанском районе

29 ноября сего года в здании Рубежанского Химико-технологического института и общежитии студентов данного института были обнаружены контрреволюционные листовки антистахановского характера, причем одна из них была вывешена на стен.газете в институте и вторая на дверях умывальной комнаты в общежитии. (Контрреволюционные листовки при этом препровождаем.)

Произведенным расследованием по выявлению авторов к-р листовки было установлено, что автором к-р листовки является студент первого курса данного института — Будов Анатолий Михайлович.

Одновременно установлено, что Будов, будучи к-р настроенным, организовал вокруг себя группу студентов, которые, собираясь вместе, на сборищах осуждали политику партии и Советской власти, говоря, что партия ведет страну к гибели, не по ленинскому пути, что в СССР социализм строится на лишениях рабочих, что стахановское движение есть форма эксплуатации рабочего класса и т. д. На основании вышеизложенного нами были арестованы:

1) Будов Анатолий Михайлович, сын инженера, до поступления в институт работал на шахтах Горловского и Енакиевского районов, бывший комсомолец.

2) Юркин Дмитрий Семенович, сын рабочего, студент 1-го курса, раньше работал на заводе в Енакиево.

3) Ковшов Леонид Никитович, сын инженера шахты 5—6 Рыковка Сталинского района, там же и работал до поступления в институт.

4) Филатов Иван, студент 1-го курса, бывший член партии, раньше работал на шахте Щербиновка Горловского района.

5) Аляблев Аркадий Матвеевич, 1914 года рождения, работал ранее в Тамбове на заводе «Красный боевик», ранее исключался из Саратовского института за антисоветскую деятельность и попытку отравить секретаря парт.организации.

6) Кикалов Петр Тимофеевич, сын рабочего-грузчика станции Нежено, на производстве не работал.

7) Шумаков Василий, сын колхозника, бывший комсомолец, до института работал в колхозе.

8) Плешаков Василий, социальное положение не установлено, бывший комсомолец, студент 1-го курса, до этого нигде не работал.

Будучи допрошенным, обвиняемый Будов сознался в том, что является автором к-р листовок, что черновики данных к-р листовок зачитывал обвиняемым Юркину и Ковшову, причем последний был с ним, когда он их начинал писать.

Обвиняемый Ковшов на допросе также признался в соучастии в составлении к-р листовок. Кроме того, обвиняемый Будов подтвердил, что вместе с другими обвиняемыми, систематически собираясь вместе, вели к-р разговоры, осуждали политику партии и Советской власти, приходя к выводу, что рабочий класс вследствие неправильности политики партии переживает тяжелые лишения, подвергается жесточайшей эксплуатации и т. д.— приходя тут же к выводу о необходимости борьбы с Советской властью. Остальные обвиняемые Юркин, Филатов, Шумаков, Плешаков, Кикалов и Аляблев в свою очередь сознались, что действительно они собирались вместе с Будовым, вели к-р разговоры, осуждали стахановское движение и т. д., но отрицают соучастие в выпуске к-р листовок.

Следствие по делу продолжаем в направлении выявления организованной к-р деятельности со стороны обвиняемых.

ВРИД.нач-к управления НКВД по Донецкой области *(Загорский)*

На Костях Пролетариата Социализма Не Построишь!

Стахановское движение

Что значит взять рекорд? Это значит напрячь до максимума свое физическое состояние. Это характерно в стахановском движении. Ведь зачем спорить, зачем это отвергать. Вы, студенты, сами недавние производственники, вам знаком этот «производственный энтузиазм». Пролетариат, желая обеспечить материально себя, старается не отставать в повышении своего заработка от бешено повышающихся цен на товары, он перекрывает рекорды, не щадя своих сил, лишь бы получить больше денег. И, представьте, умно придумано. За каждую лишнюю вырубанную тонну угля прогрессивка насчитывается вдвойне, втройне. Выдуманы всякие премии. Штрафов, правда, нет, но прогрессивка работает отлично и на плюс, и на минус. Если не выполнишь программы, не вложишься в лимиты — с тебя вычитают.

Глупо думать, что стахановский метод повысит зарплату. В основной массе нет, подавляющее большинство инженерно-технического персонала угольного Донбасса получает ниже средней ставки. В газетах вы обманываетесь, ведь те заработки — стахановские — заработки отдельных индивидуумов.

Ничего, работайте. Пусть вам плохо живется. Пусть ваши внуки будут жить плохо, зато правнукам достанется некоторое облегчение. За счет лишений сейчас ЦК и Сталин стараются построить социализм для будущего поколения.

Несчастные те, кто строит на своем горбу социализм, и счастливы лишь те, кто будет жить в социалистическом обществе.

Боритесь за повышение стипендий!

Стипендии мы получаем 93 рубля. Спрашивается, можно ли на них прожить? Нет. Столовая обходится значительно дороже. Первое блюдо — 25 коп., второе — 95 коп., хлеб — 30 коп., итого 1 руб. 50 коп. В месяц 4 руб. 50 коп. умножить на 30 равно 135 рублей. Так жить нельзя. Когда наши «мудрейшие», «гениальнейшие», «родимые» вожди поймут эту аксиому!?

Студенчество, боритесь за действительное улучшение жизни!

Используйте все средства, чтобы политика изменилась на путь действительного улучшения трудящихся!

Не допускайте, чтобы на костях пролетариата строили социализм! (...)

Материальное благосостояние рабочего класса

В советской прессе мы часто можем прочесть, что за последние 5—6 лет значительно улучшилось материальное благосостояние рабочей массы. Расписывают с пафосом, дают Сталину имена: «мудрейший», «любимейший», «гениальнейший», «родимый» и т. д. и т. п.

А верно ли, улучшилось ли материальное состояние рабочего класса? Так ли это? Представляю вам судить из написанного.

Я напомню вам рост цен на товары, производимые в Советском Союзе, приведу также рост зарплаты за последний год:

	цены в 1930 г.	в 1935 г.	повышение цены
хлеб белый 1 кг	6 копеек	1 р.50 коп.	2500 %
сахар 1 кг	60 коп.	4 р.60 коп.	800 %
ботинки 1 пара	25—30 руб.	100—120 руб.	400 %
пальто зимнее	60—70 руб.	250—300 руб.	400 %
зарплата	в 1930 г.	в 1935 г.	
забойщик	100—120 руб.	300—350 руб.	в среднем повышение на 300 %
гор.техник	200—250 руб.	600—650 руб.	
чернорабочий	35—40 руб.	110—120 руб.	

Студенчество, вы — культурная прослойка общества. Вы — передовая, политически разбирающаяся масса. Вы подойдете к этим статьям критически, впитая, взвесьте их правоту и откликнитесь, соответственно анализируя окружающую вас обстановку, вы должны синтезировать свой анализ, и синтез должен выразиться в созданной вами печати. Примечайте все отрицательное и пишите; только таким путем наши «головки» из ЦК и Сталин обратят внимание на пролетариат.

18 лет лишений должны вознаградиться новой политикой, направленной на действительное улучшение материального благосостояния трудящихся. Откликайтесь на мою газету. Настало время, когда студенчество должно индивидуальным и коллективными путями бороться за лучшую жизнь.

Российский Центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ), ф. 17, оп. 120, д. 272, л. 9—11, 12—13.

Публикацию подготовил
С. КУДРЯШОВ

Совершенно секретно
Секретарю ЦК ВКП(б)
товарищу Андрееву
8 января 1936 года.

УНКВД СССР по Западной области сообщает: в колхозе «Червонное Рожново», Вяземского района, нами ликвидирована к.-р. группа. Работа группы представляет интерес потому, что деятельность ее была направлена на сохранение колхозов, как формы, при максимальном развитии индивидуального хозяйства колхозников, с тем чтобы «в момент объявления войны обеспечить ведение индивидуального хозяйства».

Следствием и специальной комиссией установлено, что «колхоз «Червонное Рожново» существовал только формально, по существу же в области молочного и товарного животноводства, огородничества и пчеловодства преобладающим являлось индивидуальное хозяйство колхозников». «Сельскохозяйственный инвентарь, повозки и сбруя находятся в пользовании бывших владельцев, пополнение и ремонт их производится за счет средств колхоза. Лошади закреплены за бывшими владельцами, все постройки находятся на старых местах». (Из акта комиссии.)

За 5 лет существования колхоза обобществленное стадо выросло на 1 корову, 11 телят, 1 свинью и 19 овец (лошадей уменьшилось на 10 голов), в то время как индивидуальное хозяйство колхозников возросло на 8 коров, 19 телят и 59 свиней.

Обобществленных пчел в колхозе не имеется, а в индивидуальном пользовании колхозников находится 39 колод (в момент организации колхоза не было ни одной колоды).

Важно отметить, что все государственные обязательства колхоз выполнял аккуратно, но делалось это членами контрреволюционной группы с расчетом, чтобы районные организации и МТС не обращали внимания на внутреннюю жизнь колхоза, а следовательно, не мешали бы вести подрывную работу. Члены группы вели повстанческую агитацию и распространяли клеветнические слухи про руководителей партии и правительства.

По делу арестованы: 1. Шибалович Иван Савельевич, 1885 года рождения, кулак, б.агент охранной команды Петербургского охранного отделения. 2. Бодыль Кирей Матвеевич, 1896 года рождения, б.кулак, в 1932 году был осужден к 2 годам лишения свободы за саботаж. 3. Янович Егор Романович, 1905 года рождения, сын кулака. 4. Гусак Арсений Прокофьевич, 1903 года рождения, из зажиточных крестьян.

Все указанные лица — уроженцы Слуцкого района БССР. Следствие в ближайшие дни будет закончено.

Начальник секр.-полит. отдела ГУГБ:
Г. Молчанов.

РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 120, д. 272, л. 1-3.

ВОЗМОЖНОСТИ НЕ ПРЕДСТАВИЛОСЬ

Публикуемые документы рассказывают о попытке бывшего председателя российского Временного правительства А.Ф.Керенского получить разрешение на приезд в СССР. Благоприятное разрешение этого вопроса зависело от принятия и выполнения А. Ф. Керенским ряда политических условий, и об этом прямо указывалось в проекте документа, представленном работниками аппарата ЦК КПСС на рассмотрение Секретариата ЦК 13 августа 1968 года. По неизвестным причинам этот вопрос был снят с обсуждения, и приезд А.Ф.Керенского в СССР не состоялся. В 1970 году А.Ф.Керенский (род. в 1881 г.) скончался.

Запись беседы сотрудников Посольства СССР в Англии Кутузова Е.И. и Кузнецова И.А. со священником Русской православной патриархальной церкви в Лондоне, советским гражданином, постоянно проживающим в Англии, Беликовым А. П.
31 мая 1968 года

31 мая с.г. священник Беликов посетил Консульский отдел Посольства СССР в Лондоне и сообщил, что он только что имел интересную, с его точки зрения, беседу с бывшим премьер-министром Временного правительства России Александром Федоровичем Керенским.

Он сказал, что получил приглашение от Керенского посетить его через одну прихожанку церкви, русскую эмигрантку, на квартире которой остановился Керенский, недавно прибывший в Англию для лечения.

По словам Беликова, Керенский выглядит дряхлым стариком, хотя он сохранил ясность ума в таком преклонном возрасте. Однако его дни сочтены, так как есть подозрение на раковое заболевание.

Беликова несколько удивило то, что Керенский пригласил священника из патриархальной церкви, которую в Лондоне называют «советской церковью», а не из «церкви в изгнании» с центром в Нью-Йорке. Прихожанами последней церкви являются в основном антисоветские элементы, которые ведут злобную пропаганду не только против Советского Союза, но и против деятельности церквей от Московской патриархии. В то же время Беликов оценил, что Керенский пригласил его как служителя «законной» русской церкви.

Беседа между Керенским и Беликовым носила в основном религиозный характер, однако Керенский коснулся и некоторых вопросов, которые могут представлять интерес.

Керенский признал, что те события, которые произошли в октябре 1917 года, являются логическим завершением общественного развития России. Он нисколько не сожалеет, что произошло именно так, как было и к чему это привело спустя 50 лет. Он якобы всегда любил Россию, мысленно он всегда с ней и радуется успехам, которых добилась его бывшая Родина.

Керенский сказал Беликову, что он с большой охотой уехал бы сейчас в Советский Союз, если бы советские органы предоставили ему такую возможность. Он даже смог бы выступить перед небольшой аудиторией в СССР, если ему не откажут силы.

Спросили Беликова, согласился бы Керенский встретиться с кем-либо из сотрудников советского посольства.

Он ответил, что для Керенского, по мнению Беликова, это явилось бы удовольствием.

Е. Кутузов,
*И. Кузнецов**

* На документе имеется помета: «Разослать членам Политбюро ЦК КПСС и кандидатам в члены Политбюро ЦК КПСС. 16 июня 1968 года. А. Громыко».

Сов.секретно
ЦК КПСС

МИД СССР (т. Громыко) сообщает о том, что сотрудники посольства СССР в Англии имели беседу со священником Русской православной патриархальной церкви в Лондоне советским гражданином Беликовым А.П. В ходе беседы Беликов А.П. сообщил о своей встрече с А.Ф.Керенским, прибывшим в Англию для лечения (есть предположения, что он болен раком). По словам Беликова, А.Ф.Керенский заявил о своем желании уехать в Советский Союз, если бы советские органы предоставили ему такую возможность. В ходе беседы А.Ф.Керенский якобы заявил о том, что события, которые произошли в октябре 1917 года, являются логическим завершением общественного развития России. Он нисколько не сожалеет, что произошло именно так, как было и к чему это привело спустя 50 лет.

Отделы ЦК КПСС полагали бы целесообразным, не предрешая вопроса о возможности приезда А. Ф. Керенского в СССР, поручить заведующему пресс-центром советской торгово-промышленной выставки в Лондоне, секретарю парткома АПН т. Кузнецову Г. А. неофициально встретиться с А. Ф. Керенским для уточнения его намерений. Проект поручения прилагается.

Просим согласия.

Заведующий Отделом
пропаганды ЦК КПСС
(В. Степаков)

Зам.заведующего
Международным отделом
ЦК КПСС
(А.Беляков)

26 июля 1968 года.

На документе имеется помета: «В архив. Т.т. Степакову и Белякову соответствующие указания даны на заседании Секретариата ЦК 13 августа 1968 г. (снять с обсуждения) 14.VIII 68 г. К.Боголюбов». (Примеч.: К. М. Боголюбов с 1965 г.— заместитель, с июня 1968 — первый заместитель заведующего Общим отделом ЦК КПСС.)

Сов.секретно

Проект

ПОРУЧЕНИЕ

В связи с информацией т. А. Громыко о пожелании А. Ф. Керенского приехать в Советский Союз поручить:

1. Встретиться с А. Ф. Керенским в неофициальной обстановке.

2. Получить от него подтверждение о желании приезда в Советский Союз.

Уточнить: желает ли он приехать в СССР в качестве гостя Комитета по культурным связям с соотечественниками за рубежом, Агенства печати «Новости» или туриста, и на какой срок; выяснить его финансовое положение.

3. Получить его заявление:

— о признании закономерности социалистической революции;

— правильности политики правительства СССР;

— признании успехов советского народа, достигнутых за 50 лет существования Советского государства.

4. Предложить сделать предварительное заявление (перед микрофоном с одновременной передачей подписанного им текста) о своем желании приехать в СССР.

5. В случае желания приехать в СССР в качестве гостя Комитета по культурным связям с соотечественниками за рубежом или Агенства печати «Новости», или туриста предложить подать в совпосольство соответствующее мотивированное заявление.

6. Договориться о его возможном выступлении в СССР перед представителями научной общественности и прессы.

7. Провести зондаж о его выступлении через АПН, радио, органы Комитета по культурным связям с соотечественниками за рубежом с книгой, брошюрой, статьями для зарубежной аудитории, в том числе для русской эмиграции.

Примечание: 1. Характер переговоров и детали встречи предварительно обсудить в совпосольстве.

2. О результатах встречи телеграфно информировать центр.

3. Поручение и результаты его ни в коем случае не разглашать.

А. Беляков

ЦХСД, ф. 4, оп. 20, д. 1126, л. 10-13.

Публикацию подготовил
Е. УЛЬКО

СПОР СЛАВЯН МЕЖДУ СОБОЮ

На очередном витке истории славянские народы опять оказались в фокусе внимания всего мира. 1991 год неожиданно для многих разложил на первичные элементы единое восточнославянское пространство, существовавшее с 1654 года. Тогда же рассыпался союз южных. славян: ныне прямо-таки издевательски звучит первоначальное название югославского государства — Королевство сербов, хорватов и словенцев (СХС). На наших глазах из небытия воскресают вечные проблемы, волновавшие наших предков в XV, XVI, XVII веках. Достаточно сказать, что впервые с XVI века Россия и Польша не имеют общей границы. Для того чтобы не потеряться в хаосе взаимных претензий и «исторических оправданий», мы открываем новую рубрику «Спор славян между собою». Мы собираемся свежим взглядом охватить вековые узлы разногласий между Россией и ее славянскими соседями, проследить, имеют ли под собой реальную историческую базу старые и новые стереотипы общественного сознания.

Начнем с самого острого — соперничества между Россией и Польшей. Труды историков с обеих сторон буквально пестрят выражениями типа «оккупанты», «захватчики», а то и «геноцид», причем делается это в отношении событий XVIII, XVI, а то и XI столетия (в 1069 году польский король Болеслав II Смелый помог усмирить волнения в Киеве). В летописи извечного противоборства России и Польши есть множество неизвестных, неожиданных, а то и фальсифицированных страниц. Взять хотя бы заветы товарища Сталина на предмет того, как надлежит бить поляков (см. материалы по советско-польской войне в разделе «Источник»), или интервью известного польского коммуниста Якуба Бермана о происхождении послевоенных границ, взятое нами из журнала «Проблемы Восточной Европы».

Можете бить поляков...

1920 год. Советско-польская война. Невольно всплывает в памяти разухабистая классическая песнь: «Помнят польские паны, помнят псы-атаманы...». Мало кто задумывается над тем, что привычные уху фразы «панская Польша», «белополяки» — настоящий шедевр большевистского абсурдизма (в польском языке «pan» всего лишь вежливая форма обращения, калька нашего «Вы»; а почему не «белоготтентоты» или «бело-мумба-юмба», чем в таком случае лучше «бело-русы» — это деникинцы, колчаковцы или бойцы помещика Минской губернии Н. Н. Юденича?). В последнее время встрепенулась и другая сторона: до небес восхваляются нетленные подвиги польского оружия под водительством «начальника государства» Юзефа Пилсудского. Борьба с большевизмом и с русской угрозой заслоняет все остальные «мелочи». Публикуемые ниже документы французской военной разведки высвечивают любопытные детали поведения в конфликте как воюющих сторон, так и прочих заинтересованных стран. Хаос и неустроенность послеверсальской Восточной Европы удивительно созвучны нашему времени. Даже всезнающая французская разведка весьма смутно представляет себе многие вещи. Почти анекдотично звучат претензии к большевикам по поводу «выселения литовцев из Вильно» (их там до 1939 года проживало всего несколько процентов) или известие об угрозе расстрела графа Тышкевича, «литовца по национальности».

1. ОФИЦИАЛЬНАЯ ШИФРОТЕЛЕГРАММА НАЧАЛЬНИКА ФРАНЦУЗСКОЙ ВОЕННОЙ МИССИИ В ПОЛЬШЕ ГЕНЕРАЛА АНРИ ВОЕННОМУ МИНИСТРУ ФРАНЦИИ МАРШАЛУ ФОШУ

№ 640-ЕМ 16 апреля 1920

1. Я только что имел важную беседу с начальником государства, о которой считаю своим долгом немедленно сообщить.

В связи с позицией Советского правительства в вопросе мирных переговоров и концентрацией большевистских сил, начальник государства считает, что настал момент, когда необходимо принять решение, но он не считает себя абсолютно свободным. Он должен знать т. зр. Франции и Антанты по проблемам Востока; тогда он сможет действовать в своих рамках, принимая ответственность за их выполнение теми средствами, которыми он располагает.

Это может привести к продолжению сражений. Военные и политические проблемы здесь настолько связаны, что их нельзя разделить, и любое продвижение повлечет за собой политические последствия, которые необходимо предусмотреть и учесть.

2. После углубленного изучения с военной т. зр. всех действующих подразделений и имеющихся сил Генералиссимус убедился в превосходстве своей армии над большевистской и поэтому уверен в победе.

Им предусмотрены все возможности в отношении зон и объектов вероятных наступательных операций.

Он остановился на следующих 4 гипотезах:

а) Наступление, начинающееся с Березины:

Легкое продвижение без серьезных военных результатов из-за слабости вражеских контингентов, находящихся к настоящему времени с этой стороны. При достижении Днепра будет создан наилучший оборонительный фронт, но с более протяженными коммуникациями. Операция не приведет ни к каким осложнениям как с т.зр. общей политики, так и местной, поскольку население аналогично тому, которое проживает по обе стороны Березины.

б) Наступление в Полесье:

Одержанная военная победа будет более значительной в связи с концентрацией большевистских сил в этом районе. Впрочем преимущества и неудобства будут того же порядка, что и указанные в предыдущей гипотезе.

в) Наступление, начинающееся с Двины:

Военный успех мог бы быть, естественно, материально более важным. Но значительная протяженность коммуникаций в районе создает ненадежность.

С другой стороны, политические последствия были бы значительными и смогли бы привести к осложнениям, особенно с Англией, которая, без сомнения, будет опасаться, что военные действия поляков затем распространятся и на Литву, Латвию, Эстонию, Финляндию.

г) Наступление на юге Припяти:

Военный успех был бы там самым большим из-за продолжающейся сильной концентрации большевистских войск в этом районе.

Если польские войска продвинутся до Днепра, для сдерживания этого нового фронта понадобится 8 дивизий вместо 6 на сегодняшнем фронте, хотя правый фланг не может рассматриваться как опасный из-за анархии на Украине. Но это наступление повлечет необходимость принятия важных политических решений.

Не продвигаясь до Днепра, можно надеяться на полный военный успех, т. к. может быть достигнуто уничтожение поверженного врага благодаря антибольшевистскому восстанию на Украине, которое обязательно произойдет в этом случае.

Но каким бы ни было глубоким продвижение, тем не менее остаются политические проблемы общего порядка, решение которых должно быть предусмотрено до начала самих операций.

3. В любом случае, начальник государства считает, что имеет все шансы драться с врагом, где он этого пожелает: либо наступая на одном из 4 указанных выше фронтов, либо атакуя одновременно на фронтах Двина — Березина или Полесье — юг Припяти, но с различными результатами и последствиями в зависимости от выбранного для наступления района.

Т. зр. Франции и Антанты в государственных вопросах — наиболее важный элемент в определении выбора, и он (Пилсудский.— *Ред.*) ждет его.

Что касается наступления большевистских армий, то предусмотренные меры против этого и современное состояние польской армии позволяют ему утверждать, что фронт, несмотря на свою протяженность, не может быть прорван и что если и будут на короткое время навязаны отдельные отступления, то весь фронт выдержит.

4. Я ознакомил с этой беседой французского представителя, который в тот же день имел с начальником государства беседу, во время которой тот специально остановился на политических соображениях.

5. Мнение начальника государства о моральной и материальной ценности польской и большевистской армий соответствует тем информациям об операциях и о ситуации, которые я давал в различных отчетах.

Возможности, предусмотренные начальником государства, не кажутся мне преувеличенными в изложенном положении двух армий, но в случае, если активные операции будут продолжительными, могут возникнуть трудности по обеспечению содержания польской армии. Самые ближайшие опасные нехватки будут в обеспечении обувью, одеждой и боеприпасами для пехоты.

Анри

ЦГОА, ф. 198, оп. 9, д. 18257, л. 79—81.

2. СЕКРЕТНО **Варшава, 30 июля 1920 г.**

ОФИЦИАЛЬНАЯ ШИФРОВАННАЯ ТЕЛЕГРАММА, № 1725/ЕМ

Генерал Анри, начальник военной миссии в Польше — в военное министерство — 2 бюро — маршалу Фошу (Париж). Направляю вам перехваченную большевистскую телеграмму:

Комиссару штаба 12 армии
Тов. Крауклису
Расшифровать лично

Нам удалось уладить дело таким образом, что условия перемирия будут переданы нами полякам только 4 августа, а не 30 июля, то есть вы будете иметь в своем распоряжении еще 4 дня.

Кроме того, до момента получения категорического приказания фронтового штаба вы сможете бить поляков, не принимая во внимание дату. Я даю вам эти указания совершенно официально.

Член Ревсовета Юго-Западного фронта
Сталин

Центральный Государственный особый архив (ЦГОА), ф. 198, оп. 9а, д. 10594, л. 76.

Публикация
С. ПОПОВОЙ

3. СЕКРЕТНО

Варшава, 3 августа 1920 г.

ОФИЦИАЛЬНАЯ ШИФРОВАННАЯ ТЕЛЕГРАММА № 1248/2R

Генерал Анри, начальник французской военной миссии в Польше — в военное министерство маршалу Фошу (Париж)

В каком духе большевики продолжают переговоры, свидетельствуют следующие факты, которые позволяют считать, что их правительство не может рассматриваться принадлежащим цивилизованному миру и не может вызывать никакого доверия:

1) В своем ответе 24 июля на просьбу поляков о перемирии большевистское командование указывает дату 30 июля для встречи полномочных представителей, добавляя, что дата была запрошена самими поляками. Это было признано ложным. Большевики добились таким образом первой отсрочки.

2) 28 июля командование Юго-Западного большевистского фронта информирует по радио командование 12 армии, что приняты все меры, чтобы задержать до 4 августа передачу условий перемирия.

3) Большевистская делегация прибывает в Барановичи только 2 августа.

4) По радио 2 августа польский представитель Врублевский информирует свое правительство о препятствиях, которые ставят большевики продолжению переговоров: большевики хотят вести переговоры одновременно о перемирии и о мире, они предлагают начать переговоры в Минске 4 августа. Польская делегация должна возвратиться в Варшаву, чтобы получить более широкие полномочия.

5) По радио 3 августа комиссар Чичерин заверяет министра иностранных дел Польши о нежелании чинить препятствия в переписке польской делегации со своим правительством. Таким образом, можно заключить, что жалобы польской делегации по этому поводу имели под собой основания.

6) Исполняя соглашения с Литвой, большевики показали такую же недобросовестность:

а) Они выселили литовцев из Вильно.

б) Они размещают службу пропаганды в этом городе и благоприятствуют интригам местных советов по присоединению к Советской России.

в) Они угрожают расстрелять графа Тышкевича, литовца по национальности, чтобы добиться от литовского правительства поставки поезда с продовольствием.

г) Они пытаются скомпрометировать литовское правительство перед Антантой объявлением связи литовской армии с Красной армией.

ЦГОА, ф. 198, оп. 9а, д. 10594, л. 88-89.

4. СЕКРЕТНАЯ ШИФРОТЕЛЕГРАММА ФРАНЦУЗСКОГО ПОСОЛЬСТВА В ЧЕХОСЛОВАКИИ В МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ФРАНЦИИ

№№ 232—238 Прага, 23 августа 1920

Г. Бенеш* вернулся 22 августа из своей поездки в Белград и Бухарест. Генерал Пелле** сразу же после его приезда имел с ним беседу, о которой он мне дал следующий отчет: «Министр очень быстро переходит к соглашению, заключенному в Белграде, ссылаясь на переданный текст договора. Все было легко. Согласие по всем пунктам. Военные представители С. Х. С.*** прибудут в Прагу в конце этой недели, чтобы установить со мной сроки военной конвенции. В Бухаресте почва менее подготовленная. Нужно было убедить сначала г. Таке Ионеску, затем генерала Авереску, Короля. В итоге согласие было полное. Но Бенеш настаивал на секретном характере сообщения, которое он мне сделает. Генерал Авереску предпочитает быть очень осторожным. Общественное мнение Румынии еще не подготовлено к тому, чтобы принять прямой альянс, в котором югославы оказываются объединенными. По этой причине не время подписывать соглашение. Два министра просто зафиксировали меморандум по пунктам, по которым они договорились. Они опубликуют во вторник общую декларацию. Г. Бенеш не хотел бы быть обвиненным в неделикатности. Я сообщу ниже некоторые пункты, по которым он просит наше правительство хранить полное молчание, даже по отношению к румынам.

Две страны договариваются соблюдать в нынешней войне между Польшей и Россией одну и ту же позицию. Это позиция нейтралитета. В случае, если они будут атакованы, каждая страна решила защищать свои границы. Я спросил, договорились ли они при такой возможности о взаимной военной поддержке. Бенеш ответил отрицательно. Напротив, два государства обязались взаимно поддержать друг друга оружием в случае, если одно из них будет атаковано Венгрией. Идентичные обязательства приняты с югославами.

Следует рассматривать как особенно секретные следующие пункты, касающиеся Польши:

Перед своим наступлением на Киев польское правительство предложило Румынии союз в разделе Южной России. Румыны должны были получить Одессу. Поляки не указали, какую границу они зафиксировали для себя на Востоке. В ответ на этот вопрос они указали границу 1772 г., впрочем без твердых обязательств. Румынское правительство отклонило предложение.

В момент большевистского наступления польское правительство предложило тройственный союз Румынии, Венгрии, Польши, что румыны также отклонили.

Генерал Авереску и г. Бенеш согласились принять по отношению к Польше общую политику. Они считают, что Польша должна быть независимой, желают, чтобы она присоединилась к группировке, но они не хотят быть вовлеченными в политику польского правительства, страдающего манией величия, которому они мало доверяют. Они поддержат Польшу, только если она останется в своих этнических границах. Генерал Авереску настаивал, чтобы Восточная Галиция была в пределах своих границ. Бенеш ответил ему, что по этой позиции он не может иметь другой т. зр., чем та, которую имел до этого и которую сообщил Падеревскому: чехословацкое правительство остается нейтральным по этому вопросу.

Два министра также договорились об общей политике по отношению к Австрии. Австрия должна быть поддержана экономически.

Наконец, относительно общих границ двух государств в Прикарпатской Украине было заключено соглашение, детали которого будут зафиксированы специальной комиссией...

На банкете, который последовал после переговоров, Король в своем тосте упомянул Францию, представленную маршалом Жоффром, и Чехословакию. Бенеш сказал мне, что был очень поражен огромным влиянием Франции в Бухаресте как в правительственных кругах, так и среди населения, которое горячо встречало маршала».

Куже.

ЦГОА, ф. 198, оп. 11, д. 95, л. 233—239.

* Эдуард Бенеш — министр иностранных дел Чехословакии.
** Ген. Пелле — начальник французской военной миссии.
*** С. Х. С.— Королевство сербов, хорватов и словенцев.

ВЫСТРЕЛ В НЕЙТРАЛЬНОЙ ЗОНЕ

Новые документальные свидетельства о гибели Якова Джугашвили

ДОПРОС
штурмбанфюрера СС, коменданта концлагеря «Заксенхаузен» Антона Кайндля
24 марта 1947 г.

КАИНДЛЬ Антон, 1902 г. рождения, уроженец г. Мюнхена, немец, германский подданный, член германской фашистской партии с 1937 г., штурмбанфюрер СС, комендант концлагеря «Заксенхаузен».

Переводчик мл. лейтенант Тартышев об ответственности за ложный перевод по ст. 95 УК РСФСР предупрежден (подпись).

ВОПРОС: В какие годы вы работали комендантом концлагеря «Заксенхаузен»?

ОТВЕТ: Комендантом концлагеря «Заксенхаузен» я работал с августа 1942 года по день его ликвидации, т. е. по апрель 1945 г.

ВОПРОС: Знаете ли вы содержавшегося в «Заксенхаузене» лейтенанта Советской Армии КОКОРИНА?

ОТВЕТ: Да, КОКОРИНА я знал.

ВОПРОС: Опишите его приметы?

ОТВЕТ: КОКОРИН — примерно 20 лет, среднего роста, плотного телосложения, круглолицый, с низким лбом, с темными волосами (причесывал их назад), глаза черные, слабо владел немецким языком.

ВОПРОС: Когда и при каких обстоятельствах КОКОРИН был доставлен в «Заксенхаузен»?

ОТВЕТ: В «Заксенхаузен» КОКОРИН был доставлен в октябре или ноябре 1942 года на легковой автомашине, в сопровождении начальника одного из отделов главного управления имперской криминальной полиции д-ра ШУЛЬЦА.

Д-р ШУЛЬЦ передал мне предписание начальника главного управления государственной безопасности о помещении КОКОРИНА в тюрьму лагеря и на словах ШУЛЬЦ сказал, чтобы я создал для КОКОРИНА хорошие условия содержания.

ВОПРОС: Откуда прибыл КОКОРИН к вам в лагерь?

ОТВЕТ: ШУЛЬЦ привез КОКОРИНА из Берлина, но где он до этого содержался, я не знаю.

ВОПРОС: Можете ли вы воспроизвести содержание полученного вами предписания о КОКОРИНЕ?

ОТВЕТ: На предписании было помечено: «Тайное имперское дело». Содержание его гласило: «Лейтенант КОКОРИН (далее указывались год рождения и другие установочные данные) по приказу рейхсфюрера СС подлежит помещению в тюрьму концлагеря «Заксенхаузен», а после отстройки отделения лагеря «А» должен быть переведен из тюрьмы в один из бараков этого отделения. Далее указывалось, что поскольку КОКОРИН является племянником русского министра Молотова, его надо хорошо устроить в лагере, выдавать эсэсовское питание, сигареты, разрешить читать книги и два раза в день прогулки.

ВОПРОС: На всех ли заключенных вы получали дела с грифом «Тайное имперское дело»?

ОТВЕТ: Нет. В концлагерь «Заксенхаузен» заключенных передавали по спискам с предписанием об их аресте, или просто по счету. КОКОРИН же был доставлен в лагерь с отметкой особой секретности в его деле.

ВОПРОС: В какую же камеру тюрьмы вы поместили КОКОРИНА?

ОТВЕТ: По расположению тюрьмы я полагаю, что он содержался в 15—20 камере. В камере имелись кровать с матрацем, шкаф, стол и стул.

ВОПРОС: Вы лично посещали КОКОРИНА в камере?

ОТВЕТ: Да, посещал 2—4 раза каждый месяц.

ВОПРОС: В других условиях вы с КОКОРИНЫМ встречались?

ОТВЕТ: Нет, не встречался, если не считать, что после перевода КОКОРИНА из тюрьмы в лагерь «А» я продолжал посещать его в бараке № 1. При первой встрече я спросил КОКОРИНА — верно ли, что он племянник Молотова, на что он дал уклончивый ответ, и я больше к этой теме не возвращался. В других случаях я интересовался настроением и условиями его содержания в «Заксенхаузене», на что КОКОРИН всегда отвечал сдержанно и не высказывал каких-либо претензий. Мои встречи с КОКОРИНЫМ были коротки.

ВОПРОС: Что вам известно об отношении КОКОРИНА с германскими разведывательными и контрразведывательными органами?

ОТВЕТ: Об этом я ничего не знаю.

ВОПРОС: А какие специальные поручения лагерной администрации выполнял КОКОРИН в «Заксенхаузене»?

ОТВЕТ: Мне об этом тоже ничего не известно.

ВОПРОС: Вы вели за КОКОРИНЫМ агентурное наблюдение?

ОТВЕТ: Насколько мне известно, нет. Агентурную работу вел первый начальник лагеря ГЕН, но он, поскольку КОКОРИН содержался в особых условиях, с ним общения не имел. В тюрьме лагеря КОКОРИНА содержали в одиночке, а в зоне «А» он имел отдельную комнату.

ВОПРОС: Когда КОКОРИН был переведен из тюрьмы в лагерь «А»?

ОТВЕТ: В марте 1943 года, т. е. непосредственно после отстройки зоны «А».

ВОПРОС: Что из себя представляет зона «А»?

ОТВЕТ: Территория зоны «А» прилегает непосредственно к «Заксенхаузену», но была обособлена от центрального лагеря. Там имелось три барака для заключенных с 8 комнатами в каждом, и один барак для охраны. В зоне лагеря «А» помещались особо важные лица из числа военнопленных союзных армий.

В каждой комнате помещалось по одному или по два человека. Насколько я помню, КОКОРИН помещался в бараке № 1 и имел отдельную комнату.

ВОПРОС: Перечислите всех лиц, кто помещался в бараке № 1?

ОТВЕТ: Три комнаты барака № 1 занимали пять английских военнопленных, одну — два советских подполковника (фамилии их не помню), одну комнату — советский генерал Бессонов, по одной — КОКОРИН и ДЖУГАШВИЛИ. В восьмой комнате помещался ординарец советских офицеров (фамилии его не знаю).

ВОПРОС: Каков был режим содержания заключенных барака № 1?

ОТВЕТ: С шести часов утра и до десяти часов вечера все заключенные могли

свободно посещать друг друга в комнатах, а с 8 утра и до наступления темноты разрешалось гулять по территории расположения лагеря «А».

ВОПРОС: Имели ли место конфликты между заключенными барака № 1?

ОТВЕТ: Мне такие случаи не известны. Правда, среди англичан был один неуживчивый человек, но он помещался в отдельной комнате от своих товарищей и старался меньше с ними общаться.

ВОПРОС: Посещал ли кто-либо КОКОРИНА из Берлина во время его содержания в лагере «А»?

ОТВЕТ: Мне такие случаи не известны. В лагерь «А» иногда выезжали работники имперской безопасности, но они встречались только с генералом БЕССОНОВЫМ, который писал для них какую-то работу.

Из работников лагеря «Заксенхаузен» зону «А» посещал лично я, как комендант лагеря. Другие сотрудники лагеря, за исключением дежурных, туда вхожи не были.

ВОПРОС: КОКОРИН отлучался куда-либо из лагеря в Берлин или другие места с ведома вашего вышестоящего начальства?

ОТВЕТ: Нет. За все время пребывания КОКОРИНА в «Заксенхаузене» он никуда с территории лагеря не отлучался.

ВОПРОС: В каких отношениях находился КОКОРИН с заключенными барака № 1, и в частности с БЕССОНОВЫМ.

ОТВЕТ: КОКОРИН часто посещал советских подполковников, и они в свою очередь часто бывали у КОКОРИНА. БЕССОНОВ же был человеком необщительным, всегда я его заставал в комнате за работой, в то время как другие заключенные находились во дворе на прогулке. Заключенный ДЖУГАШВИЛИ тоже ни с кем не общался и гулял во дворе всегда один.

По специальному указанию главного управления имперской безопасности я зимой 1942—43 гг. объявил КОКОРИНУ и ДЖУГАШВИЛИ, что им разрешается входить друг к другу, но ДЖУГАШВИЛИ не пожелал воспользоваться этим разрешением и визитов КОКОРИНУ не делал. Они встречались друг с другом только на прогулке. О душевной близости КОКОРИНА и ДЖУГАШВИЛИ в лагере «А» я не знал. Ни от кого из заключенных барака № 1 лагеря «А» я не имел заявлений о каких-либо серьезных трениях между ними.

При посещении мною барака № 1 БЕССОНОВ всегда говорил, что он единственный заключенный, который честно трудится для немцев (он писал антисоветские брошюры), а остальные русские только едят хлеб и ничего не делают.

ВОПРОС: А какое было отношение англичан к советским военнопленным?

ОТВЕТ: Из англичан никто не знал русского языка, и лишь один из них знал несколько немецких слов. По этим причинам английские и русские заключенные барака № 1 общались мало. Мне не поступало ни одного заявления о каких-либо скандалах или распрях между ними.

ВОПРОС: Что вам рассказывал о себе КОКОРИН?

ОТВЕТ: КОКОРИНА я не допрашивал, т. к. это не входило в мои служебные функции. Из разговора с ним я мало что понимал, ибо КОКОРИН очень слабо владел немецким языком. Приходить же с переводчиком в зону «А» я не имел права, т. к. для этого надо было иметь разрешение имперского управления безопасности.

На мой вопрос: верно ли, что он племянник Молотова, КОКОРИН ответил уклончиво, сказав, что он действительно его дальний родственник по матери. Далее от КОКОРИНА я узнал, что отец его умер, а мать проживает в Советском Союзе. В плен он попал с обмороженными конечностями, и ему в немецком госпитале сделали операцию ног, после чего направили в лагерь. Других сведений о себе мне КОКОРИН не сообщал.

ВОПРОС: Каковы были политические настроения КОКОРИНА во время пребывания его в лагере «А»?

ОТВЕТ: Политические настроения КОКОРИНА в тот период мне не известны.

ВОПРОС: Долго ли содержался КОКОРИН в зоне «А» лагеря «Заксенхаузен»?

ОТВЕТ: До конца сентября 1943 года.

ВОПРОС: А затем?

ОТВЕТ: По просьбе самого КОКОРИНА я его перевел в тюрьму лагеря, в камеру 45—50, где он находился до середины марта 1945 года, а затем переведен в лагерь «Флоссенбург».

ВОПРОС: Почему КОКОРИН настаивал на переводе его из зоны «А» в тюрьму?

ОТВЕТ: Это осталось для меня загадкой. Я могу показать лишь об обстоятельствах, при которых все произошло.

ВОПРОС: Говорите!

ОТВЕТ: В первой половине сентября 1943 года заключенный ДЖУГАШВИЛИ, вместо того, чтобы с наступлением темноты пойти со двора в барак, остался на площадке зоны «А». На требование часовых: зайти в барак, заключенный ДЖУГАШВИЛИ ответил тем, что направился к проволоке, через которую был пропущен ток высокого напряжения, и вступил в нейтральную зону. Часовой выстрелом в голову убил наповал заключенного ДЖУГАШВИЛИ.

После этого случая КОКОРИН настойчиво требовал перевести его из зоны «А» в тюрьму, но никаких причин своей просьбы не выставлял. Расследование случая с заключенным ДЖУГАШВИЛИ вел главный правительственный и криминальный советник д-р ШУЛЬЦ и криминальный комиссар ШТРУХ. Результаты расследования мне не известны, знаю лишь, что часового, который стрелял в ДЖУГАШВИЛИ, из лагеря убрали и направили на фронт.

Доложив ШУЛЬЦУ просьбу КОКОРИНА о переводе его в тюрьму, я получил на это санкцию и поместил КОКОРИНА в камеру.

ВОПРОС: Известно ли вам, где находился КОКОРИН, когда заключенный ДЖУГАШВИЛИ бросился на проволоку?

ОТВЕТ: Он был в своей комнате и не мог видеть все, что произошло у проволоки, ибо окна комнат всего барака № 1 выходят в противоположную сторону от места происшествия.

ВОПРОС: Точно ли вы помните, что ДЖУГАШВИЛИ, не заходя в барак, бросился на проволоку?

ОТВЕТ: Да, мне так докладывали, что ДЖУГАШВИЛИ, несмотря на то, что время прогулки закончилось, не зашел в барак, а затем пошел в нейтральную зону.

ВОПРОС: Чем КОКОРИН занимался в тюрьме?

ОТВЕТ: КОКОРИН все время сидел в одиночной камере, ему было сохранено эсэсовское питание и разрешена прогулка два раза в день. До середины 1944 года он ничего в камере не делал, а затем обратился ко мне с просьбой — дать ему какую-либо работу. Получив санкцию главного управления имперской безопасности, я дал КОКОРИНУ в камеру работу по сбору пулеметных лент.

ВОПРОС: Что вы еще знаете о КОКОРИНЕ?

ОТВЕТ: Я показал о КОКОРИНЕ все, что знал. Дополнить свои показания ничем не могу.

Протокол зачитан мне на родном немецком языке, все записано с моих слов правильно (КАЙНДЛЬ)

Помощник начальника следственной части по ОВД МГБ СССР

подполковник *Сорокин*

ЦОА$_2$ МБРФ, д. 20086, TS. л. 163—170.

От редакции. *К судьбе В. Кокорина, выдававшего себя за племянника В. М. Молотова, мы вернемся в последующих номерах.*

ПРИЛОЖЕНИЕ К РАЗВЕДСВОДКЕ № 15

ДОПРОС

пленного русского старшего лейтенанта Якова Иосифовича Джугашвили из 14-го гаубичного артилерийского полка

Хотя у пленного не было найдено никаких документов, однако, Джугашвили признает, что является старшим сыном председателя Совнаркома СССР Иосифа Сталина-Джугашвили, о чем подписал прилагаемое заявление в двух экземплярах. Д. сразу же признал предъявленную ему юношескую фотографию своего отца. Д. имеет знания по английскому, немецкому и французскому языкам и производит впечатление вполне интеллигентного человека.

Он родился 18.03.1908 года в Баку, являясь старшим сыном Сталина от первого брака с Екатериной Сванидзе. От второго брака — с Аллилуевой у Сталина имеются двадцатилетний сын Василий и дочь Светлана. Предположение, что Сталин в настоящее время находится в третьем браке с Каганович, расценено Д. как небылица. Вначале Д. готовил себя в качестве инженера-строителя и окончил в Москве Высшую техническую школу. Позднее решил он встать на стезю офицера, посещал Артиллерийскую Академию в Москве, которую окончил за два с половиной года, вместо пяти. Он попал в действующую армию 2 июня 1941 года в качестве старшего лейтенанта и командира батареи 14-го гаубичного артиллерийского полка в составе 14 танковой дивизии. Согласно его заявлению он разговаривал со своим отцом 16 или 17 июня. Перед своим отъездом на фронт он смог попрощаться со Сталиным лишь по телефону.

В процессе разговора Д. сообщил:

а) Русские находятся под сильным впечатлением от быстроты, точности и организованности немецкого вермахта; высокий и особенно неослабевающий эффект по-прежнему оставляет немецкая авиация, которая понимала необходимость жестоко и уничтожающе встречать войска еще на подходе. Благодаря этой деятельности немецкой авиации Д. казалось, что марш по тыловым дорогам являлся более опасным, чем непосредственная борьба с противником на передней линии. Точность огня ударной артиллерии не всегда достаточна. На другой стадии допроса Д. заявил, что точность огня штурмовых орудий исключительно плохая, так, например, на одной из позиций из шести выпущенных снарядов ни один не попал в цель.

Однако моральное воздействие артиллерийского наступления почти невероятно.

Немецкая артиллерия не всегда находится на высоте, особенно при переносе огня в горизонтальном направлении. Точность минометного огня, напротив, более высокая. Очень похвально высказывается Д. о немецких танках и их тактическом применении.

б) Д. осуждает высшее руководство Красной Армии. Командиры в звене бригада-дивизия-корпус не в состоянии справиться с оперативными задачами. Это особенно касается вопросов взаимодействия различных родов войск. Д. признает, что уничтожение командного состава в связи с делом Тухачевского сказывается в настоящее время очень сильно. Высокие штабы при немецких атаках теряют во многих случаях связь с войсками и между собой. В результате этого среди солдат возникает паника, они остаются без руководства, бегут. Офицеры и политработники вынуждены останавливать бегущих с помощью оружия. Д. лично пытался прорваться с группой подрывников, однако солдаты побросали оружие, гражданское население не хотело терпеть возле себя красноармейцев в форме, и он вынужден был сдаться.

Среди трех маршалов Советского Союза — Тимошенко, Ворошилов и Буденный, первого считает как более одаренного. У Красной Армии нет карт. Так, например, Д., а также и другие командиры батарей, во всех боях вынуждены были управлять огнем без картографического материала.

О имеющихся резервах и подтягивании сибирских дивизий Д. не смог сказать более точно. Но во всех случаях ему известно, что уже накануне начала войны находились в пути из Сибири в европейскую часть России различные войсковые части.

На вопросы о русском танковом оружии Д. показал следующее:

Красная Армия переняла опыт немецкого оружия во Франции. Реорганизация русских танковых соединений по немецкому образцу почти завершена. Неудачи русского танкового оружия следует отнести не к недостаточности материала или несовершенству оружия, а неумению и отсутствию опыта у руководства маневрировать.

«Немецкие танки, напротив, работают как часы!» Д. полагает, что американцы даже сегодня еще не поняли ударную силу сплоченных немецких танковых соединений, в то время как англичане постепенно к этому приходят. В качестве примера Д. сообщает об исключительно благоприятном боевом положении русских 6 или 7.7.41 года на северном участке под Витебском. В результате неправильного тактического развертывания всей русской артиллерии на боевом участке, следствием чего оказалась невозможной артиллерийская поддержка, а также благодаря налету немецкой авиации на самоходную артиллерию, в короткое время все преимущество положения превратилось в свою противоположность.

в) Д. убежден, что русское руководство будет защищать Москву. Если придется сдать Москву, это никоим образом не означает окончания войны. Д. полагает, что немцы сильно принижают психологическую сторону «отечественной войны народов СССР».

г) Виды на урожай в этом году по всей стране оцениваются как очень хорошие.

д) Интересным является упоминание о воздействии немецких листовок на красноармейцев. Так, среди прочего стало известно положительное воздействие листовок, что в солдат, которые бросили свое оружие и двигаются в белых рубашках, не будут стрелять. Этому примеру следовали во многих случаях.

Переводчик

Архив г. Потсдама. F. 41318. Bl. 227—228.

Публикация
Л. РЕШИНА

ВМЕСТО УГЛЯ...

Из справки о захоронении погибших в г. Ленинграде за 1 января — 13 марта 1942 г.

14 марта 1942 г.
Председателю исполкома Ленгорсовета тов. Попкову П. С.

В связи с увеличением смертности по городу, которая характеризуется следующими официальными данными (фактические данные будут выше, т.к. имеются отдельные случаи захоронения без регистрации в ЗАГСе) по месяцам:
январь — 96.751 (31 день)
февраль — 96.015 (28 дней)
март — 35.845 (13 дней)

Потребовалось провести ряд мероприятий, упорядочивающих этот вопрос.

1. Районными Исполнительными комитетами были организованы районные морги, помимо моргов, существующих при больницах и госпиталях.

Это мероприятие значительно упорядочило сбор трупов по городу.

До организации районных моргов мы имели массовые случаи оставления трупов на улицах, подвалах, траншеях и т.д., сейчас же в основном трупы направляются в районные морги и случаи оставления трупов уже бывают единичны.

2. Неоднократно проводились обходы квартир, пустырей, подвалов по сбору трупов. Вызывалось это тем, что отдельные граждане прятали трупы в целях сохранения или получения продкарточек.

Были отдельные случаи вымирания семей. Трупы убирались после вскрытия квартир.

3. Вывозка трупов из райморгов, больниц, госпиталей на городские кладбища или на спецплощадки по захоронению проводилась силами Автотранспортного Управления Исполкома Ленгорсовета, МПВО, УПКО, 4-го полка НКВД и Райсоветов.

В среднем ежедневно на этой работе было занято:
80 автомашин
500 чел.рабочих.

4. Массовое поступление трупов на городские кладбища потребовало изменения форм захоронения.

Помимо индивидуального захоронения было организовано массовое захоронение в общие, братские могилы. Производилось это путем рытья специальных траншей на городских кладбищах и спецплощадках (силами МПВО, 4-го полка НКВД и населения, мобилизованного в порядке трудовой повинности через районные Советы) и использования песочных карьеров (например, песочный карьер на Богословском кладбище, в котором было захоронено 63.000 трупов).

Учитывая промерзание грунта и большой объем работ, рытье траншей и засыпка песочных карьеров проводились при помощи массового применения подрывных работ (МПВО) и использования экскаваторов.

5. Для захоронения бойцов и командиров Красной Армии на Серафимовском и Пискаревском кладбищах отведены спецплощадки, которые обслуживаются спецкомандами.

6. Для более быстрого оформления документации, связанной со смертью, захоронением, ряд работников ЗАГСов прикреплены к районным моргам, больницам и госпиталям, а конторы городских кладбищ усилены дополнительным количеством помещений и обслуживающего персонала.

7. В феврале и марте месяцах на Ижорском и 1-м кирпичном заводах организовано массовое сжигание трупов.

На Ижорском заводе в термических печах и на 1-м кирпичном заводе в туннельных печах.

На 13/III с.г. на Ижорском заводе сожжено 1703 трупа, в среднем 100 трупов в день.

На 1-м кирпичном заводе в порядке опытов сожжено 150 трупов. Проведены все подготовительные работы к сжиганию ежедневно с 14/III с.г. 450—500 трупов и с 20/III с.г. 900—1000 трупов.

8. В целях борьбы со спекуляцией на кладбищах в рытье могил, которая приняла в январе — начале февраля месяца массовое явление, было привлечено к уголовной ответственности 180 чел., из них 164 чел. содержатся под стражей.

Кроме этого, решением Исполнительного комитета Ленгорсовета штат могильщиков на городских кладбищах дополнительно увеличен на 200 чел.

Зам. Председателя Исполкома Ленгорсовета Решкин.
РЦХИДНИ, ф.17, оп. 121, д. 176, л. 75—78.

Публикация
Е.УЛЬКО, Р.УСИКОВА

«Я ПРЕКЛОНЯЮСЬ ПЕРЕД ДЕДОМ»,—

ГОВОРИТ ВНУК ЛЬВА ТРОЦКОГО ВАЛЕРИЙ БРОНШТЕЙН.

Никогда не мог себе представить, что буду брать интервью у родственника Троцкого. Кем вы ему доводитесь?

Я прямой внук старшего брата Троцкого — Александра Давидовича. Следовательно, я являюсь внучатым племянником Льва Давидовича.

У Троцкого было много родственников?

В общем, да. Семья Бронштейн была довольно многочисленной. После высылки Л. Д. Троцкого в 1929 году в СССР остались 18 человек его близких родственников и первая жена — Соколовская А. Л. Из них 11 взрослых и 8 детей. Все они, независимо от пола и возраста, были подвергнуты репрессиям. Семь человек расстреляли, одна — племянница Матильда — погибла в лагере, а остальные прошли через тюрьмы, этапы и ссылки.

Что же стало с вами и с вашими родными?

Мой дед, старший брат Троцкого, был крайне далек от политики. Всю свою жизнь он проработал агрономом на различных сахарных заводах страны. В марте 1937 года он был арестован, а 25 апреля 1938 года — расстрелян. Старший сын Александра Давидовича, мой отец — Борис Александрович Бронштейн, наоборот, занимался активной политической деятельностью с 15 лет. В годы Гражданской войны он — член Высшей Военной инспекции, военный комиссар инженерных войск, автомобильных частей, артиллерии и снабжения Восточного, потом Южного и Западного фронтов. В 1920 году в возрасте 23 лет он назначается заместителем председателя чрезвычайного полномочного Совета Труда и Обороны, председателем которого был Троцкий. Думаю, что без протекции здесь не обошлось. В 1921 году отец стал управляющим делами Народного Комиссариата иностранных дел, а в 1925 году, когда положение Троцкого уже пошатнулось, его направили военным атташе в Австрию. Вплоть до высылки Троцкого из СССР мой отец поддерживал с ним связь. Арестован он был в мае 1937 года. Расстрелян 28 октября того же года одновременно с Сергеем Седовым, сыном Троцкого и Натальи Седовой. А в ночь на 31 октября пришли за моей мамой...

Кто она была? Вы как-то мало говорите о женщинах в вашем роду.

Просто мужчины играли более заметную политическую роль. Моя мать, Руфина Васильевна Кепанова-Бронштейн, была потомственной дворянкой. Революционеры в России вообще предпочитали жениться на дворянках. С отцом она познакомилась в годы Гражданской войны в Уфе, куда поехала в поисках хлеба. Дворянам, как известно, продовольственные карточки не выдавали. Мать долго думала, прежде чем выйти замуж за Бориса Бронштейна. Подруги подтрунивали над ней. «Это же почти наследник престола. Как можно колебаться!» — говорили они.

Я на всю жизнь запомнил ту страшную ночь 31 октября. Мне было тогда 12 лет. Мама очень просила энкэвэдешников, чтобы они отвезли меня к бабушке, те пообещали. Поэтому, когда меня посадили в «воронок» и повезли, я был в полной уверенности, что мы едем к бабушке. Вдруг я увидел какой-то монастырь, толстые, мрачные стены. Я очень испугался. «Куда вы меня привезли?» — спросил я сопровождающих. «В Кремль»,— смеясь ответили мне. Как оказалось, это был Даниловский детприемник. Сейчас, кстати, там находится резиденция патриарха.

Как же вам удалось вырваться оттуда?

Я смог позвонить бабушке по материнской линии, и она сделала все возможное, чтобы забрать меня из детприемника. Мне до сих пор не совсем понятно, как ей это удалось. Фамилия ее по второму браку была Соколова, так что и я стал на несколько лет Соколовым. Под этой фамилией я продолжал учебу, но уже в другой школе.

И никто не знал, кто вы на самом деле?

В доме, где я жил, может быть, и знали. А вот в школе об этом не знал никто. Я уже был достаточно взрослым, чтобы понимать, насколько это опасно. Однако в 1940 году, когда мне исполнилось 16 лет и надо было получать паспорт, я решил вернуть себе фамилию Бронштейн.

Почему?

В первую очередь, для меня это был нравственный выбор, и я сделал его совершенно сознательно. А вовторых, я был абсолютно убежден, что рано или поздно, но славные органы НКВД меня все равно найдут...

А дальше?

А дальше была война...

Неужели в НКВД вами не заинтересовались?

Вы знаете, нет. Мне кажется, на какое-то время они просто упустили меня из виду. Все-таки я был еще ребенок, а у них и без того было много «работы». С другой стороны, может быть, и судьба. Скажем, удивительная вещь: почти всех родственников по отцовской линии арестовали, а по материнской нет. Моя тетка была, к примеру, личным техническим секретарем Молотова, а затем Вышинского. После войны мы с ней встретились в Потсдаме. Старший брат матери был главным юридическим консультантом Министерства путей сообщения, младший брат работал главным

инженером завода «Электросила» в Москве. Мой двоюродный брат был начальником отдела у Курчатова.

Да, действительно, ирония судьбы. Вы воевали?

Воевал, как и многие мои ровесники. Я же выпускник 1941 года. Очень хотел стать летчиком, даже прошел медкомиссию, но на мандатную комиссию явиться не решился — там надо было подробно ответить на вопросы о родственниках. Я поступил в нефтяной институт в Москве на геологический факультет. Проучился один год, и осенью 1942 года на втором курсе меня призвали в армию. В армии меня направили в автомобильную школу, по окончании которой в январе 1943 года я стал младшим сержантом автомобильных войск и сразу же был послан под Курск. Так и провоевал всю войну шофером на передовой. До больших чинов не дослужился, но был награжден 12-ю правительственными наградами. Закончил войну в составе 5-ой Ударной Армии в Берлине, где я участвовал в уличных боях.

В годы войны хоть раз встал вопрос о ваших родственниках?

Да, и было это довольно смешно. Где-то в середине 1944 года вызвали меня в «особняк» (особый отдел, в то время «СМЕРШ») и спросили, как я, будучи немецкого происхождения, отношусь к вступлению Красной Армии на территорию Германии. Оказывается, они «держали» меня за «немца»! Я ответил, что очень хорошо отношусь, что врага надо бить на его территории. Тем все и кончилось, но, если честно, я еле сдерживал себя от приступов смеха.

Итак, кончилась война...

И я демобилизовался, вернулся в Москву. Стал опять учиться в институте. В 1947 году, отсидев в лагере 10 лет, возвратилась моя мать. В Москве ей было жить запрещено, она поселилась на «101 км» и тайком навещала нас с бабушкой. Однако каждый раз, как только мать приезжала, кто-то доносил, и за ней приходила милиция. Вероятно, именно в это время я и попал в поле зрения НКВД.

За вами велась слежка?

Нет, слежки я не замечал, хотя она, возможно, и велась. Но был однажды вечером странный звонок. Неизвестный голос меня спросил: «Валера, знаете ли вы, что ваша мама заболела «старой» болезнью? — Да, знаю.— Хотите подробностей? — Хочу.— Тогда приходите в дом на ул. Чехова». Он назвал номер дома и квартиры. Я пошел. Как оказалось, это был огромный дом, в котором помещались самые разнообразные конторы. Разумеется, я там никого не нашел. Вероятно, за мной проследили и доложили куда надо, что «объект» на звонок прореагировал. А в ночь на 31 мая меня разбудил яркий свет и голоса мужчин (я жил в комнате в коммунальной квартире). Хотел одеться, но не дали. Заломили руки за спину, быстро обыскали постель, одежду. Затем предъявили ордер на арест, подписанный Абакумовым, и начали тщательный обыск квартиры.

Как Вы восприняли арест?

Все предшествующие годы я пытался представить, как это будет, но все равно оказался к этому не готов. Я был растерян, подавлен и беспомощен. Здесь, в отличие от фронта, я не мог за себя постоять. Что особенно поразило, так это какая-то тягучая обыденность происходящего. Привезли меня на Лубянку (почему-то запомнились белые занавесочки на входных дверях) и посадили в бокс — узкое, тесное помещение, где даже нельзя было вытянуть ноги. Через несколько часов меня остригли и отвели в маленькую одиночную камеру без окна. Очень быстро я потерял ориентацию во времени — день на дворе или ночь. К этому добавились настоящие мучения, которые я испытывал от постоянного света в камере. Это было невыносимо. Я впервые понял, почему люди в тюрьме сходят с ума. К счастью, в одиночке меня продержали недолго. Через две недели я был переведен в камеру, где уже сидели шесть человек. Скажу честно, в тот момент я был беспредельно счастлив. Люди, окно, воздух, небо. Трудно передать мои чувства словами. Вспомнил, как мать неоднократно говорила: «Лера, даже в тюрьме ты найдешь свою радость». Да, это воистину так.

Предъявили ли вам обвинение?

Вначале нет. Судя по всему, следователь пытался «сотворить» его в ходе допросов. Когда я спросил его, за что меня арестовали, он ответил, что, во-первых, за родство с Троцким, а во-вторых, за будто бы попытку создать в институте троцкистскую организацию. Забавно, но в течение первых допросов следователь стремился доказать мне, что я прямой внук Троцкого, я же убеждал его в обратном. В конце концов он заявил, что принципиального значения это не имеет. С троцкистской организацией в институте было сложнее. Никакого представления о троцкизме мы со следователем не имели, поэтому, главным образом, речь шла о какой-то мифической подрывной деятельности против Страны Советов. Мои контрдоводы о том, что я за эту страну на фронте кровь проливал, несколько смущали следователя, однако он упорно стоял на своём и очень хотел, чтобы я «сознался». Наши желания не совпали, и начался «конвейер»...

Вы рассказываете об этом не без юмора...

Именно юмор и помогал выжить в тех условиях. Вокруг было столько глупости, что нормальный человек просто не мог не смеяться. Но «конвейер» — это уже серьёзно. Очень неприятная и трудно переносимая «процедура».

Вы выдержали?

Да, удалось. На «конвейере» по меркам Лубянки меня продержали в общем-то не очень долго — около трёх-четырёх недель. Точно не помню. Совершенно неожиданно все прекратилось, то есть допросы продолжались, но следователь отворачивал лампу в сторону, давал мне сигареты и разрешал спать.

Что же произошло?

До сих пор не знаю ответа на этот вопрос. Вероятно, «органы» поспешили с моим арестом. Они думали, что легко создадут крупное «дело», но не вышло. Знакомых у меня было немного, сокурсники компрометирующих показаний не дали. Возможно, свою роль сыграла и моя фронтовая биография. Что бы там ни было, но отделался я относительно легко. Как «социально опасный элемент» для советского общества получил пять лет ссылки на Колыму. По молодости мне казалось, что ссылка это не так уж страшно. Увы, я жестоко ошибался. Единственная привилегия ссыльного на Колыме заключалась в том, что при выходе на работу за территорию лагеря к нему не приставляется конвой, в остальном же он мало чем отличался от простого осуждённого — тот же лагерь, барак и пайка. Но по сравнению с этапом лагерь просто пустяк.

Почему?

Кто сидел, знает, что нет ничего опаснее этапа. Прошедший через этап мог надеяться, что протянет весь срок. Очень многие на моих глазах погибли именно на этапе — от голода, от рук уголовников, от пули конвоира.

Как же вы добрались до колымского лагеря?

Помогли классики приключенческого жанра, которых я много читал в детстве и пересказывал их уголовникам. За это они меня не трогали (один раз только раздели) и даже иногда подкармливали, делясь баландой.

Они знали, что вы родственник Троцкого?

Нет, я это тщательно скрывал. Всегда нашёлся бы какой-нибудь «обиженный» уголовник, особенно в тех условиях, когда уголовный мир стал делиться.

То есть?

На блатном жаргоне всё лагерное население подразделялось на три группы: урки (по-современному — «воры в законе»), фраера (хулиганье, приблатнённые и пр.) и мужики (все остальные). Урка в лагере — это Хозяин. Власть у него огромная, он может практически всё. Работали урки очень редко. Как правило, они отбирали пайку у мужиков, обрекая последних на голодную смерть. Жить было тяжело. И вот, чтобы сделать труд заключённых и ссыльных более эффективным, «органы» развернули широкую пропагандистскую акцию. Крупный бандит Пивоваров, один из главарей «Чёрной кошки», с их санкции выступил с инициативой, что в трудное время послевоенной разрухи урки должны помогать своей стране, организовывая и контролируя работу в местах заключения. Пивоварова специально возили по лагерям, где он создавал группы своих сторонников, которых блатной мир прозвал «суками».

Звучит довольно грубо и непонятно.

Ну, это очень просто. На блатном жаргоне охрана — это «псы». Того, кто начинал с ними сотрудничать (т. е. «ссучивался»), называли «сукой». Вот и все премудрости. Правда, надо отметить, что в то время это слово не было оскорбительным, оно просто констатировало факт. К тому же пивоваровцы получали огромную власть. Оскорбивший их лишался жизни.

И много было у Пивоварова сторонников?

Достаточно. По крайней мере во всех лагерях, где мне пришлось побывать, они уже были. Самого Пивоварова в конце 40-х годов убили в лагере под Карагандой, но «дело» его продолжало «жить», разумеется, с помощью НКВД. Кстати, многих урок тогда насильно превращали в «сук». Законы уголовного мира очень строги. Даже если урку силой заставляли сотрудничать с властями, в глазах «своих» он всё равно становился нарушителем закона, и его ждала единственная кара — смерть. Этим умело пользовались пивоваровцы. Поэтому неудивительно, что в среде уголовников разразилась настоящая война. В пересыльном лагере в бухте Ванино, что на материковом побережье напротив Сахалина, я сам был свидетелем восстания урок, которое смогли подавить только с помощью войск.

Расскажите, пожалуйста, о вашей жизни на Колыме.

Добирался я туда целый год. Через пересыльный лагерь меня направили на Мальдьякский прииск старшим коллектором, в обязанности которого входила документация пород. Недалеко от Мальдьяка находился посёлок Нексикан (всё это средняя Колыма). Там размещалась геофизическая группа, а так как я по профессии был геофизиком, то со временем, правда не без труда, мне удалось перевестись в Нексикан. Жизнь была тяжёлая и голодная, но работал я с интересом. Со смертью Сталина ссылка моя закончилась, а в 1955 году после протеста прокурора СССР меня реабилитировали. До 1958 года оставался на Колыме. Затем мне предложили поехать на Индигирку начальником экспедиции и вступить в партию...

В партию? Вам?

В этом нет ничего удивительного. Начальник экспедиции — достаточно большой пост, и его должен был занимать член партии.

А знали ли в райкоме в вашем родстве с Троцким?

Я никому никогда об этом не говорил, но в райкоме об этом, разумеется, знали. Причём там меня убеждали, что надо обязательно вступить в партию, так как мой отец был членом партии, Лев Давидович тоже был видным партийным деятелем... Забавная аргументация. Время было смутное, беспокойное, одно слово — «оттепель». Вероятно, партийным чиновникам казалось, что не за горами и реабилитация Троцкого, но этого не произошло.

Итак, вы стали членом КПСС.

Стал и прошу понять меня правильно. Всю жизнь я жил под гнётом страха, воспринимая каждый прожитый год как подарок судьбы. Я прекрасно осознавал, что именно КПСС убивала, сажала в тюрьмы, отправляла в ссылки моих родственников, что именно этой партии я обязан своим страхом. Но я не революционер. Очень хотелось жить спокойно, иметь любимую работу, семью, детей. Принадлежность к партии давала по крайней мере возможность надеяться на это, хотя опасения мои не развеялись. И в 60-е, и в 70-е годы я по-прежнему скрывал свои родственные связи.

Вы и сейчас чего-то боитесь?

Сейчас уже нет. Но ведь и хвастаться нечем. Многие смотрят на Троцкого как на преступника, погрязшего в крови невинных жертв революции.

Каково же ваше мнение о нём?

Только в последние годы я получил возможность читать работы деда. Я преклоняюсь перед его волей, интеллектом, работоспособностью и, если хотите, честностью. Он всегда открыто выражал свои взгляды, не юлил, не интриговал. Что же касается других его качеств, то здесь своё слово должны сказать учёные. В любом случае, со временем история всё расставит по своим местам. Я же очень хочу одного — чтобы на моей Родине, в России, больше никогда не было революций и лагерей, чтобы внуки мои никогда не увидели того, что видел я. Этого же желаю и читателям вашего журнала.

Спасибо за интервью.

Беседу вёл
СЕРГЕЙ КУДРЯШОВ

ОЛЕГ УСЕНКО,
кандидат исторических наук

Бунтари и заговорщики

Было ли восстание Кондратия Булавина крестьянской войной?

Дорогие читатели! Возьмите-ка в руки учебник «История СССР» для 8 класса (под редакцией академика Б. А. Рыбакова, М., 1990) и еще раз прочитайте § 42 «Народные восстания. Крестьянская война под предводительством К. А. Булавина» (с. 209—212). По этим страницам можно составить представление о целом направлении в нашей исторической науке, которое было ориентировано на изучение классовой борьбы в феодальной России. Почти все работы историков на эту тему были преисполнены пафоса, воспевали героизм «народных масс», их любые действия оправдывались. Попробуем подойти к событиям начала XVIII века объективно, не становясь ни на точку зрения восставших, ни их противников. И если с этой «срединной» позиции мы проанализируем текст учебника, у нас возникнет ряд закономерных вопросов.

Почему, например, при рассказе об астраханском восстании 1705 года все сводится к противоборству правительственных войск и народа? Между тем, в подавлении беспорядков принимали участие и донские казаки. А через два года именно на Дону вспыхнуло булавинское восстание. В чем тут дело?

ЗАГАДКА АСТРАХАНСКОЙ СМУТЫ

Давайте выясним, из-за чего началось астраханское восстание (равно как и множество других)? В России XVI—XVIII веков царь воспринимался как земное божество и первый народный защитник. Но при этом вера в доброту и справедливость монарха была не слепа и не беспредельна. При определенном повороте событий царь мог получить репутацию «ложного», «подменного» государя. А такому правителю не стоит и подчиняться. Более того, против него и его сторонников можно и даже нужно идти с оружием в руках (вспомним, например, восстание И. И. Болотникова, направленное против «узурпатора» В. Шуйского, якобы лишившего трона законного наследника — «царевича Дмитрия»).

Почти всегда поводом к выступлению служили известия об убийстве царя боярами или слухи о готовящемся заговоре. Степан Разин поднял восстание, когда его ушей достигла весть об отравлении царевны и царевичей боярами.

Астраханцы, доведенные до отчаяния злоупотреблениями воеводы, поднялись на борьбу лишь тогда, когда прошла молва, будто бы Петра I больше нет в живых. В сознании горожан все притеснения связывались с «боярами» (феодалами и чиновниками), против которых они и выступили. Но главной целью восстания был поход на Москву, чтобы узнать, что с царем, жив ли он, не «подменили» ли его на троне. И как только восставшие убедились, что Петр жив (получив от него грамоту), они прекратили сопротивление и сдались.

А казаки не поддержали горожан из-за позиции руководства Войска Донского. Получив письмо от царицынского воеводы с известием о событиях в Астрахани, старшины созвали войсковой круг — высший орган власти на Дону. Круг, где присутствовали главным образом зажиточные казаки, под страхом смертной казни запретил жителям Дона оказывать помощь восставшим. Казаки не могли ослушаться, поскольку одной из главных их добродетелей была дисциплинированность, привычка подчиняться войсковой администрации. Эта особенность сыграла свою роль и в истории булавинского восстания.

КОНДРАТИЙ БУЛАВИН: ЖИЗНЬ ЗА ЦАРЯ?

Летом и осенью 1707 года на Дону и в соседних уездах начал распространяться слух, что Петр I и его сын Алексей убиты заговорщиками, среди которых назывались «бояре», «немцы» (иностранцы) и «прибыльщики» (изобретатели налогов и откупщики). В этих условиях появление на Дону сыскного отряда Ю. В. Долгорукого было воспринято как доказательство того, что царя нет в живых, что власть в государстве захватили ненавистные «бояре». Давно копившееся недовольство прорвалось наконец наружу, получив «законный», с точки зрения казаков, выход.

Стоит подчеркнуть: восстание Булавина началось не потому, что на Дон приехали «сыщики» беглых (такое случалось и раньше, в 1703 и 1704 годах). Главным было то, что появление людей Долгорукого совпало с распространением слуха о гибели царя. Этой молве поверила и часть старшин во главе с бывшим войсковым атаманом Ильей Зерщиковым. Он-то и убедил Булавина в том, что войсковая администрация поддерживает восставших в их стремлении расправиться с «сыщиками». Таким образом, булавинцы считали, что выполняют волю казацкого руководства.

К сожалению, история восстания в изложении учебника содержит ряд фактических ошибок. Во-первых, Долгорукий по своему чину был не полковником, а подполковником. Полковником его называли казаки: руководители отдельных казацких отрядов традиционно носили это звание. Во-вторых, при проведении сыска не было «большой жестокости». В-третьих, не было подобной жестокости и у восставших. Помимо Долгорукого были казнены только офицеры и наиболее рьяные «сыщики». Остальные без оружия и имущества отпущены восвояси. В-четвертых, Черкасск перешел в руки булавинцев не потому, что в нем вспыхнуло восстание, а в связи с тем, что на стороне Булавина оказались старшины во главе с Зерщиковым, они и убедили черкасских казаков впустить повстанцев в город.

Впоследствии эти же старшины организовали заговор против Булавина, в котором приняли участие не только зажиточные, как утверждает учебник, но и рядовые казаки. Опять загадка. Ведь если ими двигал страх перед правительственными войсками, то тогда остается непонятным, почему Зерщиков и его сторонники поддерживали Булавина в начале восстания. Разве они не понимали, что ответом будет наступление карателей? Вряд ли. Значит, причина в чем-то другом.

ЗЛАЯ ФОРТУНА

Вернемся к началу восстания. Зерщиков поверил молве и стал тайным союзником восставших. Но те уже через 10 дней были разгромлены. Это сделали сами же казаки во главе с войсковым атаманом. Дело в том, что не все на Дону поверили слуху. Именно поэтому в октябре 1707 года у Булавина оказалось меньше сторонников, чем противников. В конце концов разуверился в гибели Петра I и сам Зерщиков. В Черкасск пришли «именные» (с подписью царя) указы, которые доказывали, что государь жив. А раз так, то восстание теряло всякий смысл. Более того, его продолжение было бы «изменой» царю. Но Булавин вплоть до взятия Черкасска (начало мая 1708 года) всего этого не знал. Он и его соратники по-прежнему считали, что выступление направлено против «изменников», погубивших царя, а также их пособников, в число которых попали и казаки, принимавшие участие в карательных акциях против восставших. Когда же булавинцы вошли в Черкасск, они ознакомились с «именными» царскими указами и поняли, что слухи о гибели государя были ложными. Булавин принял меры к тому, чтобы оправдаться перед царем: он посылает ему письма с предложениями остановить войска, посланные на Дон.

В конце мая 1708 года Петр получает первое такое письмо. Он готов поверить Булавину и отдает приказ прекратить наступление, если восставшие не будут активны. Приказ идет почти месяц. А в это время в Москву спешат курьеры с сообщениями о том, что булавинцы не прекращают военных действий против царских войск. Царя убеждают в том, что предложения о мире — только хитрость, уловка. На самом деле Булавина просто подвела несовершенная система связи. Пока шли царские ответные распоряжения, восставшие действовали в духе прежних, «боевых» приказов. Чем и подрывали, сами того не желая, доверие к своему руководителю.

Впрочем, Булавин не собирался ждать и на всякий случай выслал против царских войск заградительные отряды. «Доброжелатели» не преминули сообщить об этом Петру. В результате царь отдает новый приказ — наступать. Но он был получен в конце июня. А к этому времени (бывает же такое!) восставшие расслабились, покинули свои позиции на границах области Войска Донского. Дело в том, что чуть раньше в Черкасск прибыл курьер со старым царским указом, где Петр призывал не трогать казаков. Повстанцы убедились, что их простили. Одни казаки, с разрешения Булавина, возвращались домой, другие готовились к походу на Азов.

В начале июня 1708 года по приказу азовского губернатора у восставших из-под Черкасска отогнали коней. Повстанцы усмотрели в этом не просто кражу, а «измену» государю. В сознании казаков поход на Азов был акцией в защиту чести и достоинства Петра.

В это время через оголенные границы Дона с разных сторон двинулись карательные войска. Многие повстанцы решили, что их ловко провели бояре. Царя и в самом деле убили, полагали они, а указ был подтасован. Старшины во главе с Зерщиковым пришли к иному мнению. Они заключили, что Петр находится в добром здравии, но сердится на казаков. Чтобы отвести от себя царский гнев, Зерщиков и его сторонники среди старшин и казаков решили схватить главаря Булавина с его соратниками. С точки зрения заговорщиков, это не было предательством: предательством было бы сопротивление войскам, посланным самим царем. Вот так и получилось, что одни поднялись на борьбу с карателями, а другие — со своими бывшими соратниками.

Можно ли назвать восстание Булавина крестьянской войной? В выступлении Булавина отсутствуют три важнейших признака крестьянских войн. Во-первых, восстание не привело к освобождению значительной территории *в районах крепостного землевладения.* Основные силы повстанцев не покидали пределов «вольного Дона». Во-вторых, в движение не были вовлечены широкие массы *общинного крестьянства;* основную массу участников составили жители Дона. Хотя среди донского населения было много бывших крестьян, но себя они считали не крестьянами, а казаками. В-третьих, булавинское выступление не было связано с *самозванчеством,* с поддержкой «истинного» монарха в противовес правящему, и потому не получило широкую поддержку в народе.

Выступление под предводительством Булавина было *казацко-крестьянским восстанием.* Но никак не крестьянской войной.

ВХОЖДЕНИЕ КАЗАХСТАНА В СОСТАВ РОССИИ. ПРИСОЕДИНЕНИЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ К РОССИИ

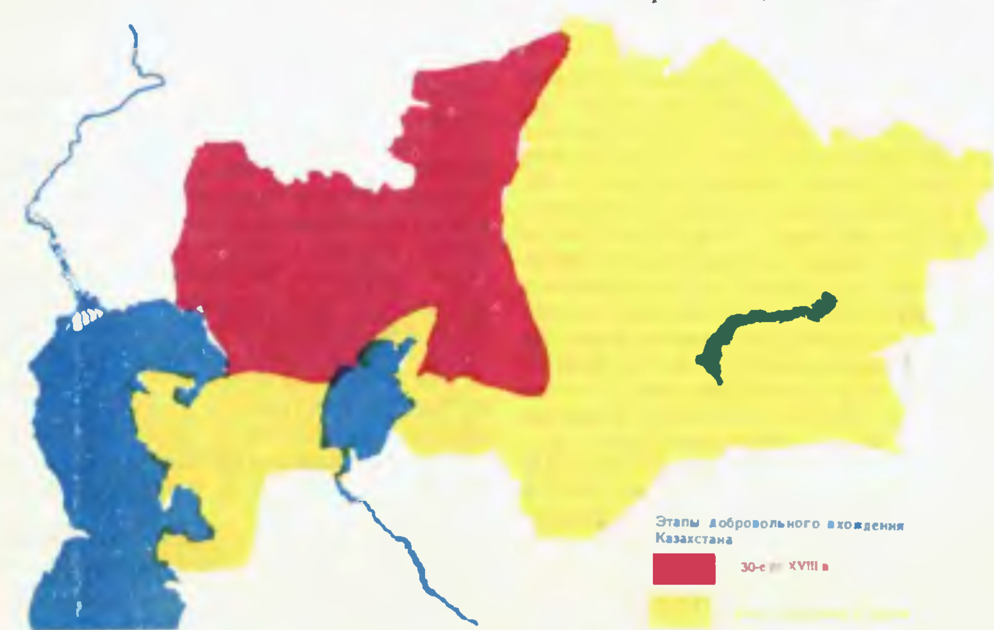
К середине XIX века самыми крупными государственными образованиями на территории Средней Азии были: Кокандское ханство (долина Ферганы, территории с городами Ташкентом, Чимкентом, Туркестаном и др.), Бухарское ханство (долины Зарафшана, горный район Нур-ата и некоторые местности по Аму-Дарье) и Хивинское ханство (по нижнему и среднему течению Аму-Дарьи). Среди населения трех ханств преобладали узбеки. Северная часть территории была населена таджиками. Туркменские племена жили в пределах Хивинского и Бухарского ханств, а также к востоку от Каспия по границам с Персией. Каракалпаки, жившие в дельте Аму-Дарьи, были покорены хивинскими ханами. Киргизы, обитавшие в Южной Киргизии, находились в зависимости от Кокандского ханства, а жившие на севере Кокандского ханства, были более свободны. Казахи, заселявшие север Хивинского и Бухарского ханств, были зависимы от обоих этих государств.

Основными занятиями населения было кочевое скотоводство, поливное земледелие в оазисах и ремесло. Способ производства был феодальным с использованием рабства в домашней жизни и сельском хозяйстве. Налоговый гнет был чрезвычайно тяжелым. Отсталость социальных отношений, междоусобицы, произвол правителей ослабляли ханства и политически, и экономически, превращая их в объект внешнеполитического и торгового соперничества России и Англии. Заинтересованность русской промышленности и буржуазии в новом внешнем рынке, стремление правительства приблизить свою южную границу к колониальным владениям Англии за счет новых территорий, поднять свой престиж внутри и вне страны стали причинами ряда военных экспедиций в Среднюю Азию.

В начале 1850-х годов в результате продвижения русских войск возникли новые пограничные линии: Сыр-Дарьинская и Ново-Сибирская, а в 1854 году на месте казахского поселения Алма-Ата было заложено укрепление Верное. В начале 1860-х годов в результате экспедиций полковника Черняева было осуществлено соединение пограничных линий и образована передовая Новококандская линия. В июне 1865 года отряд Черняева после длительной осады взял Ташкент. Одновременно с этим в подданство России вступали племена Северной Киргизии, какова и была присоединена к России мирным путем. Южная Киргизия, остававшаяся под властью Коканда, вошла в состав империи в 1876 году, вместе с присоединением этого ханства к России.

Военные экспедиции генерала Кауфмана и ряд дипломатических актов позволяют России утвердить свое влияние в Коканде и Бухаре. В конце 60-х годов, после высадки десанта на побережье Красноводского залива Каспия, основания русского поселения и налаживания отношений с туркменским населением, Россия укрепляет свои позиции на восточном побережье Каспийского моря. На протяжении 1870-х годов Хива и Бухара были подчинены России. В начале 80-х годов, после взятия Геок-Тепе и Мерва, оставшаяся часть Туркмении была присоединена к России. Но лишь к середине 90-х годов границы Российской империи на юге были определены договором с Англией. Основная часть Туркмении непосредственно была присоединена к России, некоторая часть туркмен оставалась во владении Хивинского и Бухарского ханств, находившихся под протекторатом империи. Границей с Афганистаном на Памире стала р. Пяндж.

Завоевание Средней Азии превратило ее в колонию, однако избавило от рабства, работорговли и произвола ханов. Новые основы хозяйственного развития изменяли социальный облик этих мест, усложняя характер общественной жизни и вовлекая местное население в орбиту руской демократической культуры. На завоеванной территории было создано Туркестанское генерал-губернаторство. Генерал-губернатор представлял и гражданскую, и военную власть; высшие и средние должности занимали военные, низшие — выборные местные жители, утвержденные властями.



СВЕТЛАНА ГРИШАНОВА

ДЕСЯТЬ ТЕЗИСОВ О ТРЕХ ЭТАПАХ

1. Пресловутые три этапа в революционном (вариант: освободительном) движении России легли в основу устоявшейся концепции всей истории страны XIX — начала XX века, уныло окрещенной «периодом капитализма». «Три этапа», «два лагеря», «три лагеря», «освобождение» — в лексикон историков прочно внедрилась тюремная фразеология. Многомерный мир был насильственно ужат до размеров деятельности угодных текущему политическому режиму революционеров. Грубо и ремесленнически была сколочена «верная линия» развития, «логически» приводившая к светлому будущему — Октябрю 1917.

2. Труды Ленина «Памяти Герцена» (1912) и «Из прошлого рабочей печати в России» (1914), где в сконцентрированном виде была выражена эта концепция, построены на основе выводов тогдашней либеральной историографии. Уже в 1905—1907 годах Б. Б. Глинский и Н. П. Павлов-Сильванский проводили линию развития освободительного движения «начиная с Радищева» (подробнее см. Цамутали А. Н. Борьба направлений в русской историографии в период империализма. Л., 1986). Вот что пишет, к примеру, Павлов-Сильванский: *«Радищев, декабристы, сороковые, шестидесятые годы, народовольцы, марксисты и социал-демократы, народники и их преемники социалисты-революционеры — таковы главные стадии нашего великого освободительного движения...»* Ленин позаимствовал эту схему, увеличив крен в пролетарскую сторону. Его последователи воздвигли на месте наброска прочное бетонное сооружение, до крайности исказившее реальную картину нашей истории, литературы и т. д. Строго говоря, особой вины «классика» в этом нет — все погубило словоблудие толкователей.

3. Хронологические рамки двух этапов действительно отражают реальные исторические повороты. В наибольшей степени это, конечно же, относится к 1861 году. 1825 год примечателен в первую голову сменой царствований и заключенных в них эпох, а отнюдь не восстанием «светлых личностей» на Сенатской площади. Границы третьего, пролетарского, выставлены «с потолка». В классическом труде «Что делать?» (1902) Ленин изображает историю русской социал-демократии опять-таки тремя этапами: 1884—1894, 1894—1898 и третий, с 1898, который надобно ликвидировать. 1895 года нет и близко, эта дата — условная, а в сочетании с клинической химеричностью всего последнего периода и вовсе незаметная, проходная.

4. Этап первый — «дворяне-революционеры, декабристы и Герцен». В конце 1991 года в журнале «Вопросы истории» возникла небольшая дискуссия по поводу того, будили декабристы Герцена или не было такого (Герцен действительно выражался в подобном ключе). Вопросов много — отличаются ли чем «дворяне-революционеры» от декабристов с Александром Ивановичем. Да, кстати: а как быть с декабристами, если рамки этапа ограничены 1825 и 1861 годами. Они же тогда «хранили гордое терпенье» в известных краях. Остальное в целом верно. «Круг этих революционеров» и вправду страшно узок, наскрести скольно-нибудь серьезное революционное движение чрезвычайно трудно, да

и общественное развитие при Николае Павловиче приглушенное, «с прижатыми ушами». Вот и попали в учебники «либералы-примиренцы» западники со славянофилами. Разве что крупнейшего русского революционера этих лет — Михаила Бакунина, героя баррикад Праги и Дрездена, «не заметили» ввиду его бурных баталий с господином Марксом и поместили в соответствующий угол — в качестве «идеолога революционного народничества».

5. Теперь о «молодых штурманах будущей бури». В применении к пореформенному общественному движению в нашей науке прочно утвердилось понятие революционный демократизм. Словосочетание это настолько приелось, что, например, никто из участников большой дискуссии о революционерах-демократах (журнал «Новая и новейшая история», 1987—1989) даже не вспомнил, что термин этот употребляется исключительно в марксистской историографии и основан на «углубленном» прочтении некоторых ленинских мыслей. Сочетание «революционности» и «демократизма» по самым разным поводам почти всегда «притянуто за уши» и неправильно. Сколько «громокипящих» фраз было в свое время выплеснуто на Чернышевского и его революционность! Между тем мало-мальски внимательное прочтение трудов великого демократа (см. статью проф. В. Ф. Антонова, «Родина», № 3, 1992) убеждает в неприменимости традиционного эпитета «революционный». Еще более смехотворно определять подобным образом воззрения молодых и малозаметных германских мыслителей К. Маркса и Ф. Энгельса в 40-х годах XIX века. Революционность последних, как известно, всегда была ограничена рамками кабинета. Корень зла состоит в недостаточной разработанности и «заполитизированности» исходных составляющих — революционности и демократизма. Так что в нынешнее время логичнее вообще воздержаться от употребления выражения «революционный демократизм» (впрочем, как и определений «мелкобуржуазный», «классовая борьба», «гегемония в революции» и т. п. словесной шелухи). Не лучше ли обратиться к давно утвердившимся в мировой науке словам «радикал», «либерал», «консерватор», «экстремист» и проч. Наречение данного этапа «разночинским» абсурдно даже с традиционной классовой точки зрения: где же строгие рамки классового отбора? Не есть ли разночинец смесь сена с соломой? Не мелкобуржуазен ли он по своей сущности? Не всегда соответствуют границам этапов и изменения в социальном составе участников движения: Л. Я. Лурье в диссертации на эту тему установил, что в 1863—1866 годах процент дворян среди революционеров был выше, чем в 1826—1833. Впрочем, все понятно: «хорошие» революционеры суть разночинцы и штурманы, а остальные — бланкисты, утописты и ярые враги марксизма (потому-то Бакунин и не был допущен в «революционные демократы»).

6. И венец всему — этап пролетарский (с 1895 года до наших дней, как утверждают абитуриенты на экзаменах). Так и проглядывает в сей ленинской мысли угрюмое затворничество — надо очень здорово постараться, чтобы не заметить иные течения в освободительном движении конца XIX — начала XX века (с некоторых пор эсеры, кадеты и др. попали даже в программу для поступающих в вузы). Калейдоскоп партий и национальных движений отсекали начисто с помощью спасительного словечка «реакционный», проявления же пролетарской борьбы возвеличивались неимоверно. Не иначе как под мощным микроскопом рассматривают программа и учебники «рабочее движение 70—80-х годов XIX века», неприметное и ничего не значащее (между тем фамилии Канкрин, Лорис-Меликов и многие другие там отсутствуют). Тут периодизация Ленина вступает в кричащее противоречие с исторической реальностью. Не проще ли «ликвидировать третий период» и забыть побыстрее (в отличие от истории рабочего и социалистического движения в России)?

7. А дальше что? Просмотренная нами история России (1825—1917) хоть как-то этапирована... «Период социализма» все еще представляет из себя сплошной темный лес. Самое интересное, что «революция продолжается», а революционеры и революционное движение куда-то исчезли. Уныло маячат партийные съезды, «великие переломы» и разного рода перестройки. Прямо по Ленину — разброд и шатания. И тем не менее непременно надо смотреть дальше 1917 года, улавливать закономерности, предопределившие крах «великой эпохи» на 75-м году жизни.

8. «Три этапа» — непревзойденное проявление присущей нам до недавних пор тотальной революционизации общественного сознания. Кругом были сплошные пламенные революционеры — от Прометея и Спартака до Леонида Ильича с Константином Устиновичем. Иная, в частности конструктивная, общественная деятельность отодвигалась на второй план по сравнению с великой задачей освобождения человечества. Сейчас не менее ретиво пытаются вообще вычеркнуть все проявления революционности из нашей истории, кивая на «Бесов» Достоевского. Отрицание «дьявольщины» подобным образом — черта чисто большевистская. Изучение общественных движений, в том числе и самых радикальных, должно вестись интенсивнее, глубже — ведь масса источников или надежно скрывалась, или вообще не выявлена.

9. Марксистская теория «общественно-экономических формаций», на которой по сути и основаны наши «три этапа», идет ко дну. Предельно ясная схема общественного развития от первобытности к коммунизму обрывается где-то на феодальном островке. Тем пристальнее наш интерес к другим концепциям. Идея Арнольда Тойнби о «цивилизационном подходе» к истории, равно как и более широкий подход к обществу — смена традиционного аграрного общества индустриальным, а этого последнего в свою очередь постиндустриальным или информационным (Макс Вебер и его последователи) — весьма перспективны, их применение к российским реалиям XIX — начала XX века может привести к более точному осмыслению времени. Выделять или не выделять российский XIX век в самостоятельную цивилизацию со всеми присущими ей особенностями — дело будущих исследований.

10. На месте ленинских этапов можно наметить примерную периодизацию общественного движения в России XIX — XX веков:

1. 1801—1855;
2. 1856(61)—1920(22);
3. 1920(22)—1989(91).

Границы этапов соответствуют крупным общественным поворотам. Каждый из периодов в достаточной степени наполнен однородным историческим материалом, качественно отличающим его от предыдущего и последующего времени.

Стоит подчеркнуть: речь идет о всем многообразии общественных процессов в стране; революционные течения — лишь одна из составных частей этого явления.

ТЕСТЫ

Блок I. Подчеркните правильную дату

1. Битва на р. Вожс
— 1410
— 1223
— 1378
— 1155
— 1380.

2. Праалениe Иваиа Калиты
— 1127—1157
— 1325—1340
— 1462—1505
— 1054—1078
— 882—912.

3. Прекращение феодальной войны, смерть Дмитрия Шемяки
— 1389
— 1263
— 1453
— 1174
— 1359.

4. Принятие Судебника, в котором впервые фигурирует Юрьев день
— 1016
— 1497
— 1549
— 1649
— 1367.

Блок II. Выберите один из предложенных ответов

1. Какой кремль был построен в Москве при Иване I?
— Дубовый
— Из белого камня
— Облицованный красным кирпичом
— Сосновый
— Никакого строительства не велось.

2. Какое прозвище было у Василия II?
— Гордый
— Калита
— Грозный
— Темный
— Шемяка.

3. Почему Иван III женился на Зое Палеолог?
— Он был сражен ее красотой
— У нее было огромное придаиое, а московская казна в тот момент была пуста
— Чтобы заключить союз с римским папой, ее опекуном
— Она была племянницей последнего византийского императора Константина XI. Константинополь — столица Восточной Римской империи называлась современниками вторым Римом. С этим браком Москва наследовала титул третьего Рима и получала европейскую известность
— Назло московскому боярству.

4. В Судебнике Ивана III в статье о крестьянах говорилось
— о предоставлении всем крестьянам воли
— о полном закрепощении крестьян
— о праве крестьян переходить от одного помещика к другому (при соблюдении определенных в Судебнике условий)
— о том, на каких условиях крестьянин может купить землю
— о том, что крестьянин может продавать помещику часть своего урожая.

Блок III. Укажите, какому из определений соответствует данный термин

1. Боярская Дума
— Собрание всех бояр русского государства на ежегодное совещание
— Русская песня, посвященная раздумьям боярина русского о судьбах родины (предположительно автором ее был Дм. Боброк-Волынский)
— Совещательный орган при великом князе, царе.

2. Каково происхождение термина «помещик»?
— Получая от Ивана III новые земли, феодал «помещал» на них своих подданных. Отсюда — «помещик»
— При Иване III начинаются раздачи земель, сопровождающиеся перемещением владений феодалов на новые территории. Таких феодалов «испомещенных» на новые места, стали называть «помещиками»
— При Иване III проводилась перепись владельцев земель русского государства, сопровождавшаяся закреплением за ними владений или мест. О них говорилось «по месту» их жительства.

3. Служилые (служебные) князья
— удельные князья, перешедшие в разряд слуг великого князя
— простолюдины, благодаря своим заслугам перед страной ставшие князьями
— князья, которые в силу возраста или ранении не могут уже служить государю и удаляются на покой.

4. Страдники
— Крестьяне, осужденные на пожизненные каторжные работы
— Свободные крестьяне, нанимавшиеся к любому землевладельцу на время сбора урожая, для того чтобы подработать
— Холопы, в XУ веке обрабатывавшие запашку феодала и получавшие за это небольшой участок земли.

Блок IV. Назовите событии, совпадающие во времени

1. Битва на реке Шелони
— Издание Судебника
— Переговоры Джанбатисты Вольпе с папой римским о женитьбе Ивана III на Зое Палеолог
— Строительство новых стен московского Кремля
— Стояние на Угре
— Смерть Марьи Тверской.

2. Падение Восточной Римской империи
— Полное присоединение Ростовского княжества
— Грюнвальдская битва
— Смерть князя Андрея Старицкого
— Окончание феодальной войны
— Начало праалеиия Василия III
— Опричнина
— Ливоиская война.

3. Мог ли Василий I совершить поход в Ростовский уезд?
— Да
— Нет
— Не зиаю.

4. Мог ли Иван III подняться на стены построенного итальянцами краснокирпичного кремля?
— Да
— Нет
— Не зиаю.

5. Был ли Феофан Грек знаком с Андреем Рублевым?
— Да
— Нет
— Не знаю.

Подготовила **ЕЛЕНА СОЛОВЬЕВА**

Ответы на тесты, опубликованные в № 4

БЛОК А
1. 1053—1125 Владимир Мономах
2. Первая Батыева рать — 1237—1238
3. Объединение Галицкой и Волынской земель — 1199

БЛОК Б
Определение 1
Определение 2

БЛОК В
1. Невская битва
2. Мстислав Владимирович
3. «Слово о полку Игореве»

БЛОК Г
1. Княжение Александра Невского
2. Да
3. Р. М. Галицкий был современником Всеволода Большое Гнездо

БЛОК Д
1. Сожжены врагами
2. Наступает феодальная раздробленность
3. Все эти города были основаны.

Лекция VII

Революции 1848 г. в Европе и их влияние на настроение императора Николая.— Третий период его царствования.— Внешняя политика.— Манифест 14 марта 1848 г.— Венгерская кампания.— Внутренняя политика.— Крестьянский вопрос.— Меры против печати и университетов.— Другие стеснительные меры.— Отставка Уварова.— Кн. Ширинский-Шихматов.— Положение интеллигенции после 1848 г.— История петрашевцев.— Инциденты с Самариным, Аксаковым, Тургеневым.— Запрещение выступать в печати славянофилам.— Киевские федералисты.— Общее настроение интеллигенции.— Восточная война 1853—1856 гг.— Неизбежность кризиса.— Смерть Николая.— Общее заключение о царствовании Николая.

Верхний кабинет Николая I в Зимнем дворце (3 этаж)

Мне остается обозреть в кратком по необходимости очерке события третьего (последнего) периода правления императора Николая и затем подвести итоги всему тридцатилетию, протекшему от вступления на престол Николая Павловича до конца его царствования.

Третий период царствования Николая I наступил после февральской революции 1848 г. во Франции и последовавших вслед за нею революционных вспышек в других европейских государствах; он ознаменовался в России той системой реакции, которая обусловлена была этими событиями.

Первые известия о провозглашении республики во Франции страшно взволновали императора Николая. Один из современников утверждает в своих записках, что в первую минуту Николай Павлович явился с полученными депешами во дворец наследника, где происходил в ту минуту бал, и, став в зале посреди танцующих, громко провозгласил: «Седлайте коней, господа, во Франции объявлена республика»... Вместе с тем, однако, в нем пробудилось и злорадство по отношению к Людовику-Филиппу, которого он считал справедливо наказанным теперь узурпатором. «Поделом ему... прекрасно, бесподобно»,— говорил он лицам, окружавшим его в кабинете наследника. Для предупреждения нападения со стороны французов на соседние государства и для обуздания германских коммунистов и социалистов, которые могли, как опасался Николай Павлович, предпринять что-нибудь подобное в Германии или в Австрии, он хотел сгоряча двинуть на Рейн трехсоттысячную армию. Его воинственное настроение поддерживалось и Паскевичем, который был тогда в Петербурге. Однако другим окружавшим его лицам (Волконскому, Киселеву) было нетрудно доказать ему, что сделать это не так-то легко и что если бы даже хватило для этого войска, то не хватило бы денег. Поэтому на первых порах воинственное и негодующее настроение Николая нашло себе исход лишь в странном манифесте 14-го марта 1848 г., который был наполнен угрозами по отношению к западным врагам и крамольникам, хотя, по-видимому, никто не покушался еще нападать на Россию, и который заканчивался самонадеянным возгласом: «С нами Бог! Разумейте языци и покоряйтеся, яко с нами Бог!»

Скоро, однако же, события в Австрии, от которой стремились отложиться одна за другой все области, ее составлявшие, и мольба о помощи, адресованная юным австрийским императором Францем-Иосифом императору Николаю, вызвали его и к более активным действиям, спасшим монархию Габсбургов от неминуемого, как многим казалось, разложения и гибели. Оказать поддержку Францу-Иосифу императора Николая побуждало, впрочем, как уверяют, не только стремление вообще поддерживать всякую легальную власть против восстающих народностей, но и более реальные, эгоистические соображения, поддержанные в особенности кн. Паскевичем, который утверждал, что если венгерское движение не будет быстро подавлено, то оно неизбежно перекинется в Царство Польское, а здесь в таком случае повторятся обстоятельства 1831 года. Кн. Паскевич и Николай Павлович считали более выгодным предупредить это быстрым усмирением венгерского восстания. Венгерское восстание, несмотря на весьма неискусные действия кн. Паскевича, значительно поколебавшего в этом походе прежнюю свою репутацию талантливого полководца, было довольно быстро подавлено вследствие огромного численного превосходства русской армии над силами венгерского вождя Гергея, которому пришлось сложить оружие.

После усмирения венгерского движения император Николай делается на время верховным распорядителем судеб восточной и центральной Европы. Он заставил слабого, колеблющегося и непоследовательного прусского короля Фридриха-Вильгельма отказаться от всяких планов о «германском объединении» и от завладения датскими провинциями, права на которые австрийского императора Николай признавал священными и неприкосновенными. В то же время Николай Павлович требовал от Фридриха-Вильгельма более решительной расправы с революционными элементами в Пруссии и в особенности в прусской Польше. Своим постоянным вмешательством в германские отношения и своими угрозами всем нарушителям порядка в Европе Николай Павлович приобрел такую репутацию в это время, что матери в Германии пугали его именем маленьких детей.

Революционные потрясения 1848 года вызвали не только в самом императоре Николае, но и во всем его семейном и придворном кругу чрезвычайно реакционное настроение. Особенно проникся этим настроением наследник Александр Николаевич. Он не только разделял чувства, выраженные в манифесте 14 марта 1848 г., но и одобрял тот тон, в котором манифест был составлен. Тотчас же по его получении он созвал к себе командиров всех гвардейских полков и сам прочитал его вслух, вызвав среди собранных офицеров восторженные овации. Офицерство этого времени уже мало походило на то, какое было в конце Александрова царствования,— в этом отношении двадцатипятилетние старания Николая Павловича увенчались полным успехом; но нельзя не заметить, что искоренение всяких либеральных идей в военной среде сопровождалось сильным понижением ее уровня. Механическое вытравливание всякой независимой мысли привело в кон-

це концов к тому печальному положению, что когда русской армии пришлось бороться с европейскими войсками, то очень резко почувствовался недостаток в начальниках с инициативой, в образованных офицерах и в генералах, способных самостоятельно мыслить...

Реакционное настроение, создавшееся в русских правительственных сферах после 1848 г., не замедлило отразиться на направлении всей внутренней политики. Тотчас же явилась мысль о необходимости сплочения консервативных элементов страны для борьбы со всякими разрушительными началами. Уже 21 марта 1848 г., принимая депутатов петербургского дворянства, государь им сказал: «Забудем все неприятности одного к другому. Подайте между собою руку дружбы, как братья, как дети родного края, так чтобы последняя рука дошла до меня, и тогда, под моей главою, будьте уверены, что никакая сила земная нас не потревожит». В казенных изданиях появились статьи о незыблемости крепостного права, и сам П. Д. Киселев сказал своему племяннику Милютину, что «вопрос о крестьянах лопнул». То же подтвердил в категорической форме гофмаршал наследника Олсуфьев одному из представителей смоленского дворянства.

Совершенно иначе, нежели в высших правительственных сферах, отразились бурные события 1848 г. в среде русской интеллигенции. К этому времени та пропаганда идей, которую под руководством Белинского вели в сороковых годах «Отечественные записки» Краевского, а затем (с 1847 г.) «Современник» Панаева и Некрасова, дала значительные плоды. В столицах, в особенности в Петербурге, а отчасти и в провинции стали образовываться кружки передовой молодежи, своеобразные салоны, открываемые молодыми людьми специально для обсуждения общественных, литературных и политических вопросов, за невозможностью обсуждать эти вопросы в печати. Таковы были знаменитые «пятницы» у М. В. Буташевича-Петрашевского, вечера, устраивавшиеся у Дурова, Кашкина, Момбелли, Плещеева и др. На пятницах Петрашевского, которые стали устраиваться с 1845 г., перебывала масса молодежи столичной и провинциальной, и вечера эти пользовались в тогдашнем интеллигентном кругу довольно широкой известностью.

Сам Петрашевский был социалист (фурьерист), но на вечерах его затрагивались самые разнообразные общественные и политические темы: чаще всего крестьянский вопрос, вопросы судоустройства и судопроизводства (в частности суд присяжных, гласность и независимость суда), о цензуре и свободе печати, одним словом, те самые вопросы, разрешение которых последовало через несколько лет, в эпоху великих реформ шестидесятых годов; наряду с этим сообщались и обсуждались новинки западноевропейской литературы и политической жизни и читались литературные произведения, которые не могли появиться в печати, как, напр., знаменитое письмо Белинского к Гоголю по поводу «Выбранных мест из переписки с друзьями» последнего.

У Кашкина собирались специально лица, интересовавшиеся социальными проблемами,— молодые социалисты и коммунисты, увлекавшиеся идеями Сен-Симона, Леру, Ламеннэ, Луи Блана, Кабэ и в особенности Фурье. У Дурова собирались люди, настроенные более умеренно...

Все эти кружки были известны друг другу и поддерживали между собой взаимные связи. В провинции тоже существовали зародыши подобных организаций, по крайней мере и там старались сходиться и поддерживать между собою общение передовые люди, почитатели «Отечественных записок», «Современника» и вдохновителя их Белинского. Замечательно, что И. С. Аксаков, который в течение сороковых годов изъездил почти всю Россию, участвуя в разных командировках, ревизиях и исследованиях, а частью и служа в провинциальных судебных установлениях, свидетельствовал в своих письмах к родным, что на мрачном фоне тогдашней провинциальной жизни, среди тогдашнего общества, состоявшего из взяточников, мошенников, крепостников, плутов и пошлых невежд разного рода, единственными светлыми исключениями являлись эти последователи Белинского, эти почитатели и читатели передовых петербургских журналов. Славянофилы в провинции были мало известны, «Сборники» их не читались и не имели успеха. Провинциальные книгопродавцы прямо заявляли Аксакову, что они этих «сборников» не выписывают, потому что «Современник» и «Отечественные записки» их не особенно хвалят. «Н. Полевой и Белинский,— свидетельствовал тот же И. С. Аксаков несколько позднее (в 1856 г.),— имели огромное влияние на общество — вредное, дурное (конечно, с его славянофильской точки зрения), но все же громадное влияние. Много я ездил по России: имя Белинского известно каждому сколько-нибудь мыслящему юноше, всякому жаждущему свежего воздуха среди вонючего болота провинциальной жизни. Нет ни одного учителя гимназии в губернских городах, которые бы не знали наизусть письма Белинского к Гоголю; в отдаленных краях России только теперь еще проникает его влияние и увеличивает число прозелитов...»

«Мы Белинскому обязаны своим спасением, говорят мне везде молодые честные люди в провинциях... И если вам нужно,— прибавляет Аксаков,— честного человека, способного сострадать болезням и несчастьям угнетенных, честного доктора, честного следователя, который полез бы на борьбу, ищите таковых в провинции между последователями Белинского. О славянофильстве здесь, в провинции, и слыхом не слыхать, а если и слыхать, так от людей враждебных направлению...»

Эти свидетельства дороги особенно потому, что они исходят от И. С. Аксакова, который хоть и разногласил в то время с братом своим Константином, но был преданным членом славянофильской семьи и лично относился к Белинскому вполне отрицательно.

Понятно, как это передовое общество конца сороковых годов, состоявшее главным образом из последователей Белинского, зашевелилось и заволновалось при первых известиях о революции 1848 года.

Впрочем и сам Аксаков признавался, что 1848 год совершенно вышиб и его из колеи.

Бакунин и Герцен были в это время за границей и приняли непосредственное участие в грозных событиях этого года. Бакунин играл выдающуюся роль в народном восстании в Дрездене и в славянском движении, направленном против империи Габсбургов.

В петербургских кружках следили за развертывавшимися в Европе событиями с лихорадочным возбуждением. В свою очередь правительство с большой тревогой смотрело на это настроение умов передового русского общества и, несомненно, крайне преувеличивало его политическое значение и его возможные последствия. Оно тотчас же обрушилось на передовую печать. Если бы Белинский не умер в мае 1848 г., он был бы арестован, и его, несомненно, ждала не менее суровая расправа, чем та, которая постигла через год петрашевцев. На направление «Отечественных записок» и «Современника» не замедлили обратить внимание в высших сферах в самый момент получения первых тревожных известий с Запада. Первый кивок на неблагонадежность печати и университетов был сделан адмиралом кн. Меншиковым наследнику Александру Николаевичу словесно 22-го февраля 1848 г., и 27-го февраля уже был учрежден под председательством кн. Меншикова для обследования этого дела секретный комитет. Вскоре были получены более обстоятельные заявления гр. С. Г. Строганова, который был в контрах с Уваровым, и барона М. А. Корфа, который мечтал тогда сам занять место Уварова. Тогда секретный комитет по надзору за направлением печати и бдительностью цензуры был превращен в постоянное учреждение под председательством отчаянного реакционера и обскуранта гр. Д. П. Бутурлина в составе бар. Корфа и сенатора Дегая — учреждение, известное в истории русской печати и цензуры под именем мрачной памяти комитета 2-го апреля 1848 г. или «бутурлинского комитета». Над самим гр. Уваровым поставлено было, таким образом, недремлющее око, совершенно терроризовавшее цензуру. Император Николай сказал членам этого комитета, что сам он не имеет времени следить за направлением печати, но что им вполне верит и поручает просматривать уже вышедшие в свет после предварительной цензуры произведения печати и доносить ему, буде что привлечет их внимание, «а потом,— прибавил государь,— мое уже будет дело расправляться с виновными».

Комитет этот принялся не шутя за работу, и положение печати сделалось вскоре вполне невыносимым. Бутурлин до всего добирался и однажды серьезно доказывал Блудову, что необходимо вырезать несколько неуместных стихов из акафиста Покрову Богородицы, сочиненного св. Дмитрием Ростовским, где говорилось между прочим: «Радуйся, незримое укрощение владык жестоких и звероиравных... Советы неправедных князей разори; зачинающих рати погуби» и т. д.

Положение Уварова окончательно поколебалось, когда он счел нужным, хотя и очень осторожно, выступить в печати, при помощи инспирированного им профессора Давыдова, со статьей в защиту университетов,— по поводу распространившихся в публике слухов о предстоящем их закрытии. Нечего и говорить, что статья была в высшей степени скромна и благонамеренна; тем не менее Уваров получил от бутурлинского комитета официальный запрос о том, как могла она быть пропущена цензурой. Ему пришлось ответить, что она и написана по его поручению. В октябре 1849 г. Уваров, наконец, подал в отставку, убедившись, что к новому курсу примениться и он не может.

Некоторое время император Николай затруднялся в выборе ему преемника; но в январе 1850 г. товарищ министра кн. Ширинский-Шихматов представил государю записку, в которой доказывал, что в университетах преподавание должно быть поставлено таким образом, «чтобы впредь все положения и науки были основаны не на умствованиях, а на религиозных истинах в связи с богословием». «Чего же нам искать еще министра просвещения?— сказал император Николай по прочтении этой записки.— Вот он найден». И Ширинский был назначен министром. Шутники тихонько говорили по поводу назначения Ширинского-Шихматова, что это просвещению не только шах, но и мат.

Университетам, однако же, было не до шуток. «Есть с чего сойти с ума,— говорил Грановский в 1850 г.,— благо Белинскому, умершему вовремя». Действительно, уже в мае 1849 г., т. е. еще при Уварове, комплект студентов в каждом университете на всех факультетах вместе (кроме медицинского и богословского), был ограничен 300 человек. Ширинский-Шихматов, побывав в университетах, объявил, что «польза философии не доказана, а вред от нее возможен». Поэтому кафедры истории философии и метафизики были закрыты, а преподавание логики и психологии было возложено на профессоров богословия.

Цензура свирепствовала беспощадно, но комитет 2-го апреля отыскивал старые грехи отдельных цензоров, которых бесцеремонно сажали на гауптвахту, невзирая на солидный возраст, чин и профессорское звание. Так, профессору Куторге, который даже уже не был цензором, пришлось высидеть под арестом за то, что он раньше пропустил какие-то двусмысленные немецкие стихи... Следы крамолы находили не только в университетах, но даже в привилегированных учебных заведениях — в Училище правоведения и в Александровском лицее, и воспитанников этих училищ отдавали в солдаты, исключали, подвергали исправительным наказаниям. В эти годы подверглись разным карам многие писатели. Салтыков был отправлен в Вятку на службу, Тургенев за удачную попытку обойти бдительность цензуры был в 1852 г. посажен под арест в полицейскую часть. Юрий Самарин за резкие отзывы о действиях остзейской администрации был посажен на несколько дней в крепость, а Иван Аксаков, по поводу некоторых неосторожных выражений в переписке с родными (об аресте Самарина), арестован при Третьем отделении. Аресты Самарина и Аксакова кончились лично для них довольно благосклонно: назидательной личной беседой самого императора Николая с Самариным и весьма любопытными резолюциями его же на показаниях, отобранных «по пунктам» у Аксакова, причем резолюции эти заключены были кратким распоряжением кн. Орлову: «Призови, прочти, вразуми и отпусти». Но сравнительно милостивое окончание этих дел не помешало правительству после издания вполне невинного славянофильского «Сборника» 1852 г. лишить Ивана Аксакова права быть редактором каких бы то ни было изданий, а участников сборника: Константина Аксакова, Юрия Самарина, Хомякова, Кошелева и др.,— права доставлять в печать свои произведения. Гораздо строже и беспощаднее действовало правительство в это время в тех случаях, когда оно усматривало признаки явной крамолы. Это проявилось с особой резкостью в деле петрашевцев, из которых 20 человек были присуждены к каторжным работам, ссылке в Сибирь и разжалованию в солдаты, причем предварительно над всеми ими проделаны были, в видах их устрашения, все приготовления к смертной казни. А между тем в деле этом, хотя оно и именовалось заговором, не было никаких данных для вменения участникам его каких-либо действий, так что даже барон Корф, относившийся к петрашевцам чрезвычайно отрицательно, называет их дело «заговором идей». По процессу петрашевцев отправлен был в каторжные работы, между прочим, Ф. М. Достоевский. Столь же строго покарало правительство членов «Кирилло-Мефодиевского общества» в Киеве, обнаруживших федералистические стремления. В числе членов этого общества серьезно пострадали: Шевченко, Костомаров, Кулиш, Белозерский, Маркович и др.

Независимо от стеснительных и обскурантных мер, принятых по ведомству народного просвещения против печати и университетов, из реакционных мероприятий этого периода следует упомянуть еще: запрещение выезда за границу иначе, как с высочайшего соизволения, которое давалось лишь в самых редких случаях, и введение в устав о службе гражданской так называемого 3-го пункта, по которому начальству предоставлялось увольнять от службы чиновников, признанных им неблагонадежными, без следствия и суда и даже без объяснения причин, причем не принимались и жалобы на такое увольнение...

«Сердце ноет при мысли, чем мы были прежде и чем стали теперь», писал в 1853 г. Грановский Герцену.

Иван Аксаков выразил свое настроение в 1850 г. в следующих стихах, будто бы переведенных с санскритского и, конечно, не предназначавшихся для печати, а читавшихся лишь близким друзьям:

Клеймо домашнего позора
Мы носим, славные извне...
В могучем крае нет отпора,
В пространном царстве нет простора,
В родимой душно стороне...
Ее в своем безумье яром
Гнетут усердные рабы...
А мы глядим, слабеем жаром
И с каждым днем сдаемся даром,
В бесплодность веруя борьбы...
И слово правды ослабело,
И реже шепот смелых дум,

И сердце в нас одебелело,
Порывов нет, в забвеньи дело,
Спугнули мысль, стал празднен ум...

Общественная прострация и сознание своего полного бессилия перед ужасным гнетом реакции были так сильны в тогдашнем образованном обществе, что даже люди, вполне патриотически настроенные, как, например, славянофил Кошелев, признавались впоследствии, что неудачи, которые испытывали русские войска в начавшейся в 1853 г. войне с турками, не слишком их огорчали. Они замечали, напротив, что чем грознее становились внешние конъюнктуры, тем яснее чувствовалось ослабление внутреннего гнета. Вот до чего довела общество эта система обскурантизма и гнета.

Когда началась в 1853 г. война с Турцией, с самого же начала неудачная и затем чрезвычайно осложнившаяся вмешательством Англии, Франции и, наконец, Сардинии, при постоянных угрозах неблагодарной Австрии, выручeнной императором Николаем за пять лет перед тем; когда обнаружилась наша отсталость и неподготовленность к этой войне и полное отсутствие надежных и талантливых полководцев,— то самонадеянность императора Николая, так ярко выражавшаяся в 1848 г. в манифесте 14-го марта и в речи петербургскому дворянству, стала заметно падать, а гордый дух его не был способен спокойно перенести небывалое унижение...

Внешняя гроза мало-помалу делала правительство более кротким и терпеливым внутри России. Хотя до конца царствования все реакционные меры, принятые после 1848 г., формально оставались в силе, однако же люди чуткие уже в 1853 году почувствовали приближение оттепели. «Казалось,— вспоминал потом это время в своих записках А. И. Кошелев,— что из томительной, мрачной темницы мы как будто выходим, если не на свет Божий, то по крайней мере в преддверие к нему, где уже чувствуется освежающий воздух».

В обществе, и даже в наиболее консервативных кругах его, пробуждается в это время обличительное, оппозиционное настроение, и даже Погодин — тот самый Погодин, который в сороковых годах издавал с Шевыревым свой «Москвитянин»,— пишет теперь свои смелые обличительные письма, адресованные самому императору Николаю.

В начале турецкой войны Хомяков написал свое известное стихотворение «России»:

Тебя призвал на брань святую,
Тебя Господь наш полюбил...

в котором были следующие, призывавшие к покаянию строфы:

Но помни: быть орудьем Бога
Земным созданьям тяжело;
Своих рабов Он судит строго —
А на тебя, увы, как много
Грехов ужасных налегло:
В судах черна неправдой черной
И игом рабства клеймена;
Безбожной лести, лжи тлетворной
И лени мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна...

Настроение народных масс было не менее тревожно. С одной стороны, в борьбе с внешним врагом народ выказывал много мужества и даже геройского самоотвержения, с другой стороны, созванные в ополчение ратники, считая, что призыв на службу царю и отечеству освобождает их от крепостного права, тем более что и по рекрутскому уставу рекрут выключался из сословия крепостных крестьян,— отказывали в повиновении своим помещикам и чинам земской полиции, волновались и производили беспорядки.

Для многих делалось очевидным, что час крепостного права пробил и что вся существующая система неизбежно должна быть преобразована. Неизвестно, как приступил бы к этим преобразованиям Николай Павлович и приступил ли бы он к ним по окончании несчастной войны 1853—1856 годов. Он не дожил до ее окончания. Смерть освободила его от необходимости самому ликвидировать свою правительственную систему, несостоятельность которой обнаружилась ко времени его смерти с достаточной очевидностью.

* * *

Подводя итоги этому замечательному тридцатилетию, мы должны признать, что правительственная система императора Николая была одной из самых последовательных попыток осуществления идей просвещенного абсолютизма. Император Николай по своим взглядам не походил на Людовика XIV и никогда не сказал бы, как тот: «l'etat—c'est moi!»; напротив, он неоднократно высказывал, что почитает себя первым слугой государства; но воле этого первого слуги должны были безропотно подчиняться все остальные. По своим намерениям Николай гораздо больше подходит к таким представителям идеи просвещенного абсолютизма, как Иосиф II и Фридрих Великий. Он старался осуществить, как мы видим, ту самую систему, которую русским государям рекомендовал в своей записке «О древней и новой России» Карамзин, лично наставлявший императора Николая в 1825 г. И если бы Карамзин пережил царствование Николая, он должен был бы признать, что опыт осуществления его системы сделан, и вместе должен был бы убедиться, к чему эта система неизбежно приводит, притом, именно, к чему она приводит в такой обширной малонаселенной и быстро развивающейся стране, как Россия.

По идее Николая Павловича каждый губернатор должен был быть хозяином в губернии, а он, император, должен был быть хозяином в империи — таким же хозяином, каким был Фридрих Великий в своей относительно маленькой Пруссии, где он мог знать, как живет и работает почти каждый крестьянин.

Уже вследствие одной обширности Российской империи и по относительному ничтожеству средств, которыми располагало правительство при Николае, при всей кажущейся полноте его власти,— такая задача являлась несомненной химерой. Блистательной иллюстрацией бессилия бюрократической администрации служит знаменитый рассказ о неисполненном высочайшем повелении по одному делу, несмотря на 23 подтверждения. Чем слабее и ненадежнее были средства, тем грубее были формы проявления власти и тем разительнее ее злоупотребления. Лучшие министры николаевского царствования — Канкрин и Киселев — особенно напоминают деятелей эпохи просвещенного абсолютизма; большая часть остальных его сотрудников, особенно те, с которыми он работал в последние годы царствования,— бездарные люди, часто своекорыстные и лживые холопы, без всяких определенных убеждений и взглядов.

Между тем эпоха, в которую императору Николаю пришлось царствовать, была, как мы видели, одна из важнейших эпох развития и созревания народной жизни в России. Быстрое уплотнение населения в центральных черноземных губерниях, разрушение прежних основ и устоев помещичьего крепостного хозяйства после наполеоновских войн, обострение антагонизма между крепостными и их помещиками, новые требования и нужды промышленности и торговли в связи с изменившимися мировыми конъюнктурами — все это ставило перед правительством ряд трудных государственных задач, требовавших для своего разрешения не только наличности выдающихся государственных людей, но и широкого участия всей интеллигенции страны и быстрого и свободного роста материальной культуры в стране. Всему этому препятствовала та административная система, которая последовательно развивалась crescendo в продолжение всего царствования Николая.

Язвы России, обнаружившиеся во время крымской кампании, сделались для всех так очевидны, что наступление эпохи реформ стало неизбежным. Осуществление этих преобразований выпало на долю императора Александра II.

ВАСИЛИЙ ПЕСКОВ

КУПЕЦ ИЗ РЫЛЬСКА

КАК ОТКРЫВАЛИ АЛЯСКУ

В молодости, попав в старинный маленький городок Рыльск, я, помню, стоял у памятника какому-то мореходу. Камзол, треугольная шляпа, башмаки с большими пряжками. В руках у моряка — подзорная труба и шпага. Местный музей был закрыт, и я запомнил только фамилию — Шелихов. Позже узнал: памятник, установленный в самом начале века, в 1933 году был порушен — «долой купцов!», а в 1957 году отлит заново. Пятью годами позже именем купца-морехода назван новый город в Сибири. На картах Тихого океана вы обнаружите залив и пролив Шелихова. Прикоснувшись к истории Русской Америки, я обнаружил: купец из Рыльска стоит в первом ряду исследователей этой земли.

Вернемся к первым годам после плавания Беринга и Чирикова (1741). В Петербурге изучали отчеты их экспедиции. На карты атласов клали пути до открытой, но все еще таинственной земли. Между тем в Охотске, в Петропавловске на Камчатке, близко стоявших к этой земле, вскипали страсти, в которых географию сильно опережала коммерция. Дело в том, что вместе с известием об открытии земли Америки с ее островов моряки-разведчики привезли вести о богатстве прибрежных вод. И главной ценностью были «морские бобры», как называли тогда каланов.

Следует кратко хотя бы сказать об этом животном, чтобы понять, почему жизнь вдруг стремительно завертелась «вокруг бобра». Этот зверь (морская выдра) обладает мехом, доныне принятом за эталон прочности и красоты. В отличие от прочих морских зверей, калан сохраняет тепло не слоем подкожного жира, а очень густым подшерстком («если дунуть, то кожи не увидать» — так густо расположены волоски). Этот мех едва не стал причиной полного исчезновения выдры — в последние годы промысла добывали уже одного-двух каланов. Сейчас животные под охраной, число их, хотя и медленно, но все же растет. В те же далекие годы человек пока лишь дотронулся до богатства, хранимого океаном. То, что удавалось добыть, ценилось дорого. В маленьком пограничном городке Кяхта (шестьсот верст от Иркутска), куда съезжались купцы российские и китайские, через торговые руки проходило много товаров. Наибольшую ценность для китайцев имели меха, для русских — чай. За шкуру калана китайцы платили цену, равную годовому жалованью средней руки чиновника в Петербурге.

И вот обнаружилось: «морские бобры» в изобилии водятся там, откуда приплыли открыватели новой земли. Спутники Беринга, похоронив на безлюдном острове своих товарищей, в Петропавловск вернулись в лохмотьях и беззубыми от цинги, но не бедными. Каждый привез драгоценные шкуры бобров. Натуралист Георг Стеллер, как пишут историки, добыл 600 шкурок. На жителей Петропавловска и Охотска это подействовало так же, как позже, во времена Джека Лондона, всполошила людей находка золота на Клондайке. Немедленно стали снаряжаться суда «за бобрами». Первым «мехоискателем» оказался сержант Емельян Басов. На небольшом, на скорую руку построенном «шитике», с командой, в которую были приглашены двое участников плаванья Беринга, летом 1743 года Басов поплыл к недальнему острову и на пятые сутки его достиг.

Добыча маленькой группы охотников еще больше всех взбудоражила — 1200 бобров и 4000 котиков на сумму 64 тысячи рублей! Богатство огромное, если вспомнить: Беринг на Вторую Камчатскую экспедицию запросил десять тысяч рублей.

Был успешным и второй «вояж» Басова. Стоимость добытых шкур почти удвоилась — 120 тысяч! И теперь уже одно за другим снаряжались суда, сколачивались команды, складывались капиталы купцов, вербовались «добрые мореходы». «Меховая горячка» охватила океанское побережье. Жажда добычи собирала тут разных людей — сметливых предпринимателей, бесшабашных авантюристов, трезвых любознательных мореходов и отчаянных пьяниц. Многих из них поглотил океан, другие умерли от цинги и от голода на открываемых один за другим островах, гибли в стычках с аборигенами, разорялись в жестокой конкуренции друг с другом. Но риск окупался. Вылазки в океан многих сделали очень богатыми.

Побочным продуктом меховой лихорадки были исследования. Каждое судно привозило какую-то новость об островах. Коммерция не обо всем позволяла распространяться, но невозможно было

и все утаить. За двадцать лет после Беринга Алеутская цепь островов была промышленниками обнаружена и с разной степенью точности нанесена на карту. Некоторые острова были обследованы. На одних обнаружены «горелые сопки» (вулканы) и «горячие ключи, в коих можно мясо сварить», на других — сера и «уповательно полезные руды». Ефим Басов на острове Беринга пригляделся к животным и сообщал: открытая Стеллером «морская корова» множество людей прокормить может. (Не молоком, разумеется, — мясом, что и стало причиной ее истребления. Через тридцать лет ни одной не осталось.) На острове, названном Медным, Ефим Басов обнаружил самородный металл и так открытием был увлечен, что промысел зверя забросил, решив разрабатывать медь. Но ошибся. Промышленных ее запасов на острове не было. Ефим, однако, упрямо верил: есть! Поиски и хожденья по канцеляриям разорили богатейшего человека Камчатки. Для покрытия своих расходов бывший сержант решился чеканить фальшивые деньги. Попался. Был бит кнутом. И умер на Нерчинской каторге. Это всего лишь одна судьба в калейдоскопе счастливых и гибельных начинаний на берегу «Тихого моря». Между тем, «шитики» и более серьезные корабли зверобоев все ближе подбирались к «матерой земле» Америке.

А далеко от этих мест в глубинь-городке Рыльске в отцовской лавке постигал азы коммерции мальчик — будущий купец-мореход Григорий Шелихов. К двадцати пяти годам он понял: поприще лавочника в маленьком лесостепном городке — удел не очень счастливый. Оглядываясь назад с полпути жизни, он скажет: решение покинуть Рыльск питалось мыслью «быть предкам своим подражателем». А у предков были заслуги перед царем и Отечеством — в доме хранился ковш, принятый в дар будто бы из рук Петра I.

И вот мы видим молодого рыльчанина уже в Иркутске. Этот город, лежавший на перекрестке торговых путей из Сибири и океанского побережья в Кяхту, магнитом тянул к себе искавших «фарта» (удачи) людей. Без телеграфа и радио по всем уголкам громадного государства распространялась молва о невиданных барышах, «стяжаемых» здесь.

Начал Шелихов скромно — определился служить приказчиком у купца. И немного понадобилось времени ему осмотреться, понять: за богатством надо двигаться к океану. Поездка в Охотск убедила в верности этой мысли, а женитьба на молодой овдовевшей купчихе в Иркутске дала ему в руки, предполагают, значительный капитал. Распорядился богатством он мудро, в соответствии с принципом «не клади все яйца в одну корзину». Снаряжая по несколько кораблей-зверобоев, Шелихов был застрахован от разоренья — неудача одного плавания перекрывалась успехом другого. Но это был человек и удачливый. И в первую очередь потому, что смотрел на мир широко, богатство видел не только в добытой и выгодно сбытой пушнине, но и в знаниях, привозимых из каждого плаванья. Заключая сделки с промышленниками, он составлял инструкции наблюдать за погодой, за всем, что подстерегает корабли в плавании, за животными и растениями, просил искать минералы, приглядываться к жизни людей на землях незнаемых. Он помещал на суда людей, которым только этим предписывал заниматься, и жадно расспрашивал всех вернувшихся с промыслов.

Сегодня мы назвали бы Шелихова хорошо информированным деловым человеком. Таковым он и был, намного опередив своих конкурентов. Он и на положение свое — купца — смотрел иначе, чем все. Он презирал бороды и поддевки, водил знакомства и дружбу с учеными. В Иркутске его собеседником часто бывал опальный, сосланный сюда Радищев. Не жалел денег даровитый, цивилизованный негоциант, носивший расшитый камзол и белый парик, на книги и карты-атласы. Сам овладел наукой мореходства. Имел представление о сложившихся и вновь открытых путях на земле по суху и по водам. Понимал механизм политики. И был он, к тому же, вынослив, общителен с людьми, «много наперед видел», и потому обходил конкурентов, вызывая их зависть и неприязнь.

Определяя приоритет интересов, Шелихов перестает посылать корабли на Курилы и обращает лицо к Америке. Но и тут он решает идти не привычным путем; сорвать свой куш и уплыть — противно его натуре. «Отысканная Берингом земля» его занимала уже как возможная часть Российского государства или хотя бы его колония с поселением россиян, защищенная российским флагом и флотом.

К рассуждению таким образом побуждал лихорадочный интерес других государств к земле, открытой русскими мореходами. В 1778 году, незадолго до гибели на Гаваях, на двух кораблях к Аляске наведался англичанин Джеймс Кук. Уже поднимали паруса на своих голиотах испанцы, и даже французы искали свой интерес в этом углу Тихого океана. «Утвердиться там, где русские прошли первыми»,— это были мысли уровня государственного. Получив одобрение их у друзей и у власти в Иркутске, Шелихов энергично берется за снаряжение к берегам Америки доселе не виданной экспедиции.

Построены три голиота — «Святой Михаил», «Святой Семион», «Три Святителя». Трюмы их, как обычно, готовы были принять добычу охотников за морским зверем, но впервые лежало в них «житейское снаряжение» — строительные материалы, кузнечные и плотницкие инструменты, семена полевых и огородных растений, и было на кораблях более сотни «работных людей», пожелавших по договору «пять лет жить в Америке».

Экспедицию Григорий Шелихов решил возглавить сам. И совсем уже необычное: разделить с мужем все тяготы предприятия и опасности путешествия пожелала его жена Наталья Алексеевна с двумя детьми. А ведь океан, измотавший экспедицию Беринга, добрее не стал. Рисковавших тут плавать штормы топили, выкидывали на скалы, люди, оказавшись во власти стихии, заболевали цингой, страдая от жажды, «держали во рту свинец», «обувь варили и в пищу употребляли». Наталья Алексеевна, осведомленная в делах мужа, все это знала, конечно, и все же смело ступила на палубу «Трех Святителей».

16 августа 1784 года три парусника от охотского побережья взяли курс на восток. Целью был остров Кодьяк.

Путешествуя по Аляске, я, конечно, добрался на этот остров. Была заветная мысль: разыскать местечко, где высадились первые русские поселенцы. Мне сказали, что там сейчас нет ничего — море и камни. И все же хотелось хоть постоять на том месте. Но как добраться? Морем? Нужен катер, да и сколько времени это займет! Выручил офицер береговой службы Кодьяка, знакомый мне Том Саинт. Он сказал: «Василий, в распоряжении моего друга вертолет, за который платит компания «Экссон». Он контролирует чистку Кодьяка от нефти. Какая разница — куда вертолету лететь...»

И вот с переводчиком Андреем Клименко мы облачаемся в ярко-красные надувные комбинезоны. Если придется сесть на море — не потонем и не замерзнем. На пилоте Вальтере Фрише такое же одеяние. Летит еще с нами добродушный великан Фрэд Байрос, которому

нефть до смерти уже надоела, и он не скрывает радости поискать с журналистами Старую Гавань.

Летим над островом. Он изумрудно-зеленый. Края изрезаны бухтами и заливами. Скалистые островки, тоже с зелеными шапками, роятся около острова-патриарха. На отмелях греются сивучи, в другом месте видим белые кости кита. Синь моря и зелень берега! Ни в каком другом месте Земли не видел я такой пронизанной солнцем травяной свежести. На северных складках гор островками темнеет лес. Он густо-зеленый, на фоне изумрудного покрывала.

Видно в лесу оленей. Они лежат. И низко пролетающий вертолет заставляет их лишь проводить его поворотом головы. Мелкие речки прозрачны, и видно, как на нерест идет рыба. Какая-то ферма... Брошенный рыбный завод...

Садимся в поселке Старая Гавань. Он назван в честь не существующего теперь первого русского поселения. Поселок, приютившийся у подножия горы, двадцать пять лет назад слизнула волна цунами. «Подчистую. Как будто ничего не было. Только церковь осталась». Православная, белая с голубой кровлей церковь стоит чуть выше поселка, и это ее сохранило. Люди тоже остались живы. Волна цунами — следствие землетрясения. После толчка люди вбежали на гору и видели гибель своих жилищ. Поселок выстроен заново. Живут в нем рыболовы и рыбаки — около трехсот человек. Большинство — потомки людей, приплывших сюда два столетия назад. Фамилии: Пестерков, Миловидов, Ларионов...

О нашем прилете поселок известили по радио, и в «сельсовет» поглядеть на «казака» (на меня, то есть), прилетевшего из Москвы, собрались любопытные. Цель моего визита всем очень понравилась. Пять лет назад тут отмечали круглую дату — 200-летие первого на Аляске русского поселения. По этому случаю было богослуженье с застольем и памятными подарками, помеченными датами «1784—1984». На мой вопрос — а известно ли точно место, где был поселок? — все шумно заговорили: «Да! Да! Мы там поставили памятный крест». На большой карте мне уверенно показали, где было селение.

Проводить нас взялся приветливый, небольшого роста креол Карл Крисченсен, имеющий в своей родословной эскимосско-русско-датские корни. Карл с удовольствием назвал мне десятка четыре русских слов, застрявших в языке местных жителей,— лопатка, пилак, перица, мукак, петрушка, курича... За каждым из этих слов стояли подробно-

сти жизни, пустившей росток тут в августе 1784 года...

Делаем круг над поселком, над церковью и кладбищем, поросшим шиповником, иван-чаем, ромашкой, и летим к тому месту, где два столетия назад сошли на берег первые русские поселенцы Аляски. Летим над водою, но зеленеют справа и слева дикие живописные горы. За двести лет в облике этих мест ничего не могло измениться. Шелихов, стоя на мостике корабля, видел то же самое, что видим мы и сейчас. Низкая облачность, но в щели между лиловыми космами туч, как в храме, сверху — полосы света. Вода от них чешуйчато серебрится. И очень легко представить на этой воде парусник, идущий в залив под сырым свежим ветром. По названию главного корабля место в южной части острова Шелихов назвал заливом Трех Святителей. Так залив и сейчас называется.

Вертолет наш садится на каменистой полоске берега между горою и морем. Тишина. Пахнет водорослями. Куличек тычет клювом в прибрежный мусор. «Тут на косе был поселок. Крест мы поставили чуть-чуть повыше, чтобы не смыло и чтобы видно было издалека»,— объясняет Карл.

Мы походили возле креста, поддевая ботинками мелкие камни в наивной надежде обнаружить железку, черепок, пуговицу или монету. Но не нашли. Стеною жирной осоки обозначена линия, куда даже в бурю не приливает морская вода. Осока шелестит и гнется под ветром. Далее — крутизна безлесных зелено-бархатных гор. Не будь креста — не догадаться о месте той давней высадки.

Знают ли мои спутники что-либо о том августе двухсотлетней давности? Нет, ничего. Да и я мало что знал о рыльском купце. Но, собираясь сюда, на Аляску, я кое-что прочитал и теперь могу рассказать моим спутникам — почему этот крест, почему надо было сюда прилететь. Получилась недлинная лекция. Но не экран с картинками был перед нами, а живые свидетели давних событий — молчаливые горы вокруг, скала, торчащая из воды,— приметный знак для вхождения сюда с моря, и так же, наверное, шуршала в то лето осока, и кулички пробегали по отмели.

— Представьте, вот тут проходят два голиота под парусами, вот тут, возможно, бросили якоря. Сошел на землю глава экспедиции. А на этой плоской горе недружелюбно наблюдали за высадкой коренные кодьякцы. Среди них была, возможно, молодая прапрапрабабушка Карла,— повернулся я к нашему провожатому...

О событиях того лета рассказать следует чуть подробнее, чем в «лекции» около вертолета. Три больших парусника, снаряженные сюда Шелиховым, претерпели в пути обычные в этих местах злоключения — в бурю потеряли друг друга. Шелихов с одним кораблем зимовал на острове Беринга. Допуская, что два других корабля погибли, Шелихов с командой и частью «работных людей» решил все же следовать на Кодьяк. Улыбка судьбы — встреча у острова Уналашки голиота «Святой Семион». Корабль невредим и готов к продолжению экспедиции...

Два больших парусника увидели аборигены Кодьяка в заливе. Это были уже не первые гости на остров. И «коняги» — так называли русские зверобои эскимосов Кодьяка — решили поступить, как всегда поступали — боем прогнать пришельцев.

Как поладить с воинственно настроенными «конягами»? Рискуя разделить участь Магеллана и Кука, Шелихов лично сам с толмачом отправился на переговоры, «прося дружбу» и обещая ее со своей стороны. К месту высадки вернулся Шелихов озабоченный — предложение дружелюбия не было принято, и надо было готовиться к стычке. Силы были неравные. Русских — 130, кодьякцев — несколько тысяч. В записках Шелихова находим: «12 августа в самую полночь на нас напали с такой жестокостью, что можно было помыслить, что совершенно достигнут дикие сии своего намерения [всех истребить], что и действительно бы им учинить то было нетрудно, если бы мы немные были осторожны и больше боязливы. Очевидная смерть подала нам бодрость... Сражение продолжалось с четверть часа».

В эту ночь и в последующих стычках дело решили ружья и пушки. Но Шелихов понимал: не этими средствами может он утвердиться на острове. Подарки, «ласковость», посвящение «конягов» в образ жизни возникшего на берегу залива сельца, обмен продуктов и товаров на шкуры почел он главным своим оружием.

Пожар нетерпимости к «белым людям» был постепенно погашен. Кодьякцы с любопытством стали посещать основанные русскими поселенья («а ребятишки не хотели из них уходить»). И меньше чем через год мы видим: «коняги» в отряде промышленников и исследователей отправляются на байдарках к «матерой земле Америке». Любопытна пропорция людей в отряде: русских —52, кодьякцев —110. Вместе добывали морского зверя, ловили рыбу, строили в новых местах избы на зиму.

Это было началом колонизации Северо-Западной части Америки. Как видим, не обошлось сначала без пороха. И позже случались кровавые стычки в местах, куда колонисты начали проникать. И все же тут не было жестокостей, испытанных индейцами южных частей Америки. Русские, как и в Сибири, скоро нашли с коренными американцами общий язык — перенимали у них все полезное для обитания в этих местах и делились своим опытом жизни. В этом была продуманная Шелиховым единственно верная линия поведения колонистов. «Я показывал им [туземцам] способность и выгоды российских домов, платья и употребления пищи, они видели труды моих работных, когда они копали землю в огороде... по созреванию плодов я велел им оные раздавать...» «Таким образом приобрел я к себе от них столь же великое благорасположение, что они наконец все назвали меня своим отцом». Современники Шелихова отмечают: была у купца слабость похвастать своими делами. Наверное, и тут было не так уж все безмятежно, как он записал. И все же успех его миссии был впечатляющим. Русские закрепились в Америке, имея численность во много раз меньшую местного населения.

Готовясь к отплытию из Америки, Шелихов предложил: не хочет ли кто путешествовать к россиянам? «Сорок человек обоего полу захотели... И все оные выехали со мною в Охотск, из коих 15 приехали в Иркутск, а... с возвратным отправлением судна моего, быв одеты и одарены, возвратились». Легко представить: это были уже люди, готовые жить с русскими бок о бок.

Конечно, рыльский купец блюл и личные свои интересы. Добыча его зверобоев была велика. Но мыслил и действовал он как человек масштаба государственного. За три года пребывания в Америке Шелихов много плавал сам и постоянно давал поручения капитанам своих судов и предводителям шлюпочных экспедиций обследовать и обживать здешние земли. Капитанам предписывалось наносить на карты береговую линию, проведывать устья рек, текущих с «матерой земли», искать строевой лес для шлюпок и крепостей, проведывать о зверях и птицах, заводить дружбу с вождями местных племен и оставлять следы своих посещений — «по берегам ставить кресты и закладывать в землю обломки черепичные, кору березовую и уголья». В особо приметных местах капитаны по указанию Шелихова зарывали в землю литые железные доски с медными гербами и надписью «Земля Российского владения». Делалось это на случай спорных вопросов, кто первым эти земли открыл и обследовал.

Собираясь отплыть в Охотск, поселенцам (163 человека), рассредоточенным по побережью, Шелихов оставил много устных и письменных наставлений по обустройству жизни, по охоте и наблюдениям за природой и, главное, по отношению к аборигенам.

Удача покровительствовала мудрому энергичному предпринимателю. В день, когда голиот «Три Святителя» поднял паруса к дому, появился третий, потерянный в первый год плаванья корабль «Святой Михаил». Шелихов сейчас же направился к нему в шлюпке и, расспросив о злоключениях корабля, сменил неумелого капитана и дал наставления, где, с какими целями плавать и что проведывать двум судам, пока на третьем он, Шелихов, отбудет с вестями и грузом на Родину.

Глядя на парадный портрет купца-морехода, в камзоле и пудреном парике, с трудом представляешь его в походных условиях, при бытовых неустройствах и каждодневных опасностях. Вот, к примеру, каким было его триумфальное возвращение из экспедиции. Двенадцать русских болели цингой, и почти все матросские обязанности исполняли «американцы», которые «из любопытства» согласились плыть в Охотск. У юго-западных берегов Камчатки Шелихов на байдаре решил сходить на берег за свежей рыбой. Поднявшийся ветер сорвал голиот с якоря, и он принужден был идти в Охотск без хозяина. Жену, детей, «американцев» и добытые за морем дорогие меха уносил ветер. А что же глава экспедиции? Он по суху пересек полуостров и, прибыв в Петропавловск, не упустил возможность заключить торговую сделку с приплывшими сюда англичанами. «Всего товару, принятого мною, на 6611 рублей; в то число я им заплатил 1000 рублей, а в достальных дал вексель... заплатить в Москве с шестью процентами на год». Тут же на Камчатке в Большерецке «все покупные мною у англичан товары продал готемским купцам... барыша... получил по 50 копеек на рубль». Таков был купец.

А как же добирался он до Охотска без корабля? По суху! Проследим мысленно этот путь вдоль всего побережья Камчатки на север, потом в обход залива, названного позже именем Шелихова, движение вниз, вниз на юг, мимо нынешнего Магадана в Охотск — сотни километров на лошадях, на собаках. «Зима... при самых жестоких северных ветрах, была до чрезмерности холодная... Пурги такие нередко на пустых местах захватывали, что ехать способу никакого... спасались... лежанием в снегу по два, по три и по пять дней, не сходя с места, без воды и не варя пищи. Для утоления жажды, за невозможностью развести огня, употребляли снег, а вместо пищи — сухари или юколу, лежавши в снегу, грызли»,— читаем в записках человека, чье детство и юность прошли в соловьиных курских местах.

27 января 1787 года Шелихов добрался в Охотск и узнал с радостью: корабль и пассажиры его прибыли сюда ранее. А через одиннадцать дней Шелихов снова в пути (уже с женой и детьми) на собаках, на оленях, на лошадях: Якутск, Иркутск. И потом поспешил в Петербург — доложить об увиденном и проведанном.

Ехал в Петербург Шелихов с сознанием человека, сделавшего нечто важное для Отечества. Шел двадцать шестой год правления Екатерины II. Шелихов с компаньоном подал ей не только отчет «о проведанном в дальних краях», но и просьбу в содействии укрепиться на тех рубежах. Просили купцы о монопольной добыче мехов, справедливо полагая, что «состязательный» промысел ведет к разграблению «натуры» (природы). Просили купцы о разрешении использовать офицеров флота на службе создаваемой ими Компании для защиты всех начинаний в Америке, а также 200 тысяч рублей в долг без процентов на двадцать лет. «С умом, свойственным государственному человеку, он [Шелихов] главнейшей целью имел упрочить для отечества занятые острова, привести обитателей их в государство России, завести оседлости, где только возможно, и потом уже заботиться о собственных выгодах и приобретениях новых сокровищ в странах отдаленных»,— напишет позже один из правителей Русской Америки Кирилл Хлебников.

Но правительница России реагировала на прошение неблагосклонно. Отказала по всем трем пунктам. Что было тому причиной? Не так доложили, не в настроение попали? Текущая озабоченность войной с Турцией и нежелание разозлить еще Англию? Недоверие к купчишкам? Глубокое предвидение последствий? Возможно, все вместе. Наиболее резко отозвалась Екатерина на просьбу о деньгах. Было и «сумление» у царицы: «нихто тамо на месте не освидетельствовал их затеек». И вообще она была против приобретений на Дальнем Востоке. «Многое распространение в Тихом море не принесет твердых польз. Торговать дело иное, а владеть дело другое».

Что сказать на это, когда мы знаем теперь: Аляска была продана? Далеко, мол, глядела «умная баба». Однако и Шелихову не откажешь в «государственном взгляде» на дела его времени. По документам, по отголоскам общественного мнения тех лет мы чувствуем: согласны с Шелиховым были многие, исключая, конечно, купцов-конкурентов, жаждавших только скорой и легкой добычи. И в те же годы «глухое неодобрение» точки зрения императрицы на освоение дальних земель обратилось позже в молву, живущую и поныне: «Аляска продана Екатериной».

Обескураженный и огорченный уезжал Шелихов с компаньоном из Петербурга. Дары царицы — именная шпага, золотая медаль и грамота — были неравноценны несомненным его заслугам и планам. Однако не отступился купец от задуманного. Поддержанный губернатором Иркутска, он снова снаряжает суда в Америку. Везет мастеров для кузни и верфи, разные инструменты, книги, картины, европейское платье, посуду, семена огородных растений и злаков, скотину, домашних птиц и всякую утварь. Пишет инструкции, как продолжать дело. Приглашает в колонию служителей церкви. Возвращает на Родину «экскурсантов-аборигенов», ищет толковых администраторов для колонии. Жаждет новых плаваний и открытий.

Шелихов знает вкус прибыли, но ему претит «соревновательное разграбление» открытых земель. Не нарушая волю царицы — «неприятие монополии», Шелихов прилагает много усилий для создания большой акционерной компании, приглашает в нее на паях всех, кто хочет войти, лишь бы действовать планомерно, обдуманно, с «загадкою наперед».

После смерти Екатерины сын ее Павел усмотрел разумным создание коммерческого союза (будущая Российско-Американская Компания) для распространения русского влияния на Тихом океане и в северной части Америки. Но высочайший указ (1797 г.) в живых Григория Шелихова не застал. Купец-мореход умер двумя годами раньше в Иркутске в возрасте 48 лет... Свеча, горевшая с двух концов,— говорим мы о жизнях коротких, но напряженных и ярких, положивших начало всему, что названо было позже Русской Америкой, всему, что на Аляске сегодня называют «периодом Русской истории».

Имя Шелихова не затерялось во времени и еще по одной важной причине. Был он зорким и жадным наблюдателем в странствиях и, к счастью нашему, находил время «положить наблюдения на бумагу». При жизни его, в 1791 году, петербургский издатель Василий Сопиков издал книжку, коя, как бы сказали сегодня, мгновенно стала бестселлером. Название книжки, в духе тех лет, было длинным, а коротко — «Российского купца Григория Шелихова странствования». К открытиям на Земле интерес у читателей был велик во все времена. Книга Кука в те годы переводилась

и раскупалась мгновенно. И вдруг: «свой Кук» — свидетельство очевидца о доселе неведомых землях Америки. Книга стала ходить по рукам. Потребовалось новое издание. Трижды за один год, следуя спросу, ее напечатали в переводе на немецкий язык, потом на английский. Грамотная Россия и гости ее с любопытством внимали рассказу купца-морехода. «Странствования» с восторгом прочел Державин, сразу назвавший Шелихова «Российским Колумбом». Можно предположить: книгу со вниманием читала Екатерина. Больно задетый ее недоверием, Шелихов мог чувствовать себя победителем.

Одновременно он терзался, книга привлекала интерес иностранцев к Российским владениям.

Многие годы заметки Шелихова служили справочной книгой для моряков, ходивших в северных водах Тихого океана. Интересно и нам сегодня заглянуть в книжку. Любопытен ее язык — памятник уже далеких теперь времен. И ценность главная — информация. Это были самые первые вести об изначальной Аляске.

«Острова, лежащие около американских берегов...каменистые и преисполненные гор, но притом есть хорошие и годные к хлебопашеству земли, в чем я и сам опытами удостоверился, сеяв ячмень, просу, горох, бобы, тыквы, морковь, горчицу, свеклу, картофель, репу и ревень. Все родилось наилучшим образом, кроме что проса... Для сенокосов удобных луговых мест и трав годных довольно, а по местам скоту и всю зиму можно жить без сена. Больших лесов не видел, а малых весьма много». Далее Шелихов поясняет, из чего состоит лес: ольха, топольник, березняк, рябина и ельник. «Есть там ягоды: малина, голубица, черница, морошка, брусника, калина, клюква и кияженика — в довольном изобилии».

«Птицы там водятся: гуси, утки разных родов, вороны, галки... сороки, сии криком своим мало походят на известных в России сего рода птиц, а вместо того очень не худо поют, но весьма тихо и почти как снегири. Есть чайки, журавли, цапли, кулики... Морские звери: бобры, сивучи, киты, нерпы. Речные: выдра, бобры; земные [звери] разных родов: лисицы, волки, медведи, горностаи, олени, соболи, зайцы, россомахи, рыси, тарбаганы, евражки, дикие бараны и ежи отменного рода [древесные дикобразы]. Рыбы ловятся из морских: палтусы, треска, сельди; проходящие в речки: чавыча, кета, нярки, гольцы... каракатица и странного рода раки [крабы]».

«Коняги — люди рослые, здоровы, дородны, больше круглолицы... Мужчины, женщины и девки средний хрящ в носу прокалывают, также искалывают все уши и нижнюю губу... У каждого мужчины нижняя губа прорезана и чрез то с первого взгляда показываются так, как с двумя ртами. В сделанную в среднем хрящу носа дыру вкладывают длинную кость, а у кого есть бисер и корольки [крупные бусы], те привешивают оные к ушам, к губе и к носу, почитая то за самую лучшую вещь и украшение... Ходят босые, а дома и совсем нагие, только что спереди опоясываются каким ни есть звериным лоскутком или цветами и травою».

«О свадьбах их я ничего не знаю, не могу также и о новорожденных ничего сказать, кроме что таковым даются имена по первой с кем встрече, хотя бы какого зверя, птицы и другого тому подобного... Жен по многу не имеют, у редкого есть две; напротив того, хорошие и проворные женщины держат по два и по три мужа, и в том никакой ревности между мужьями нет, но еще живут дружески».

«Общих болезней у них нет, кроме примеченной венерической, а оспы совсем не знают, и никогда там оной не бывало; люди сложения весьма крепкого и живут до ста лет».

«Живут в землянках, имеющих стены, обитые досками; окна наверху; оконницы делают из кишок и пузырей разных животных... из таких же землянок и бани их состоят, в коих парятся травою и березовыми вениками... Кухня у них общая... Впрочем, жизнь их есть разбойническая: кто чаще, больше и удачнее украсть что успеет, тот через сие большую похвалу заслуживает».

«Рыбу удят на море удами костяными, поводки при удах длинные из засушенной морской капусты, ибо одна стебель капустная бывает сажен по сорок и более... В заливах и бухтах морских красную рыбу стрелками убивают... когда оная из воды мечется. Огонь добывают трением из дерева; освещаются зажженным в каменных посудах жиром тюленьим, медвежьим, сивучьим, кетовым и котовым, полагая туда травяные фитили».

«Приезжающих гостей встречают, вымаравшись красною краскою, и в лучшем их наряде, колотя в бубны и производя пляску, имея в руках военные оружия... Гостей из байдар относят на своих спинах... [За угощением] все молчат до тех пор, пока напьются и наедятся... Соль им неизвестна».

«В немалом у них употреблении колдовство и шаманство... В крови имеют удивительную горячность, что можно ощущать, подойдя ко всякому из тамошних жителей, а особливо женщины кажутся пылающими. От природы хитры и предприимчивы; в обидах мстительны и злобны, хотя с виду кажутся и тихими... Народ вообще веселого и беспечного свойства... Домашнее их хозяйство в крайнем небрежении... и оттого часто голод и наготу терпеть принуждены бывают».

Эти краткие извлечения из «Странствий» и сегодня читаются с интересом. Во времена же Державина, Радищева и Пушкина Записки Шелихова были подобны вестям с Луны. Рожденного в Рыльске купца они прославили не меньше, чем открытые и к обустройству определенные им земли, получившие название Русской Америки.

ВИКТОР БОНДАРЕВ

Лабиринт без выхода

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ, ВОПЛОТИВШИЙ ВЕКОВЫЕ МЕЧТЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА О ЦАРСТВЕ СПРАВЕДЛИВОСТИ, ВПОЛНЕ УДАЛСЯ

Скажем сразу: мы не собираемся разоблачать социализм, ни тем более его защищать. История все расставила по своим местам и вынесла свой приговор, который, будем надеяться, обжалованию не подлежит. Это, однако, не снимает с нас обязанности трезво и объективно разобраться в недавнем прошлом. Произошедшие после 1917 года в России события нередко называют экспериментом. А почему бы, действительно, не рассмотреть все случившееся как эксперимент, который дал ответы на многие волновавшие человечество вопросы?

Идеи коммунизма начинаются не с Маркса — им как минимум две тысячи лет. Еще Платон разработал свою версию государственного и экономического устройства, по которой в обществе нет места частной собственности. Аристотель, анализируя его проекты, писал: «Но если бы даже кто-нибудь установил умеренную собственность для всех, пользы от этого не было бы никакой, потому что скорее уж следует уравнивать человеческие вожделения, а не собственность». Или: «Справедливость требует указать не только на то, какие отрицательные стороны исчезнут, если собственность будет общей, но и на то, какие положительные свойства будут при этом уничтожены; на наш взгляд, само существование окажется совершенно невозможным». Как известно, Платон даже попробовал провести первый коммунистический эксперимент, который закончился плачевно для него самого — его продали в рабство. Две тысячи лет человечество благоразумно отвергало коммунистические проекты, но вот в XX веке идея «счастливого будущего» все же прошла полноценную и широкомасштабную апробацию.

Какие принципы экономической организации — а экономика занимает центральное место в коммунистической доктрине — предполагает это учение? По сути, их всего два. Во-первых, экономическое равенство людей, следствием которого является отказ от материальной заинтересованности в результатах труда. Второй принцип, логично связанный с первым,— организация хозяйства на основе знания, науки. Маркс дал и упрощенную характеристику нового уклада, сведя все к отрицанию частной собственности при коммунизме. Впрочем, задолго до него Томас Мор также упразднял частную собственность в идеальном государстве. Отсюда вытекало и упразднение денег, товарного производства и даже разделения труда.

К 1917 году большевики подошли, не имея никакого проекта или даже модели социалистической экономики. Те теоретические положения, которые можно было извлечь из трудов «основоположников», представляли в лучшем случае несколько взаимоувязанных принципов. Ленин в эмиграции писал философские трактаты, разоблачал монополии, занимался партийными склоками и поразительно мало думал о будущем. (Основные надежды, как и теперь, связывались с помощью Запада. Правда, сейчас мы уповаем на кредиты, а тогда большевики ожидали мировую революцию.)

Итак, отметим существенную сторону коммунистического эксперимента: те, кто его устраивал, не имели четкого плана действий, не имели «проекта». В исходных построениях у них было единственное вето — запрещалась частная собственность. Сейчас можно говорить об авантюризме и безрассудстве большевиков, но в данном случае следует подчеркнуть другое: отсутствие проекта, «чертежей», с которыми можно было бы сравнивать построенное, открывало возможности для широкого экспериментирования, перебора различных вариантов. Можно сказать, что большевикам, в отличие от их многочисленных последователей в других странах, повезло: они не были связаны готовой схемой.

Только когда стала явной возможность победы революции, Ленин в шалаше на скорую руку начинает сочинять основы будущего государственного и экономического устройства. За основу берется Парижская Коммуна, прусский государственный сектор экономики, организация крупных монополий и высказывания Энгельса о единой «фабрике». При этом все управление хозяйственным механизмом сводится к контролю и учету — для выполнения которых требуется знание четырех действий арифметики — и равенству оплаты. Вот с такой «моделью» большевики и берут власть.

В первые дни после переворота большевики всерьез следуют ленинским указаниям: главное — это рабочий контроль. Этой же цели служит и национализация банка как органа «всеобщего счетоводства». Правительство издает декреты, а «трудовые коллективы» их выполняют — таков предлагаемый хозяйственный механизм. Вожди и впрямь полагают, что трудящиеся, знающие четыре действия, могут организовать производство по-коммунистически. Через десятилетия в Югославии подобная система была создана и, худо-бедно, действовала. Однако в начале века рабочий контроль вел только к дальнейшей дезорганизации и углублению кризиса. И уже в декабре 1917 года большевики начинают сооружение собственной хозяйственной бюрократической машины — Высшего Совета Народного Хозяйства.

В 1918 году Ленин разрабатывает уже более развернутую модель, которая излагается им в «Очередных задачах Советской власти». Наряду с верой в энтузиазм и сознательность масс она включает следующие постулаты: централизацию управления на основе всестороннего учета, контроль, единоначалие, профессионализм (использование «спецов»), соревнование, производственно-потребительские коммуны и всеобщую кооперацию. К этому времени промышленность в основном национализирована и начинается превращение народного хозяйства в «единую фабрику». Новая власть всерьез собирается строить новый экономический порядок в соответствии со старыми «заветами» и свежими откровениями вождя. Однако только с централизацией производства большевики относительно преуспели. Намного хуже обстоит дело с другими «механизмами»

Большевики вплотную подходят к реализации идеи уравнительного распределения и отказа от денег: частная собственность уже отменена, однако обмен товарами продолжает порождать неравенство. И здесь особое значение имеет идея производственно-потребительской кооперации. Если всех жителей страны приписать к коммунам, которые все распределяют сами, то тогда действительно можно попытаться добить остатки капиталистического обмена. Вводятся карточки, пайки, запрещается всякая торговля. Но результаты, как и следовало ожидать, самые плачевные. Дело доходит до продразверстки, поскольку для того, чтобы распределять, надо что-то иметь. Кроме того, поскольку государственные предприятия и учреждения работали на основе утверждаемых сверху смет, упразднение денег привело бы к ликвидации мощного рычага государственного управления.

Итог этих большевистских «исканий» известен. Обмен не удалось уничтожить, а следовательно, пришлось сохранить и денежные знаки. Таким образом, одна из центральных идей коммунизма оказалась отвергнутой с самого начала как абсолютно нежизнеспособная.

Важным механизмом производства должен был стать контроль. Всякий, кто хотя бы немного знаком с историей, знает, что про контроль большевики говорили непрерывно. Даже умирая, Ленин пишет в очередной раз про контроль. Можно, конечно, сказать, что в этом проявляются тоталитарные склонности и жажда власти. Однако если обратимся к основам возникшей гораздо позже кибернетики, то поймем, что идея контроля достаточно логична. В жестко централизованной системе, которая стремительно бюрократизировалась, требовался механизм «обратной связи». Для того чтобы принимать рациональные решения, необходима информация снизу. В демократическом государстве рынок и свободная пресса постоянно выдают сигналы, позволяющие оперативно влиять на ситуацию. Чтобы компенсировать нехватку нормальных социальных институтов, большевикам приходится изобретать различные системы контроля. Сначала был рабочий контроль, затем — государственный, потом создали рабоче-крестьянскую инспекцию. Уже на смертном одре Ленин в очередной раз ломает голову на эту тему, но ничего оригинального не находит, кроме как призвать на помощь «сознательных пролетариев». А впереди будут еще и народный контроль, и партийный контроль, и соединение того и другого. Правда, одна из этих форм — партийный контроль — в будущем сыграла значительную роль. Партийный билет превратился во всеобщий эквивалент, а основанный на партийной принадлежности руководителя партийный контроль стал достаточно мощным рычагом управления экономикой.

Перебор вариантов продолжается. «Военный коммунизм», нэп. Почему пришлось перейти от «военного коммунизма» к нэпу? Обычно говорят о крахе экономики «военного коммунизма» и подчеркивают вынужденный характер изменения политики. Да, это безусловно так. Но есть и другая сторона. Продразверстки, конфискации, национализации — все это уже было испытано на практике. На смену трудовым «повинностям», запретам на уход с работы приходит «трудовая армия» и «милитаризация отраслей». Это означает, что производство организовывалось на чисто военных принципах командования и контроля. Про трудовые армии редко вспоминают. А зря! Здесь идея тотального контроля была доведена на производстве до своего логического завершения. Большевики тем самым исчерпали весь доступный им в то время арсенал силовых методов, перебрали все возможные варианты и, только убедившись в их бесполезности, пошли вспять.

Безусловно, нэп был одним из наиболее радикальных экономических экспериментов за всю историю социализма. Однако с научной точки зрения он неинтересен, поскольку подтвердил общеизвестное преимущество рыночной экономики над иными формами. Маятник качнулся в другую сторону, и вся система стала разваливаться. Дальнейшее развитие рыночных отношений вело бы к обострению противоречий и к краху нового строя, что, кстати, подтвердила нынешняя перестройка. И все же нэп не прошел без следа: он подготовил почву для компромисса догмы со здравым смыслом, поскольку рыночные отношения хотя и были резко ограничены, но все-таки частично сохранились. Утопии, предлагавшие полное упразднение денег, были жестоко осмеяны Сталиным, а для идеологического оправдания придумали «закон стоимости при социализме». Сохранилась денежная оплата труда, кредитование, налоговая система, сформировалась система льгот и привилегий, смягчавшая действие уравнительных догм и предрассудков.

Отказавшись от нэпа, большевики были вынуждены вернуться к вековой мечте всех утопистов — к плану. Что такое план? Слово нерусское, придающее сразу оттенок научности и обоснованности. А по-русски план — это просто большое расписание, которое предписывает всем, что и когда делать.

Нельзя не признать, что сама по себе плановая система была уникальным изобретением, несмотря на ее идейную простоту. Это был вызов социальной стихии. Ее создание потребовало решения многих организационных, информационных и научных проблем, особой технологии управления, например балансовых методов. По сути, наркоматы, главки и прочие органы управления стали «материализацией» плановой идеи, точнее ее институтализацией. План превращается в основную несущую конструкцию системы, но со временем из высшего воплощения рациональности, расчета и научности становится уже иррациональной силой. Утверждается плановый фетишизм — «план любой ценой», а плановые показатели приобретают мистическую силу. В застойные годы можно уже говорить о «показательной» экономике, поскольку в ней господствует культ плановой цифры. В некоторых случаях доходит до казусов: так, окончание года в строительстве директивно определяется 15-м января, т.е. даже календарь упраздняется для того, чтобы лучше было выполнять план.

Внедрив плановую систему, большевики в основном решили задачу создания жесткой системы централизованного управления. Но производство невозможно организовать по-армейскому принципу только на основе команд, необходима инициатива и самостоятельность хотя бы некоторых исполнителей грандиозных планов. В то же время всякая централизация усложняла управление, вызывала сбои. В часовом механизме все шестеренки и гайки крутятся синхронно, и Ленин не зря любит сравнивать экономику с часовым механизмом.

В течение десятилетий в социалистической системе шел поиск оптимального сочетания плана и инициативы. В 1929 году проблема формулировалась следующим образом: «При строжайшем соблюдении производственно-финансовой дисциплины в рамках заданных лимитов предприятие должно быть самостоятельным». Очень выразительная лексика: «при строжайшем соблюдении» «должно быть самостоятельным». Для общего обозначения бесчисленных экспериментов по «обеспечению строжайшей самостоятельности» использовался термин хозяйственный расчет, хозрасчет.

Хозрасчет существовал практически весь период проведения социалистического эксперимента. Он представлял собой компромисс между объективной потребностью максимальной централизации и столь же объективной ее невозможностью. Его конкретным проявлением было наделение хозяйственного руководителя определенными правами как для руководства предприятием, так и для вступления в хозяйственные взаимоотношения с другими предприятиями.

Хозрасчет можно было бы назвать и «госрасчетом», поскольку во главу угла были поставлены интересы государства. Слово «расчет» имеет два оттенка: первый связан с проведением расчетов, т.е. здесь выражен принцип «всеобщего контроля и учета»; второй, который показывает сочетания типа «брак по расчету», вроде бы может отражать и принцип материальной заинтересованности. За семьдесят лет существования хозрасчета выпячивалась то одна сторона, то другая. Уже в последние годы, когда власть стала стремительно терять контроль над экономикой, хозрасчет стал превращаться в аренду. Стало возможным определить его просто как недоразвитую форму аренды. Ценность такого определения заключается в том, что это, казалось бы, присущее только социализму явление на самом деле — разновидность давно известного человечеству экономического института.

Большевики достаточно быстро убедились в невозможности полной уравниловки и в том, что без системы материального стимулирования не обойтись. Использование денежной оплаты труда было и так чрезвычайно существенным отступлением от «социалистической гипотезы». А пришлось ввести и премирование, и сдельную оплату, дифференцировать уровень оплаты отдельных категорий работников.

Кроме материального стимулирования в условиях социализма постоянно изобретались различные способы морального поощрения, активизации трудовой активности: социалистическое соревнование, движение ударников, почетные звания и ордена... Как правило, новые формы морального стимулирования достаточно быстро вырождались и заменялись очередной шумной кампанией — ударными вахтами, трудовыми починами.

Никакая производственная система не может существовать без «кнута». В рыночной экономике — это безработица и банкротство. За годы социализма было перепробовано немало средств для того, чтобы заставить человека работать. Запрещали смену работы; трудовые книжки и система прописки крайне жестко регламентировали увольнение и прием на работу. Сажали за нерадение, за двадцатиминутное опоздание на работу. При Андропове отлавливали в магазинах и на улицах.

Однако, несмотря на все нововведения, хроническое отставание наблюдалось и в сельском хозяйстве, и в капитальном строительстве, и во многих других отраслях. Поэтому постоянно шел поток экономических новаций.

Из крупных экономических экспериментов послевоенного времени следует в первую очередь назвать реформу Хрущева. Главное, что попытался сделать он,— это радикально изменить систему централизованного управления. Десятки лет шел процесс наращивания ведомственных структур, новый вождь решил усилить территориальное управление. Оно должно было стать основой централизованного планирования. Но после того, как и этот эксперимент закончился неудачей, логика подсказывала: следующим шагом должна стать децентрализация управления. К чему ведет обособление регионов, мы хорошо почувствовали в последнее время, когда началась массовая суверенизация, а в те хрущевские годы у руководства был силен инстинкт самосохранения, и реформу свернули.

Таким образом, реформа 1965 года была предопределена предыдущими неудачами в экспериментировании с экономикой. Даже внешне она представляла собой чудовищную ревизию марксизма-ленинизма. Введение прибыли, рентабельности, развитие кредита, договорных отношений напрочь отвергало «основы». Директивные указания наделяли предприятия правами владения, распоряжения и использования. С традиционной правовой точки зрения, это составляло право собственности. Фактически провозглашался переход от государственной собственности к одной из форм частной собственности — групповой. Конечно, от деклараций до реальной жизни — дистанция огромного размера, но попытка весьма символична и симптоматична. Логика сама подводила решение задачи к возвращению к нормальным формам экономической жизни.

Отказавшись от радикальной реформы, коммунисты стали искать новую панацею. Идеи кибернетики, экономические методы и модели подали надежды как сторонникам коммунистической идеи, так и рациональным прагматикам. Десятки и сотни научных институтов разрабатывали «стратегии» и «концепции», «сценарии» и «критерии», основанные на принципах системного подхода. Особо гремели автоматизированные системы управления (АСУ), венцом стала разработка Общегосударственной автоматизированной системы (ОГАС). Кибернетику пытались поставить «на службу коммунизму» и теперь уже на основе компьютерных технологий реализовать идеи оптимального управления «единой фабрикой», которую теперь называли единым народнохозяйственным комплексом. Принципы и идеи, лежавшие в основе технократических иллюзий, имели явно немарксистское происхождение, во всю экспортировались идеи буржуазных теорий управления. Впрочем эту традицию основал еще Ленин, пропагандировавший тейлоризм.

Даже преобразование «основного достижения социализма» — плановой системы — происходило на основе программно-целевых методов, имевших заморское происхождение. Все помнят, например, Продовольственную программу, хотя по сути она явилась просто идеологическим манифестом. Но наряду с ней были: Комплексная программа научно-технического прогресса на двадцать лет, аналогичная программа для СЭВа, сотни научно-технических программ. Эти документы составляли часть общей плановой системы, по ним осуществлялась статистическая отчетность и контроль.

В конце семидесятых годов экономическое положение страны резко ухудшилось, но никаких новых идей и направлений, поисков в рамках сохранения хотя бы основ социализма уже не просматривалось. Изобретение экономических «рычагов» и «механизмов» шло по кругу в этом социалистическом лабиринте, из которого не было выхода. Перебирались показатели, в очередной раз перестраивались организационные структуры и т.д., и т.п. Кризис проявлялся не только в экономической стагнации, но и в потере всяческой перспективы социалистического эксперимента.

И поныне защитники социализма продолжают отстаивать его самоценности, взваливая вину за крах экономики на руководителей страны, на неверные решения... При этом упускается из виду, что ко времени прихода к власти Горбачева в рамках «социалистического выбора» было перепробовано практически все. И все экономические новации президента СССР были лишь повторением пройденного, потому-то от них отказались достаточно быстро.

Система исчерпала себя!

Социалистический эксперимент в целом можно считать удавшимся, потому что человечество получило наконец простые и однозначные ответы на волновавшие его вопросы. Не только искушенным теоретикам, но и миллиардам простых людей стала понятной сущность частной собственности как одного из основных способов организации человеческой деятельности. Ее не смогли заменить ни расстрелы, ни контроль и директивы, ни план и компьютеры... Эксперимент начался как попытка реализации идей Маркса, однако сразу же вышел за рамки доктрины, т.к. многие догмы пришлось отбросить после безуспешных попыток их реализации. Другие идеи основоположников были деформированы. Кроме того, делались попытки заимствования и зарубежного опыта. Фактически все время шел процесс «скрещивания» догмы со здравым смыслом. Постоянное кризисное состояние экономики принуждало к непрерывному поиску, перебору вариантов. Убедившись в неэффективности одного экономического механизма, переходили к другому. Поиски оказались тщетными. И теперь можно утверждать, что крах потерпел не только марксизм-ленинизм, но и все прочие утопии, многие века соблазнявшие человечество.

ЛЕОНИД ШЕПЕЛЕВ,
доктор исторических наук

Историки охотно пишут материалы по военной униформе, а вот публикации о гражданских мундирах, как и справочники, практически отсутствуют.
Наш журнал намечает дать серию статей на эту тему. Разговор начнем с гражданских (в том числе придворных) мундиров. Это обусловливается несколькими причинами. Во-первых, они численно преобладали и имели наибольшее распространение. Во-вторых, менее всего изучены. И последнее. Сохранились уникальные рисунки гражданских мундиров, созданные известными художниками. При осуществлении реформы мундиров в 1834 году серию рисунков подготовили И. А. Иванов, в 1855—56 годах — А. Везетапп и А. Шарлемань. Впервые эти прекрасные работы будут опубликованы в журнале «Родина».

Мундир 1794 г. (почтовое ведомство).

ЧИНОВНИК В МУНДИРЕ

Вспомним «Горе от ума»: «Покойник был почтенный камергер, с ключом, и сыну ключ умел доставить...». Какая-то туманная, непонятная нам фраза. Для того чтобы понять ее, надо знать великосветский жаргон. И тогда все встанет на свои места: отец и сын имели придворные звания камергера (или оберкамергера), поскольку ключ — соответствующее дополнение данного придворного мундира. И вот другое выражение: «Вам надо дать белые пуговицы...» Тем самым признавалось наличие у собеседника дипломатического таланта и пожелание получить мундир Министерства иностранных дел.

Мундиры, как официально установленная форма одежды государственных служащих, начиная с XVIII века имели повсеместное распространение в России.

Слово мундир употреблялось в двух значениях. В широком толковании имелся в виду полный комплект установленной форменной одежды: кафтан, камзол или жилет, мундирный фрак, сюртук, штаны (короткие и длинные, белые и темные), шляпы, фуражка, обувь, шинель и т. п. Согласно закону 1834 года, именно из этих элементов складывались семь «форм одежды...: парадная, праздничная, обыкновенная, будничная, особая, дорожная и летняя». В 1845 году отдельным изданием было выпущено «Расписание, в какие дни в какой быть форме», объемом в 13 (!) страниц. В узком же смысле под мундиром подразумевался лишь главный элемент этой одежды — парадный кафтан. (Мундиры должны были сочетать в себе два таких довольно трудно совместимых требования, как функциональное удобство и внешнюю привлекательность.) Мундир указывал на род службы и ведомство (или учреждение) обладателя, а также на его старшинство в ряду других.

Мундир 1834 г. (придворный, парадный).

Мундир 1856 г. (ведомство иностранных дел, парадный).

Мундир "военного покроя" 1868 г. (телеграфное ведомство).

Ношение мундиров в установленных случаях было обязательным. Относились же к ним по-разному: одни — как к желанной награде, другие — как к обузе (не очень удобны, дороги). Особенно много денег приходилось платить за золотое или серебряное шитье, которым щедро украшались мундиры. Поскольку служебная одежда изготовливалась за счет чиновников, отмечались даже случаи, когда некоторые не могли оплатить свой наряд и вынуждены были лишиться соответствующих званий. Так, в книге Н. Е. Волкова «Двор русских императоров в его прошлом и настоящем» (Спб., 1890) сообщается, что некто Кошелев в 1834 году лишен камер-юнкерского звания вследствие того, что не имел соответствующего мундира.

Орденские и некоторые другие наградные и отличительные знаки — обычная принадлежность мундира. Носились они в установленных случаях и в строго определенном порядке. И шитье, и эти знаки (нередко ювелирной работы) превращали парадные мундиры в произведения прикладного искусства.

Указание на правовой статус (титул) чиновника через его мундир получило в XIX — начале XX века широкое распространение. Например, если говорили, что некто «награжден гофмейстерским мундиром», это значило, что он пожалован придворным чином или званием гофмейстера.

Сюртук 1850-х годов (Собственная Его Величества Канцелярия).

За время своего существования мундиры трижды существенно меняли свой фасон. С начала 1780-х годов и до 1801 года они имели немецкий (венгерский) покрой, широкую юбку, отложной воротник, лацканы (правда не всегда), крупные обшлага. Цвета собственно мундира, воротников, лацканов и обшлагов указывали на ведомственную принадлежность мундиров. Кафтан обычно не застегивался; под него надевался камзол (длинный жилет). Штаны (белые или цветные) до колен дополнялись белыми чулками с туфлями. Черная шляпа имела треугольную форму (в горизонтальной проекции). Обязательный атрибут мундира — шпага.

В самом начале Александровского царствования (1801 или 1802 год) кафтан меняет фасон на французский, становится узким, однобортным и носится застегнутым. Стоячий воротник, юбка спереди получает вырез. Сначала борта книзу просто закруглялись (срезались) назад. С 1820-х годов вырез становится все больше. По закону 1834 года от юбки остаются лишь фалды сзади. Для обозначения ведомственной принадлежности и ранга чинов на мундирах, помимо цветных воротников и обшлагов появляется золотое или серебряное шитье разных узоров. Шляпа меняет форму, все та же треуголка, но в вертикальной проекции. Кроме коротких штанов вводятся длинные — белые и темные.

В 1856 году чиновники начинают носить однобортные полукафтаны (т. е. укороченные кафтаны) без выреза юбки спереди. После 1867 года получает распространение особая разновидность гражданского мундира — военного покроя (двубортный) со своей системой шитья или особыми знаками. Для обозначения чинов использовались погоны или воротниковые клапаны (петлицы).

В 1826 году во всех ведомствах вводится мундирный фрак для повседневного ношения в качестве вицмундира. Он дополнялся черной круглой шляпой с полями. Еще раньше в комплект форменной одежды включают мундирный сюртук — «преимущественно для командировок вне города». В первое время его надевали и на мундир, и вместо него. Со временем именно он становится наиболее широко используемой форменной одеждой. Первоначально — однобортный, со стоячим воротником. В 1856 году вводится двубортный сюртук с открытым воротом. А с 1860-х годов его стали носить с открытым воротом. Дополнением служила форменная фуражка. И мундирный фрак, и сюртук носились с длинными темными брюками. По цвету воротников и чекану пуговиц фрака и сюртука можно было судить о ведомственной принадлежности чиновника. Признаки же его ранга отсутствовали.

Гражданские мундиры появились в России еще в середине XVIII века. Но в массовом порядке они получили распространение с 1781 года. Это были так называемые губернские мундиры. Рассказ о них — в следующих номерах журнала.

Сюртук 1834 г. (дворянский).

Мундирный фрак (Синод).

ОДИН ИЗ ПРОШЛОГОДНИХ ВЫПУСКОВ «РОДИНЫ» (№ 6—7, 1991) БЫЛ ПОСВЯЩЕН НЕИЗВЕСТНЫМ СТРАНИЦАМ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ. ПУБЛИКАЦИИ И ПОСЛЕДУЮЩАЯ ЗА НИМИ ПЕРЕДАЧА ПО РОССИЙСКОМУ РАДИО НА ЭТУ ТЕМУ ВЫЗВАЛИ ОБШИРНУЮ ПОЧТУ. МЫ БЛАГОДАРИМ ВСЕХ ЧИТАТЕЛЕЙ И ПУБЛИКУЕМ НЕКОТОРЫЕ ОТКЛИКИ.

Дорогой Виктор Петрович (Астафьев)!

Прекрасную вещь Вы сделали вместе с журналистом Игорем Бехтеревым («Сначала снаряды, потом — люди...»

Вот правда не только фронтовая, но и тыловая, и послевоенная! Сам все это видел...

Так больно читать сейчас в газетах и журналах, как участники войны возмущаются тем, что теперь пишут правду о Сталине. Хочется сказать: «Вспомните, «друзья моих военных дней», о чем вы думали во время войны и что кричали, когда ходили в атаки, да и до крику ли вам было тогда. Может быть, кто-нибудь и слышал призыв «За Сталина!». Я не слышал (читал об этом в госпиталях и особенно много после войны, так ведь это кричали политруки — такая у них работа — и командиры по их заданию).

Хочется, чтобы теперешние адвокаты Сталина из фронтовиков вспомнили свою молодость, ведь они были совсем другими, чем сейчас, и думали, и даже говорили (на фронте многое было можно) о Сталине и его окружении совсем другое.

Как было бы хорошо, если бы они теперь сбросили чиновничью шкуру. Пусть наши дети и внуки знают правду. Это поможет им устроить жизнь лучшую, чем досталась нам. Правда, и нам, вернувшимся с войны, крупно повезло: ведь из-за этого Сталина погибла пятая часть населения страны, а из нашего поколения каждый второй лежит либо в родной земле, либо «в полях за Вислой сонной».

А. А. ТКАЧЕНКО,
ветеран войны,
Тверь

Фото Валерия Арутюнова

Во многих статьях (№ 6—7) обоснованно и объективно освещаются те или иные события войны. Есть интересные находки, неопубликованные ранее данные. Но в ряде статей все рисуется только черной краской. В них сделано немало попыток перечеркнуть боевые успехи наших войск в годы войны, очернить саму Победу и героев сражений.

Что о форсировании Днепра пишет В. Астафьев? «25 тысяч входит в воду, а выходит на той стороне три тысячи, максимум пять. Через 5—6 дней все это всплывает. Представляете?» Нет, не представляем! Побойтесь Бога, Виктор Петрович! 25 тысяч — это в то время 4—5 дивизий. Ведь, как солдат, вы участвовали, наверное, в форсировании рек. Разве не видели, что оно осуществлялось на широком фронте, последовательно, отдельными батальонами, полками? Картина же, которую вы неизвестно зачем нарисовали, и в страшном сне не могла присниться.

В следующем номере «Родины» (№ 8, с. 16) Борис Соколов увеличил число наших потерь в войне с фашистской Германией до 51,5 миллиона человек (точность: с половиной!). В эту астрономическую цифру он включил не родившихся из-за войны 14 миллионов младенцев и многое, многое другое. Но «забыл» указать, что гитлеровцы уничтожили на оккупированной территории 13 миллионов советских граждан и 6 миллионов угнали на работы в Германию. Если эти числа отнять от действительных 28 миллионов потерь, то станет ясно, что боевые потери Красной Армии составили 9 миллионов человек.

Что касается потерь фашистской армии, то в своем дневнике начальник Генерального штаба сухопутных войск Германии генерал Ф. Гальдер записал: «С начала войны по 20 июля 1942 года убито 350 200 солдат и офицеров, а по 25 августа 1942 года — 384 500», т. е. 35 тысяч человек в месяц,— и это в победные для гитлеровцев годы. В последующие же три года войны их потери были не менее, чем в три рази большими, то есть 100 тысяч человек в месяц. Сложив потери за всю войну, получим 3,5 миллиона погибших. Именно такое число указывается в различных немецких источниках, а не около 2-х миллионов, как пишет Соколов. Зачем гиперболизировать наши потери и почти вдвое уменьшать потери противника?

Ф. Д. СВЕРДЛОВ,
профессор, доктор исторических наук
Москва

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

ГЛАВНОМУ РЕДАКТОРУ ЖУРНАЛА «РОДИНА»

Уважаемый Владимир Петрович,
по радио прозвучало ваше интервью о журнале «Родина» с намерениями сделать журнал полезным и интересным. Желаю успеха журналу и не допускать опрометчивых суждений о прошлом и настоящем нашей страны, ее истории.

Вы, конечно, с этим согласны, но согласие ваше в противоречии сказанному вами же в интервью о подвиге рядового Матросова.

Зачем и кому понадобилось говорить, что это миф и нужно установление истины. Подлить масла в огонь, разожженный «демократически мыслящими», «правдолюбцами» о послереволюционной истории нашей Родины? Набрать козыри при подписке? Наверное так, другого объяснения быть не может.

Кстати, Матросов — не единственный воин в РККА и СА, закрывший своим телом амбразуру вражеского дота или дзота и своей гибелью спасший жизнь многих товарищей по бою.

С первых дней Великой Отечественной войны (еще до Матросова) уже имели место восемь или девять (может быть более) таких проявлений героизма, а всю войну воины нашей армии более 300 раз закрывали своим телом амбразуры.

Мы чтили, чтим и будем чтить подвиг Сусанина. Как же не чтить подвига современников?! Или нас смущает, что их было много? Зачем же «Родине» глумиться над ними — великой души воинами?! Нехорошо и непозволительно.

Первым случаям бросков на амбразуры не придавали громкого значения, иных воинов награждали посмертно орденами, иных хоронили, произнося слова благодарности, не награждая. Потом пришло осмысление величия подобных действий — подвига, и, по сути, имя Матросова стало объединяющим.

Воины, закрывавшие своим телом амбразуры стреляющих пулеметов во всех случаях — по собственной инициативе или даже по приказу,— герои. Не могу принять намек, что Матросову приказали так поступить.

Некоторые ваши рассуждения о каких-то действиях политработников, перед боем говоривших — «вступай в партию»,— непорядочны. Они оскорбляют наших Советских воинов, спасших Европу от фашизма.

Странно выглядит зачем-то произнесенное вами утверждение, что Матросов якобы был за руки натянут на амбразуру фашистами, сидевшими в доте. Я не специалист по дотам и дзотам, но по памяти виденных мною в войну не могу представить, как можно было немцам просунуть свои руки рядом с пулеметом, схватить за руки Матросова, еще и натянуть его на пулемет.

Думаю, что напечатание в вашем журнале моего письма не понизит вашего авторитета, а наоборот, покажет вашу правдивость и смелость, и кое в чем восстановит уважение к людям, подобным Матросову.

А. И. ХАЛУТИН,
генерал-майор в отставке
г. Монино, Московской обл.

Нас, следопытов Ухтинской средней школы № 1, заинтересовала статья Н. Рутыча «Между двумя диктатурами» о судьбе генерал-майора пограничных войск Ивана Георгиевича Бессонова.

Дело в том, что мы занимаемся историей немецкого десанта в Печоре. Н. Рутыч пишет, будто Бессонов планировал выбросить десант в районе Усть-Печорских лагерей. А мы можем сказать — да, такой десант был. В мае 1991 года В. А. Крючков дал разрешение ознакомиться с протоколами допросов диверсантов. Там же, в архивах КГБ города Сыктывкара, мы нашли документ, который говорит: И. Г. Бессонов подготовил десант (40 человек), сброшенный под Сысольском (Сыктывкаром) в конце 1943 года, но на связь с немцами он не вышел.

Бессонов был расстрелян в 1950 году.

Группа «Поиск» школы № 1,
Ухта

ПРЕДСТАВЛЯЕМ ЖУРНАЛ

«ПРОБЛЕМЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ»

Идея журнала возникла в конце 70-х годов, после того как его редакторы издали в Соединенных Штатах на английском языке сборник «Коммунизм и Восточная Европа». В те годы на Западе широко изучалась проблема советизации восточноевропейских государств и попытки реформ, предпринятые там. Мало, однако, говорилось о влиянии политического мышления, опыта и событий, произошедших в странах Восточной Европы, на тогдашний Советский Союз. Мы считали целесообразным создать журнал на русском языке, чтобы ознакомить главным образом читателей в СССР с работами, которые анализировали систему советского типа и утверждали необходимость реформирования этой системы. Дело в том, что и в Венгрии, и в Польше, и в Чехословакии многие такие работы были проделаны в 50—60-е годы специалистами, сотрудниками исследовательских институтов, членами специальных комиссий и рабочих групп. В Советском Союзе в то время работы с критикой в адрес системы были в основном написаны инакомыслящими и носили скорее публицистический характер.

Уже в первом номере (журнал издается с 1980 года) на странице, где указаны выходные данные журнала, говорилось, что его задача — «способствовать ознакомлению читателей с политико-экономическим мышлением и политическим опытом наций Восточной Европы и СССР. Народы и государства этого региона отличаются друг от друга, что обусловлено их историческим развитием. В то же время во всех этих странах существуют аналогичные политические и экономические структуры, вследствие чего аналогичны и возникающие в этих странах проблемы. Многие из них культивируются на почве недостаточной информированности наций друг о друге и недостаточной связи между представителями этих наций и государств. Наша цель — по мере возможностей этот недостаток восполнить». Задуман журнал был как ежеквартальный, однако позднее выяснилось, что печатать большие концептуальные работы целесообразнее в толстом журнале.

В соответствии с поставленной редакцией задачей в первых книжках журнала были напечатаны материалы, касающиеся польских и венгерских событий 1956 года, чехословацких событий 1968 года, работы, анализирующие зависимость процессов в странах «реального социализма».
В каждом номере, начиная с первого, специальный раздел посвящается национальной проблеме.

Разумеется, с годами изменились и задачи журнала. С началом «перестройки» и процесса реформ в СССР редакция большее внимание стала уделять западным анализам происходящего в СССР и работам, которые могли бы предотвратить «изобретение велосипеда» в Советском Союзе — таким, например, как статья профессора Белградского университета Загорки Голубович о провале идеи рабочего самоуправления в Югославии.

В числе авторов журнала видные специалисты из стран Восточной и Западной Европы, американские ученые и политические деятели, специалисты ранее советские, а теперь уже российские.

В момент, когда мы пишем эту справку, редакция заканчивает работу над 35—36-м номером журнала. В нем будет напечатана работа коллектива сотрудников Института экономического прогнозирования Академии наук Чехо-Словакии о методах приватизации и экономиках в период перехода к рынку, отрывки из книги Милана Хаунера «Что такое Азия для нас?» — о российской политике в отношении Азии; статья Бориса Парамонова о Горбачеве как феномене русской истории; статья Збигнева Бжезинского, в которой он призывает Запад определить стратегию по отношению к России, и др.

Сначала у редакции не было обратной связи с читателями, но в последние годы нам много пишут, отзываются старые знакомые по Праге и по Москве, сотрудники библиотек (просят послать полные комплекты, но, к сожалению, старых номеров у нас уже нет) и просто читатели. Редакция благодарна за интерес, проявленный к «Проблемам Восточной Европы» читателями и редакцией журнала «Родина».

Л. СИЛНИЦКАЯ
Ф. СИЛНИЦКИЙ
Вашингтон

Следующие два материала взяты «Родиной» из журнала «Проблемы Восточной Европы».

«Наш директор был выдающимся человеком. Он был не только хорошим ученым и очень сильной личностью, его окружал также ореол американца. Кроме того, у него были связи на очень высоком уровне. Он знал Дмитрия Устинова, который позже был министром обороны, он знал некоторых сотрудников ЦК КПСС, также, как мне кажется, людей из КГБ».

Из отзывов о Старосе.

МАРК КУЧМЕНТ

Как КПСС компьютер изобрела

Несколько таинственное и даже экзотическое происхождение Филиппа Староса отражено в его официальной советской биографии в одной фразе:

«В 1941 году окончил университет в г. Торонто и начал заниматься исследовательской работой».

Но даже эта фраза скорее маскирует, чем описывает его прошлое. Попытки подтвердить его ученую степень из университета в Торонто не были успешными.

После примерно восемнадцати месяцев безуспешных попыток проследить судьбу Филиппа Георгиевича Староса в Соединенных Штатах и в Канаде мне в конце концов удалось добиться успеха. Оказалось, что многие важные детали его жизни, которые стали мне известны от его прежних советских коллег, чрезвычайно напоминают биографию американского специалиста по электронике по имени Альфред Сарант, который был другом Юлиуса Розенберга.

Альфред Сарант получил степень бакалавра по электронике в университете Купер-Юнион в Нью-Йорке в 1941 году. Он работал в области проектирования систем связи в Форт Монмарт (Нью-Джерси), в лаборатории ядерной физики в Корнеллском университете в Итаке (штат Нью-Йорк). В Корнелле он был участником строительства циклотрона. До 1944 года Сарант был членом американской компартии. Есть указания, что он и Юлиус Розенберг принадлежали к одной и той же партячейке. Федеральное Бюро расследований допрашивало Саранта летом 1950 года, сразу же после ареста Юлиуса Розенберга. Сарант, однако, не был арестован. После допроса он получил разрешение навестить родственников в Нью-Йорке. Здесь к нему присоединилась его приятельница, и 9 августа 1950 года, используя фальшивые документы, они пересекли американо-мексиканскую границу. После этого имя Саранта исчезает из публикаций. Пять лет спустя американский инженер Филипп Старос приезжает в СССР из Чехословакии.

Я укажу здесь несколько моментов, которые позволили мне прийти к заключению, что американский инженер Альфред Сарант и советский профессор Филипп Старос были одним и тем же лицом.

Когда я показал фотографию Альфреда Саранта, сделанную в 1945 году, которую я получил от Электры Джейсон (сестры Саранта) профессору Филиппу Моррисону из Массачусетсского Технологического Института (Бостон), тот легко опознал человека на фотографии — своего соседа по Итаке в 1947—50 годах Альфреда Саранта. Когда я показал ту же самую фотографию д-ру Эрику Фирдману, он указал, что на фотографии изображен его начальник профессор Филипп Георгиевич Старос, американец, который приехал в Россию из Чехословакии в конце 1955 года.

Второе. Эрик Фирдман утверждал, что у Староса были курчавые черные волосы, коричневые глаза, что его рост составлял примерно 170 см. Электра Джейсон дала мне независимо от него точно такое же описание внешности своего брата.

Третье. Фамилия Старос по звучанию греческая. И действительно, Филипп Старос утверждал, что он американец греческого происхождения. Его советские коллеги утверждали, что он любил смотреть в СССР греческие фильмы. Его русское отчество — Георгиевич — указывает, что, возможно, имя его отца было Георгий. Электра Джейсон, с другой стороны, сообщает, что имя отца Альфреда Саранта было Эпаминонда Георгий Сарантопулос. В Америке это имя было изменено на более короткое — Нонда Георгий Сарант. И отец, и мать,— пишет она мне,— христиане греческого православного вероисповедания.

Четвертое. Эрик Фирдман говорит, что Филипп Старос рассказывал, что знает профессора Ганса Бете, и даже утверждал, что профессор Бете сделал ему подарок, когда родился его первенец. С другой стороны, Уолтер и Мириам Шнеир пишут, что Ганс Бете сделал подарок семье Сарант, когда у них родился первенец.

Пятое. Филипп Старос упоминал в разговоре со своими советскими коллегами, что он принимал участие в строительстве американского циклотрона. Альфред Сарант участвовал в строительстве американского циклотрона в 1948 году.

Есть и расхождения.

Альфред Сарант родился 26 сентября 1918 года. Филипп Старос — в соответствии с Ежегодником Большой Советской энциклопедии — в 1917 и, по утверждению Эрика Фирдмана, праздновал свой день рождения 24 февраля.

Имя подруги Альфреда Саранта, с которой он покинул Соединенные Штаты, было Кэрол. Жену Староса в Советском Союзе звали Анна. Но эти расхождения являются довольно естественным следствием процесса, в результате которого человек меняет имя и фамилию.

Каковы бы ни были причины, которые заставили Саранта изменить имя и фамилию, мы можем утверждать, что американский инженер по фамилии Старос стал активным членом группы советских исследователей, работающих для военных нужд. Советский ученый или инженер, выпускник советского вуза, должен был получить допуск второй категории только для того, чтобы начать работать под руководством этого американского инженера. Способность создать обстановку, в которой специалист, получивший образование в Соединенных Штатах, смог бы продуктивно работать в Советском Союзе, является большим достижением советского руководства. Но, как мы уви-

дим в дальнейшем, гибкость советских руководителей имела свои пределы.

Вычислительные и управляющие машины, разработанные Филиппом Старосом, получили высокое признание как в СССР, так и на Западе. В 1964 году в журнале «Советский Союз», распространяемом за пределами СССР, была описана управляющая машина УМ—1НХ. Во время испытаний она проработала без ошибок в течение 250 часов. Эта же машина была описана и в американской литературе того периода. Разработчик машины был представлен публике как тов. Филиппов.

Все выяснилось только через 5 лет из публикации в «Правде»: «Присудить государственную премию СССР за 1969 год Старосу Филиппу Георгиевичу, руководителю проекта, главному конструктору, за разработку малой управляющей машины УМ—1НХ». Только тогда стало ясно, что фамилия Филиппов является производной от имени Староса.

Эрик Фирдман утверждал, что НХ формально означало «народное хозяйство». Но среди узкого круга людей, близких Старосу, циркулировала шутка, что НХ также означает «Никита Хрущев». Хрущев не только активно поддерживал Староса, но даже лично посетил конструкторское бюро в начале 60-х годов.

Другая машина, разработанная Старосом, которая привлекла внимание на Западе, была Электроника К-200. Это тоже была машина, позволяющая вести автоматический контроль. Она весила примерно 120 кг и могла производить 40000 операций в секунду. Авторы американского обзора отметили, что «многие ее черты не считались бы слишком оригинальными на Западе, но появление таких особенностей в советской вычислительной машине крайне необычно. К-200 была первым компьютером советского производства, который можно считать хорошо разработанным и удивительно современным». Подчеркивался также очень современный английский технический жаргон, который сопровождал описание. Конечно, все эти качества не так уж бы удивили авторов, если бы они знали, что ее разработчиком является американский электронщик, который регулярно следил за американскими публикациями по этому предмету.

Сарант-Старос имел очень ограниченный контакт с современной американской вычислительной техникой, так как он покинул Соединенные Штаты в 1950 году (надо указать, что транзистор был открыт Уильямом Шокли лишь в 1947 году). Однако он мог лучше понять процесс разработки компьютеров во время своего пребывания в Чехословакии, где он работал в контакте с лучшим чехословацким специалистом по вычислительным машинам профессором Антонином Свободой. Что бы ни являлось источником его знаний, надо признать, что Старос смог добиться выдающихся успехов в Советском Союзе.

Его советский коллега, ныне проживающий на Западе, указывает, что Старос был первым, кто в Советском Союзе привлек внимание к новой области компьютерной технологии, которую теперь называют там микроэлектроникой. Первый шаг в этом направлении был сделан в докладе Староса в ноябре 1958 года. Микроэлектроника открыла путь к созданию в СССР компьютеров второго и третьего поколения.

Влияние Староса усиливалось, но он очень быстро ощутил пределы советской терпимости. Все началось с проекта создания Центра микроэлектроники в Зеленограде.

По свидетельству эмигрантов, «все развитие проекта по Центру микроэлектроники было предпринято у нас группой из 5 или 10 человек под руководством Староса. Хрущев посетил наше бюро в 1962 году и своими глазами увидел, какие возможности открывает развитие микроэлектроники. В результате он поддержал решение о развитии Центра».

Несколько решений, принятых совместно ЦК КПСС и Советом Министров СССР, были посвящены созданию Центра микроэлектроники. Все они были секретны и никогда не публиковались в советской прессе. Моделью этого Центра были американские компании — такие как АйБиЭм, Тексас Инструмент или Рэйтеон. Английский был родным языком нашего начальника. Он брал с собой американские журналы домой каждый день. Никто не решался просить у него приема, не проштудировав предварительно американскую научную литературу, которая относилась к теме дискуссии».

Центр микроэлектроники должен был включать 6—7 исследовательских институтов, конструкторских бюро, учебный институт, известный ныне как Институт электронной техники, завод. Работа этого Центра должна была координироваться генеральным директором. Старос был назначен заместителем Генерального директора по науке, одновременно сохраняя свою должность главного конструктора конструкторского бюро в Ленинграде. К лету 1964 года Старос обнаружил, что он находится под двойной атакой. Секретари Ленинградского обкома были очень недовольны тем фактом, что руководитель важной исследовательской организации, работающей для военных, является практически иностранцем. Они, в особенности Григорий Романов, очень сильно возражали и против кадровой политики Староса, который набирал на работу людей в основном только в соответствии с уровнем их знаний. Среди этих профессионалов было много евреев и беспартийных. Как и в 1950 году, Старос решил разрубить гордиев узел своей судьбы одним смелым ударом. Он написал личное письмо Хрущеву, излагая свои проблемы и жалуясь на «отсутствие поддержки от министра электронной промышленности т. Шокина». Письмо было получено канцелярией Хрущева в начале октября 1964 года. К несчастью Староса, Хрущев был свергнут 14 октября, и послание попало в руки министра. Его реакция была вполне предсказуемой. Есть информация, что во время беседы со Старосом Шокин сказал следующее: «Филипп Георгиевич, мне кажется, что у вас возникла странная фантазия, будто вы являетесь создателем советской микроэлектроники. Это неправильно. Создателем советской микроэлектроники является Коммунистическая партия, и чем скорее вы осознаете этот факт, тем лучше будет для вас».

Он был снят с поста заместителя директора Центра в 1965 году. Но в качестве уступки Шокин согласился помочь ему сохранить его позицию в Ленинграде. В течение нескольких лет министру удавалось это делать, даже тогда, когда первым лицом в Ленинграде стал Григорий Романов.

В эти годы Старос создал первую советскую ферритную память, первую советскую большую интегральную схему, первый советский настольный компьютер и, наконец, первый советский малый компьютер, установленный на самолете.

В 1973 году конструкторское бюро Староса было закрыто, и последние годы своей жизни он провел во Владивостоке в Институте вычислительных машин Дальневосточного Центра АН СССР. Старос умер в 1979 году, некролог был опубликован в «Известиях».

ТЕРЕЗА ТОРАНСКАЯ
ЯКУБ БЕРМАН [1]

НЕЗАВИСИМОСТЬ ПО-СОВЕТСКИ

ПОЧЕМУ ПОЛЬША НЕ СТАЛА СЕМНАДЦАТОЙ СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКОЙ

— *В течение десяти лет вы были вторым человеком в государстве — мозгом партии и высшим авторитетом. Потом вас обвинили в тяжелейших преступлениях и в измене, выгнали и даже вычеркнули из энциклопедии.*

— Это нормально. Раз прокляли, значит перестал существовать. Когда я был у власти, обо мне писали даже в Советской энциклопедии, а потом вычеркнули. Они всегда корректировали историю, а наши сейчас следуют их примеру. Гомулка [2], который все это затеял, не проявил по отношению ко мне великодушия. Наверное, не смог простить, что также под моим давлением он в 1948 г. вынужден был выступить с самокритикой. Когда дошло до голосования о моем исключении из партии, то против голосовал я и еще около двадцати товарищей, большинство голосовало за. Исключение из партии было для меня шоком и величайшим оскорблением.(...)

Мы сами мало знали о том, что происходит в Польше, а быстро изменяющаяся международная обстановка требовала решительных действий. Тогда-то и возникла идея создать представительство в лице Польского народного комитета. Союз польских патриотов занимался делами беженцев — их бытом и обучением, а мы хотели подготовить почву для создания польского правительства.

—*Но ведь в Лондоне уже существовало признанное народом польское правительство?*

— Это правительство не было признано Советским Союзом, и Сталин никогда не признал бы его. Польское правительство не должно было быть враждебным по отношению к СССР.

— *А в чем проявлялась эта враждебность? В несогласии с захватом половины страны? В несогласии с депортацией поляков в Сибирь и их убийствами?*

— Бред. Кто после первой мировой войны угрожал Советскому Союзу? Господин Пилсудский! [3] Ленин предложил Польше очень выгодные границы, сдвинутые далеко на восток. Но Пилсудскому было мало. Он хотел федерации — подчинить Украину и Прибалтику, и пошел на Киев. Зачем?

— *А зачем Ленин пошел на Варшаву?*

— В тот момент дело было не в Польше. Польша рассматривалась как мост в Германию, а в Германии, в сердце Европы, создалась революционная обстановка, появились надежды на победу революции в этой стране. К сожалению, эти надежды не оправдались. Поражение под Варшавой развеяло надежды на революцию в Европе. Так что после второй мировой войны Сталину нужны были гарантии, что соседняя страна — ведь Польшу не стереть с карты Европы — будет дружественным государством.

— *И он решил укрепить дружбу, перебив польских офицеров?*

— Он и со своими поступал так же, и советских жертв было ничуть не меньше.(...)

— *Содержание «Июльского манифеста» [4] было согласовано со Сталиным?*

— Разумеется. Сталин очень интересовался положением в Польше. И дело было не только в согласовании текста Манифеста. Нам нужно было объяснить нашу точку зрения, которая не совсем совпадала с советским опытом. Советские руководители исходили из опыта своей молодости и считали, что их метод наделения крестьян землей должен быть примером и для нас. Они требовали, чтобы мы пошли по пути наделения землей и середняков, а это неприемлемо для Польши. Земли бы не хватило. Но они настаивали, забыв, что в России были огромные кулацкие и помещичьи земельные площади. Минц [5] блестяще защищал нашу позицию. Он подсчитал, сколько гектаров земли есть у нас и сколько нуждающихся в земле. И получилось, что для середняков земли не хватит. Наконец, мы нашли решение. В декрете говорилось, что землю получат и середняки, но только многодетные.

— *Но вы же провозглашали Польшу самостоятельной?*

— При чем тут самостоятельность? Согласование манифеста или вопроса о наделе землей — это одно, а самостоятельность — другое. Они ведь помогали нам и хотели, чтобы в Польше произошла такая же революция, как и в России, т. е. самая лучшая, по их мнению, потому что увенчалась победой (они ведь не могли выйти за ими же очерченные границы). Необходимо понять их образ мысли. Я знаю, это не просто. Все мы воспитаны на нормах Международного права. Это право подверглось, правда, значительной девальвации. Но и нам не все равно, попирают ли законы в «белых перчатках» или нет. Они же попирать их не собирались. Они хотели помочь нам, советовали, а не вмешивались во внутренние дела. Польша должна была стать независимой, и этого хотели не только мы, но и Сталин. Еще в мае 1943 г., отвечая на вопросы корреспондентов «Нью-Йорк Таймс», Сталин сказал, что он безоговорочно за сильную и независимую Польшу.

— *Интересно, что за три с половиной года до интервью Сталин был решительно против этого, а 31 октября 1939 г. на сессии Верховного совета СССР Молотов вопил (и не по своей же инициативе), что ничего не осталось от «этого уродливого детища Версальского договора», что «о восстановлении старой Польши не может быть и речи», что «бессмысленным является продолжение теперешней войны под флагом восстановления прежнего Польского государства».*

— Погодите. Правда, в 1942 г. и в начале 1943 г. предлагалась идея семнадцатой республики СССР. Эту идею поддерживала и София Дзержинская [6]. Я был не согласен с ней и ссылался на международную обстановку, не желая быть обвиненным в национализме. Но выступил я лишь в начале 1943 г., когда обстановка была подходящей для этого. Я взвесил все за и против и написал Дзержинской письмо, отвергая такую постановку вопроса.

В то время в коминтерновском журнале появилось несколько статей о национальных особенностях стран

будущего лагеря социализма. В них говорилось о необходимости создания национального фронта и поддержке национальных традиций. Именно тогда я написал письмо Дзержинской, что не вижу ни смысла, ни цели в семнадцатой республике, тем более что создание такой республики противоречит идеям Коминтерна и что я выступаю за самостоятельное польское государство. Дзержинская, разумеется, на мое письмо не ответила, но, наверное, передала кому надо. Но тогда это уже не могло иметь плохих последствий. Я не совершил смертного греха, я мог сослаться на мнение других товарищей, пользовавшихся большим, чем я, авторитетом. Эти люди до роспуска Коминтерна весной 1943 г. оправдывали такое решение необходимостью гарантировать более широкие права каждой партии, в не связывать их директивами Коминтерна. Эту идею в какой-то степени поддерживал и Сталин.

Сталину нужна была дружественная, верная Польша, и он отнюдь не настаивал на обязательном включении Польши в качестве семнадцатой республики в СССР. У него хватило ума понять нереальность и бессмысленность такой затеи. В то время такая концепция была нелепостью. Ради успеха антигитлеровской коалиции необходимо было гарантировать независимость всем народам. К тому же судьбу Польши решал не только СССР, но и весь мир. После Сталинградской битвы, когда уже не было сомнений в победе Советского Союза, стало ясным и то, что на предстоящих мирных переговорах Советский Союз будет партнером с решающим голосом и будет в значительной мере диктовать условия. Мы знали, что благодаря этому Польша получила возможность изменить общественную структуру.(...)

— *Но ведь вы отдали и Львов, и Вильно!*

— Да, других границ, чем те, которые предлагал Сталин, нельзя было добиться.

— *Можно было. Можно было сохранить Львов. Джеймс Ф. Бернс (директор мобилизационного управления США) сказал 13 февраля 1945 г., т. е. через два дня после окончания Ялтинской конференции (на которой не решалась судьба Львова), что еще не решено, кому достанется Львов.*

— Это были кратковременные грезы. Единственной нашей возможностью было получить часть Беловежской пущи, и эту возможность мы реализовали.

— *Потому что Осубка*[7] *объяснил Сталину, что зубры не поляки и не белорусы?*

— (Смеется). Да, так оно и было. Иногда Сталина можно было взять шуткой.

— *А чем еще?*

— Да что вы, Сталин был великолепным политиком. Иногда его приходилось убеждать, и мы пользовались разными приемами.

— *Но все-таки вы согласились с границами, которые определил Сталин?*

— О Белостоцком районе, занятом после 1939 г., были серьезные прения. Но Сталин не упорствовал, так как национальная структура этого района не вызывала сомнений. Споры, правда, были по Ломженской проблеме, но это мелочь.

— *Потому что район Жешува, где находился важный железнодорожный узел и несколько нефтезаводов, вы уже успели отдать?*

— Отдали потому, что Россия хотела получить эту нефть, и мы вынуждены были согласиться. Но кое-что нам дали взамен.

— *Без нефти?*

— Без нефти. Но ведь потом оказалось, что и там не было нефти!

— *А по какому праву вы распоряжались польской землей?*

— Это все чепуха. Планы — да и то нереальные — можно было, конечно, строить еще после первой мировой войны, что и делал пан Пилсудский. Но после второй мировой войны стала очевидной абсурдность этих мифов. Дело не в праве, а в реальности и соотношении сил. Такой реальностью было соглашение Большой Четверки в Тегеране и Ялте.

— *В принципе вы правы, но дело в том, что вы отдали эти земли еще до Тегерана и Ялты. Вы отказались от них в 1939 г., а потом не только не поддержали польское правительство в его попытках вернуть хотя бы кусочек — как раз в связи с национальной структурой,— а наоборот, мягко говоря, мешали этим попыткам.*

— Глупости. Наше согласие или несогласие не имело никакого значения, особенно когда речь шла о восточных окраинах. Присоединение этих областей к СССР решила война. Спорить об этом было бы смешно. Можно было бороться за западные границы на Одре и Нейсе, и Сталин резко выступал против тех, кто противостоял нам.

— *Ради своей же выгоды.*

— Мы понимали, что Сталин, как всякий политик, будет руководствоваться прежде всего интересами своей страны, но эти интересы совпадали с нашими стремлениями, нам тоже нужны были такие границы на Западе. Например, был спор с немецкими коммунистами из-за Щецина. Им очень хотелось, чтобы он стал немецким, но решил этот вопрос Советский Союз.

— *И линейка Трумэна.*

— Не знаю. Щецин остался за нами. Сталин ловко провел своих противников.

— *Вам тогда не приходило в голову, что настанет и ваша очередь?*

— Честно говоря, нет. Главным было добиться от Запада того, чего мы хотели, т.е. наиболее выгодных для Польши границ.

— *Результаты: Польша, находившаяся среди победителей, потеряла 27 % своей территории, а немцы, проигравшие войну, всего 18 %.*

— Это наивные подсчеты. Мы получили гораздо более богатую землю. На Востоке были отданы очень бедные районы; потребовались бы огромные усилия, чтобы построить там заводы, построенные потом в других районах. Вряд ли мы смогли бы это сделать даже за десять лет.

— *А сколько было вывезено в Советский Союз?*

— Какие-то подсчеты уже проводились, но результаты мне неизвестны. Но вряд ли можно это подсчитать. Так, например, с западных земель и Германии гнали скот. По дороге скот погибал. Или же наши крестьяне давали взятки охране и получали скот. Так что сколько пригнали — неизвестно. Таковы законы войны. Но мы протестовали, стараясь приостановить демонтаж заводов. Советы считали, что все, что находится на наших западных землях, их трофеи. Раз это осталось после немцев, то по праву принадлежит им. Были созданы «трофейные отряды». Их главной задачей было содействовать быстрейшему восстановлению Советского Союза. Чем больше трофейного добра, тем лучше. Главных успехов эти отряды добились в первые послевоенные месяцы, когда на наших освобожденных землях хозяйничали военные коменданты.(...)

— *Кто же тогда властвовал над поляками?*

— Мы. По договоренности, все обращения к полякам должны были издавать мы или они, но после согласования с нами.

— *На каком основании происходила депортация польских подданных в советские лагеря?*

— Красная Армия действительно увозила поляков, но только в рамках самообороны и только во время войны и в самые горячие послевоенные месяцы. Потом это прекратилось.

— *Но за это время успели вывезти 40 тысяч поляков (по данным Лондонского правительства), в том числе и моего отца...*

— Но ведь он вернулся!(...)

— *27 марта 1945 г. под Варшавой, в районе, где не было никаких боев, заманили в ловушку заместителя председателя Совета Министров Польского правительства Яна Янковского, главнокомандующего Армией Крайовой генерала Леопольда Окулицкого и председателя Совета национального единства Казимежа Пужака. Советский генерал Иванов (он же Серов*[8]*) дал через связных честное слово, что речь идет о переговорах. Его обещание оказалось пустым звуком. Все трое исчезли. На следующий день исчезли 13 лидеров главных политических партий. Партий, которые существовали и действовали под оккупационным режимом. Еще трое исчезнувших — Казимеж Багинский, Юзеф Хацинский и Францишек Урбанский — были представителями польского правительства в Лондоне (правительство национального единства). Полтора месяца советские власти утверждали, как они в подобных случаях всегда делали, что им ничего не известно о судьбе пропавших без вести. И только в мае в Сан-Франциско Молотов признал, что все они в России и что им предстоит судебный процесс по обвинению в диверсиях в тылу Советской Армии.*

— Их арест был для нас неожиданностью. В каком-то смысле мы были шокированы, потому что их арестовали без нашего ведома и нарушили тем самым наши планы относительно «большой четверки» пролондонских партий. Мы надеялись на раскол между ними и стремились «освободить» из-под их влияния крестьянскую партию. Добиться сотрудничества с крестьянской партией было мечтой Гомулки... Мы наладили связь с ними и начали вести переговоры. Арест этих шестнадцати очень помешал переговорам, вызвал, что было неизбежно, негодование в стране, затормозил все попытки наладить сотрудничество с другими партиями, сделал невозможным перетянуть на нашу сторону и на сторону Советов даже отдельных политиков. Мы решили выступить с протестом против ареста. Берут[9], Минц, Гомулка и я подписали шифровку в Москву. Я переводил, поскольку лучше всех знал русский язык. Мы написали, что арест шестнадцати затрудняет наше положение, что нам трудно будет склонить на нашу сторону людей и приобрести союзников, что этот арест может нанести нам большой ущерб. Все это, естественно, формулировалось очень осторожно, с оговорками.

— *Почему?*

— Мы не знали, в чем этих людей обвиняли.

— *А разве были юридические основания, по которым польские граждане за «преступления», совершенные в Польше, должны были предстать перед советским судом?*

— Теоретически вы правы, но вы пользуетесь понятиями мирного времени, когда царит порядок. Нам же пришлось осознать — хотя это было и неожиданностью для нас,— что идет война, что на войне гибнут люди и что даже за подозрение в шпионаже расстреливают в течение 24 часов.

— *Неправда. Ни британская, ни американская армии во время войны не арестовывали и не убивали героев сопротивления в освобожденных странах.*

— Мы не давали на это согласия. «Они» вывезли их без нашего разрешения. Видимо, у них были свои соображения, свои планы, а на наши они не обращали внимания. На нашу шифровку мы тоже не получили ответа.

— *Но 21 мая 1945 г., когда вы подписывали Договор о дружбе, взаимопомощи и послевоенном сотрудничестве с Советским Союзом — договор, который должен был гарантировать независимость «новой демократической Польши» и помочь ей добиться расцвета и благополучия,— вы должны были потребовать освобождения всех поляков из советских тюрем и лагерей, не правда ли?*

— Когда мы подписывали договор, это касалось не только нас и Союза. Он был подписан как компромисс антигитлеровской коалиции. Но что вы хотите сказать?

— *Что вы и в тот раз нанесли народу поражение.*

— Ничего подобного. Мы принесли ему свободу.

— *Свободу?*

— Да, свободу. Мы возвращались не для того, чтобы оккупировать страну, мы не о такой роли мечтали. После всех трагедий, которые пережила Польша, мы принесли ей полное освобождение. Мы изгнали немцев, и это что-то значит. Я знаю, все не так просто. Мы мечтали воскресить Польшу, оживить ее. Все наши надежды были связаны с новым государственным строем, какого еще не было в истории. Это был единственный шанс за тысячелетие, и мы его получили. Правда была на нашей стороне, не иллюзия, не сказка, а историческая правда.

— *А конкретно — на вашей стороне были Красная Армия и НКВД...*

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Берман Якуб (1897—1988) — деятель польского коммунистического и рабочего движения, один из организаторов создания ПНР. В 1948—1956 годах — «второе лицо» в государстве и партии. В 1956 году снят со всех ответственных постов .
2. Гомулка Владислав (1905—1982) — в 1943—1948 годах генеральный секретарь ЦК Польской рабочей партии (ППР), в 1949—1956 — в опале, в 1956—1970 — первый секретарь ЦК ПОРП, фактический руководитель страны. После расстрела рабочих в Гданьске (декабрь 1970) отправлен на пенсию.
3. Пилсудский Юзеф (1867—1935) — маршал, в 1919—1922 годах — «начальник государства», в 1926—1935 — фактический руководитель т. н. санационного режима.
4. «Июльский манифест» — Манифест Польского комитета национального освобождения от 22 июля 1944 года, положивший начало режиму т. н. «народной Польши».
5. Минц Хилярий — в 1948—1956 годах — секретарь ЦК ПОРП. Снят с должности вместе с Берманом.
6. Дзержинская София (1882—1968) — жена Ф. Дзержинского. С 1937 года — в аппарате Исполкома Коминтерна, с 1946 — на пенсии.
7. Осубка-Моравский — министр иностранных дел Польши (в 1944—1945 годах).
8. Серов И. А. (род. 1905) — председатель КГБ СССР (в 1954—1958 годах).
9. Берут Болеслав (1892—1956) — председатель Крайовой Рады Народовой (1944—1949), в 1948—1956 годах — руководитель ПОРП, одновременно президент, председатель Госсовета и Совета Министров ПНР.

КНИЖНЫЙ РАЗВАЛ

РОДНАЯ СТАРИНА.
Отечественная история в рассказах и картинах (с XVI до XVII ст.). В 3-х частях. Составил В. Д. Синовский. М., «Русская книга», 1992.

Эта книга предназначалась на рубеже веков «в помощь учащимся», выдержала несколько изданий, отражая уровень исторических знаний своего времени. В иных условиях ее переиздание не имело бы особого смысла, но хроническая нехватка мало-мальски сносных исторических книг для юношества заставляет наших издателей рыться в залежах литературы «изрядного возраста». Впрочем, по сравнению с железобетонными фразами школьного учебника многословное и несколько вычурное изложение «Родной старины» несомненно выигрывает. Можно сомневаться, будет ли полезна эта книга ребятам, серьезно увлекающимся историей. Однако школьники, испытывающие на уроках истории неуемную скуку, наверняка свое мнение изменят...

Дойчер И.
ТРОЦКИЙ В ИЗГНАНИИ.
М., Политиздат, 1991, 590 с. 150000 экз.

Известие о выходе этой книги может вызвать у читателя чувство раздражения. Всеми гонимый Политиздат издал один из томов сочинения некогда всеми гонимого Исаака Дойчера о товарище Троцком, о котором за последние годы где только и чего только не писали (и в «Родине», в том числе). Подле Троцкого знакомые все лица — Н. Н. Яковлев (на этот раз — переводчик) и Н. А. Васецкий (автор послесловия и комментатор).

И все же, несмотря на кажущуюся заезженность темы, эту книгу непременно стоит прочитать. Вспомните, какой шум поднялся после перепечатки в «Иностранной литературе» (№ 3, 1989) главы из книги Дойчера, повествующей о смерти Троцкого. Теперь, хоть и с опозданием, наш читатель получает возможность познакомиться полностью с последней частью трилогии польского троцкиста, вышедшей в Лондоне в 1963 году.

Ввиду неактуальности вечных споров о том, чей социализм демократичнее и краше, книга Дойчера теперь приобретает несколько иную окраску. Не логичнее ли увидеть в ней не «захаянное сказание иностранца», перепечатанное в пику стандартным проповедям о «борьбе против троцкизма», а интереснейший документ эпохи. Дойчер убедительно излагает собственную концепцию формирования и развития советского режима, привлекая для доказательства богатейшие материалы архива Троцкого. Попытка анализа, соединенная с немалым литературным дарованием автора, оказалась удачной настолько, что позволяет рассматривать работу Дойчера как нечто более значительное, чем классическое произведение «троцковедения». Факты и размышления, помещенные в этой книге, могут оказать огромную пользу тому, кто решится, освободившись от мелочных политических пристрастий, исследовать механизм развития нашего общества в XX веке, проследить, по выражению Ю. В. Готье, в чем же «ошиблись эти прекрасные люди, мечтая о блестящей судьбе страны, кончившей, как старый алкоголик в одном из романов Золя: подожгли — и сгорела без остатка».

З гісторыяй на «Вы»: Публіцыстычныя артыкулы (С историей на «Вы»: Публицистические статьи). Мн., «Маст. Літ.», 1991. 398 с. 2200 экз. Сост. В. А. Орлов.

Не кажется ли вам, что пора уже подвести итоги памятной всем шумной кампании по выявлению «белых пятен» нашей исторической науки? Лавина разоблачительства и самобичевания затронула практически все периоды отечественной истории.

А что в результате? Хороший повод для такого разговора дает сборник публицистических статей белорусских исследователей, написанных за годы «революционной перестройки».

Авторы книги — известные в республике историки и писатели — едины в стремлении преодолеть перекосы исторического сознания, накопленные десятилетиями, а то и веками. Многое выглядит убедительно: размышления В. Быкова о навязанном белорусам беспамятстве, самиздатовское «Письмо русскому другу» А. Кавко, материалы о топонимике и национальной символике. Но коечто заставляет серьезно задуматься.

Во-первых, удивляет настойчивая апелляция практически всех авторов к таким крупнейшим знатокам белорусской истории, как Маркс и Энгельс. В сборнике есть и специальная статья А. Грицкевича «Карл Маркс и Фридрих Энгельс о Беларуси» (судя по всему, публикуемая впервые). Понятно, что мысли о славянском характере Великого княжества Литовского, заимствованные отставными классиками в современной им немецкой историографии, сами по себе верны. Но ведь существуют и другие высказывания тех же провидцев, хотя бы о «неисторическом характере» всех славянских народов (за вычетом русских и поляков, да и то с оговорками) (см. статьи Энгельса «Демократический панславизм» и «Борьба в Венгрии». Соч., 2-е изд., т. 6). Симпатии деятелей, пророчащих скорое исчезновение славянства, к одному из славянских народов весьма сомнительны и во всяком случае не могут служить фундаментом для научной концепции феодальной истории Беларуси, на создание которой авторы сборника явно претендуют.

Не украшает книгу и навязчивая полемика с «зубрами застоя». На десятках страниц серьезные ученые-медиевисты ведут полемику с умершим в 1975 году Л. С. Абецедарским и с А. Залесским, «одним из крупнейших специалистов по истории всенародной борьбы в тылу немецко-фашистских оккупантов». По меньшей мере анекдотичная ситуация, отражающая, впрочем, уровень сегодняшней исторической науки (не только белорусской!), пребывающей на распутье. Почти как у Высоцкого: «И глаз подбит, и ноги разные». Впечатление такое, что одна команда сменяет другую. Методы — все те же...

Мыльников А. С.
ИСКУШЕНИЕ ЧУДОМ:
«Русский принц», его прототипы и двойники-самозванцы. Л., «Наука», 1991. 268 с. 74000 экз.

«Не зная ничего о нем на деле, они ему придумали судьбу»,— этой цитатой из Р. М. Рильке открывается книга доктора исторических наук А. С. Мыльникова, посвященная интереснейшим проблемам политической истории России XVIII века. В центре повествования — недолгое царствование Петра III и прокатившаяся после его гибели волна самозванчества. Среднестатистический читатель, прочитавший не только Пикуля, но и Соловьева с Ключевским и убежденный, что царь Петр Федорович — всего лишь пьяница, немец и чуть ли не дегенерат, будет шокирован. Автор решительно восстает против традиционной концепции, опирающейся главным образом на записки Екатерины II, Е. Р. Дашковой и А. Т. Болотова. В итоге рьяный русофоб и «холуй Фридриха II» предстает перед нами совершенно в ином свете. Выясняется, что облик внука Петра Великого был искажен просто фантастически: судя по последним исследованиям, рост «малорослого и плюгавого властителя» достигал едва ли не 180 см. А. С. Мыльников задается резонным вопросом: почему имя столь ущербного императора на протяжении долгих лет буквально магнетизировало широкие слои народа не только в России, но и в Чехии, Черногории и т. д.?

В поисках ответа историк методично перетряхивает различные элементы привычной характеристики Петра III, находя в его деятельности немало полезного для России (особенно в сфере законодательства). 186 дней царствования «пленника власти» по версии автора явились в целом вполне плодотворным периодом «государственного творчества», немалая роль в котором принадлежала «лично» императору. Отталкиваясь от подобных выводов, А. С. Мыльников создает достаточно убедительную картину формирования и развития самозванчества как феномена народного сознания.

ЮРИЙ ЖЕЛЯБУЖСКИЙ

Ни метра брака

Юрий Андреевич Желябужский (1888—1955) — один из пионеров отечественной кинематографии. Начал работу в кино в 1916 году, был одним из основателей Художественного коллектива «Русь» («Межрабпом-Русь»), внесшего значительный вклад в становление отечественной кинематографии.

Режиссер, оператор, педагог, человек блестящей эрудиции, глубоких и разносторонних знаний, владеющий четырьмя языками, по-доброму относящийся к людям и ко всему живому (его вдова рассказывала автору этих строк, как однажды принесла домой живую рыбу и как Юрий Андреевич стал просить ее бросить рыбу обратно в реку, что она и сделала) — таким он остался в памяти всех, кто знал его, кому посчастливилось работать с ним на киностудиях, слушать его удивительные лекции в институте кинематографии.

В 1919 году Ю. А. Желябужский в качестве кинооператора снял фильм по рассказу Л. Толстого «Поликушка», получивший широкое признание зрителей многих стран мира, позднее поставил известные фильмы «Папиросница из Моссельпрома» и «Коллежский регистратор», по повести Пушкина «Станционный смотритель». Он был одним из кинооператоров знаменитого фильма «Аэлита», руководил созданием первых советских мультипликационных фильмов «Приключение Болвашки» и «Каток». Публикуемая автобиография Ю. А. Желябужского записана с его слов в 1937 году.

МАРК ВОЛОЦКИЙ, *киновед*

С детства я вращался в театральной среде. Система Станиславского складывалась на моих глазах и впитывалась мною. Естественно, что принципы системы Станиславского я применил потом в своих кинематографических постановках.

В 1904 г. моя мать (Мария Федоровна Андреева, известная актриса Художественного театра. — *Ред.*) разошлась с отцом и вышла замуж вторично. Вторым ее мужем был Алексей Максимович Горький. С 1904 г. по 1916 г. я рос в доме Алексея Максимовича. И он сам, и литературная среда, которая его окружала, оказывали на меня большое влияние.

Однако в те годы я не думал ни о сцене, ни о литературе, ни о кинематографе. У меня была дилемма: или идти в консерваторию (я играл на скрипке), или в Политехнический институт на кораблестроительный факультет. Я выбрал второе.

В кино я всегда ходил с увлечением. Еще в период поездок на Капри мы всем домом бывали в кино — мама, Алексей Максимович, гости и т. д.

В Петербурге этот интерес продолжался.

Мы не могли не заметить, что в таком интересном деле, как кино, нет серьезной работы, нет серьезных творческих сил. Среди работников кинематографии трудно было отыскать человека, который относился бы к кино как к искусству.

Кино привлекало предпринимателей как поле для выгодной спекуляции, актеры же относились к нему как к подсобному заработку.

И вот возникла мысль о том, чтобы привлечь в это молодое, многообещающее, но еще слабосильное искусство подлинные творческие силы, крупные таланты литературы и театра. Как это сделать? Решили организовать свое кинопредприятие. Инициатором этого дела был Алексей Максимович Горький, он же должен был привлечь литературные силы. Мать должна была привлечь силы Художественного театра.

Предполагалось, что ведущие актеры Художественного театра примут в этом деле непосредственное участие.

Киноателье собирались построить в Камергерском переулке, во дворе Художественного театра. Дело было налажено, но не осуществилось, потому что среди инициаторов не было человека, хорошо знающего кинематограф.

В феврале 1916 г. маму пригласили сниматься у Тимана [1]. Попав на кинофабрику, я очень быстро включился в практическую работу. Первое, что мне пришлось делать,— это читать и править сценарии, корректировать надписи в сценарном отделе. Заведующим литературным отделом у Тимана был в то время Витольд Францевич Ахрамович. С ним я и начал мою первую работу в кино — в частности написал несколько сценариев. Быстрому освоению этой работы мне помогли мои литературные навыки.

Летом 1915 года В. Э. Мейерхольд поставил у Тимана своего «Дориана Грея». Картина разрослась до 3600 метров. По тому времени это был совершенно невероятный метраж. Мейерхольд, сняв картину, даже не попытался ее монтировать, сказав, что он этого не умеет, и тут же уехал что-то ставить. Монтировать было поручено Волкову. Это совпало с моим появлением на фабрике (я начал работать у Тимана 13 февраля 1916 года). Волков сказал мне: «Если хотите узнать, что такое монтаж, то давайте вместе монтировать». Я, конечно, выразил желание и стал помогать ему в монтаже «Дориана Грея». Той же весной я принял участие непосредственно в постановочной работе в картине «Душа мятежная», а затем в картине «Отдай мне эту ночь» [2]. Обе картины ставил М. И. Доронин [3], и сам же играл в них главные роли.

Помимо этого я работал еще с режиссерами Волковым и Уральским. Так начал я втягиваться в постановочную работу, исполняя в то же время свои обязанности в литературном отделе.

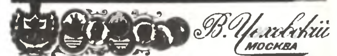
Уйдя от Тимана, я явился в лабораторию Кенеке и Мартынова [4]: «Мне очень хотелось бы познакомиться с лабораторной работой». Кенеке ответил просто: «Смотрите, начинайте работать, чем сможем — поможем».

Я проработал в лаборатории пять месяцев и прошел за это время все виды лабораторной работы, начиная от намотки и кончая проявкой негативов. Одновременно под руководством Кенеке я начал сам снимать.

Осенью я случайно снял самостоятельно (вместо заболевшего оператора) целый эпизод из картины. После этого я уехал в Петроград сдавать оставшиеся экзамены.

После сдачи экзаменов, за несколько дней до Февральской революции, я вернулся в Москву. Мама в это время работала в театре Незлобина. Моя первая производственная кинематографическая работа была сделана в общественном порядке. Это было во время Февральской революции, когда кадетская городская дума устроила парад. В противовес этому кадетскому параду Московский совет организовал 10 марта демонстрацию рабочих. Узнав о предстоящей демонстрации, я и Бендерский пошли в Московский Совет к Ногину и Рогову, которые были тогда заместителями председателя Московского Совета, с просьбой разрешить съемку демонстрации. Получив поддержку и поощрение, мы начали агитировать знакомых нам операторов и в результате организовали группу из четырнадцати человек, которая в общественном порядке сняла для Моссовета эту демонстрацию. Мандаты на право съемки писали мы сами, сами добывали и машины из гаража, обратившись к шоферам с речами. Я тоже снимал и, кроме того, монтировал весь снятый нашей группой материал. Негатив, к сожалению, пропал, сохранилась только расписка от М. И. Рогова о принятии негативов и позитивов.

После этого я поехал в Петроград. Узнав, что там 23 марта будут похороны жертв революции, я срочно выписал из Москвы киноаппарат и две коробки пленки. За разрешением и помощью я пошел в Петроградский Совет, одним из членов которого была в это время моя мать, кроме того, многих работников Петросовета я знал лично. Мне дали автомашину и пропуск на право свободного проезда по улицам и площадям города. В этот день в Петрограде ходило всего лишь пять машин, остальным проезд был запрещен. Не имея средств передвижения, все операторы снимали только на Марсовом поле. Я же имел возможность передвигаться всюду и снял движение демонстрантов по улицам. В тот же день я послал две коробки пленки в Москву в лабораторию Кенеке и Мартынова, а через два дня



Автобиография печатается в сокращении.— *Ред.*

приехал сам. Разумеется, чуть ли не с вокзала я бросился в лабораторию посмотреть результаты. Кенеке сообщил мне, что снято очень хорошо. «Можно посмотреть?»,— спрашиваю. «Нет,— говорит,— я уж продал негативы от вашего имени фирме Пате, идите туда договариваться». Я пошел к директору Энфруа, и он предложил мне 4 р. 50 к. за метр. (Обычная цена за хронику была тогда полтора рубля за метр.) Я же обязался смонтировать и составить надписи на русском и французском языках. Куплены были все 240 метров, так как не оказалось ни метра брака, что чрезвычайно подняло мой операторский дух.

Весной 1917 года я снова стал работать у Кенеке и Мартынова, но уже в качестве штатного работника. Одновременно провел несколько мелких случайных съемок для разных фирм. В те времена одна картина снималась несколькими операторами — кто свободен, тот и снимает. В результате снимать приходилось то хвост, то середину, то начало. Так проработал я до июня 1917 года. В этот период начала оперяться фабрика «Русь», и ее руководители стали подыскивать себе постоянного оператора (до этого у них тоже одну картину снимало энное количество лиц). Меня приняли на испытание с поденной оплатой.

Первой картиной, которую я снимал в «Руси», была «Шакалы власти» [5]. До меня ее уже снимали шесть-семь операторов, и мне оставалось только закончить — снять в течение двух-трех дней натуру. Режиссировал эту картину Ленчевский (опереточный польский режиссер).

После этого я стал снимать с режиссером Чаргониным антисектантскую картину о хлыстах — «Лгущие богу» [6]. Таких картин было в то время несколько. Когда я начал для этой картины съемки в павильоне, зав. производством М. Н. Алейников познакомил меня с владельцем «Руси» М. С. Трофимовым; они предложили мне перейти с поденной работы на постоянную. Сами назначили ставку в 750 рублей. Лучшие операторы, как, например, Бендеровский, Левицкий, Рылло, получали 1000 рублей. Остальные значительно меньше. Итак, мое операторское мастерство было признано. Я почувствовал себя оператором-профессионалом.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Кинофирма «Тиман и Рейнгардт».
2. Фильм «Душа мятежная» выпущен был «Русской золотой серией» 27 сентября 1916 г. под названием «Есть ли счастье на свете сильнее любви» (на сюжет романа Я. Вассермана «История юной Ренаты Фукс»). Фильм «Отдай мне эту ночь» выпущен «Русской золотой серией» 3 сентября 1916 г. по сюжету стихотворения Г. Галиной.
3. Доронин Михаил Иванович (1885—1930) — учился в школе МХТ. Поступив в труппу Введенского народного дома, снялся с другими актерами этой труппы в ряде русских дореволюционных картин. С 1914 г. переходит на режиссерскую работу. Вскоре приобретает известность как постановщик фильмов «Русской золотой серии». Особый интерес представляет его совместная с Вс. Мейерхольдом работа над фильмом «Портрет Дориана Грея». Одновременно с режиссурой продолжал сниматься в фильмах.
4. Кенеке Шарль Васильевич, оператор и лаборант, старейший работник кино. Мартынов Владимир Николаевич начал работать в качестве бухгалтера у А. Ханжонкова. После революции руководил лабораторией студии «Межрабпом-Русь».
5. Выпущена на экран 3 октября 1917 г. Авантюрно-приключенческий фильм: немецкие шпионы пытаются выкрасть морское изобретение накануне русско-японской войны.
6. Выпущена на экран 10 ноября 1917 г. Уголовная драма по документам сектантского процесса.

У художника Константина Коровина — известная слава. Но этот замечательный человек бесспорно обладал и писательским талантом. Но профессиональным писателем он не мог и не хотел быть. Он никогда ничего не освещал своим литераторским подходом, а лишь показывал на людей, пейзажи, предметы, как художник.

Художник за письменным столом

11-го сентября редакция газеты «Возрождение» получила тяжкое известие, тяжкое для нас, работников и сотрудников газеты, в эти тяжкие для всех дни.

Константина Алексеевича Коровина — прекрасного русского художника, несшего в себе одну из самых блистательных эпох русского искусства, чудесного русского человека, которого знали и любили все, талантливого русского писателя и нашего многолетнего сотрудника,— в ночь с субботы на воскресенье, 10-го сентября, постиг удар...

Неизменный друг Константина Алексеевича, Н. Н. Куров, и сын Константина Алексеевича, после первых принятых ими мер и вызова врача, отправили разбитого параличом художника в госпиталь Амбруаз-Паррэ, в Булон-Бийанкур, на авеню Адуар-Вайян.

Константин Алексеевич к той минуте, когда заканчивалась первая заметка о нем, находился без сознания...

После в редакцию пришло второе известие:

В 1 час дня в понедельник, 11-го сентября, Константин Алексеевич, не приходя в сознание, скончался.

Прекрасный художник — первая русская жертва новой мировой войны.

Его усталое, больное сердце не выдержало грозы, разразившейся над всеми нами. Ему было уже 78 лет, и его унесли в могилу тяжкие потрясения изгнания и мучительная борьба за кусок хлеба в эти черные мгновения первых потрясений...

Для всех нас ушел, погас внезапно русский свет. Серебристый, нежный, играющий свет, который всем нам давал такую бодрость, такую веру в себя и в Россию.

В самой речи Константина Алексеевича, слегка лукавой и мудрой, в его рассказах, в его внешности — в этой седой русской красоте — во всем всегда играл, лился и звучал в полноте полноценной, как чистые Божьи воды,— русский свет, стихия, дух России.

Ее леса и перелески, синева ее небес, ее люди, так часто чудаковатые, и звери, запах цветущих хлебов, березняки, охотники, озера и заводи, дым деревень — всю эту чистую, небесную ношу России — он всегда нес в себе и разливал вокруг и в своих рассказах среди нас в редакции, и в своих рассказах для газеты.

Он глубоко тосковал о России. Его тоска по родной земле была как истаивающая свеча перед Богом, как молитва за всех нас и за вся.

Молитва неустанная за русскую землю ушла с ним к Божьему Престолу.

Такой он был писатель и такой он был человек. В нем была полнота русского простого благородства. Она сказывалась в самых мелочах, хотя бы в том, как в тяжелые дни он не забывал принести нашим неутомимым сотрудникам-машинисткам сверток конфет, пирожок, или дать, по московской привычке, «на гостинцы» мальчику — сыну товарища по редакции...

Он был художник, московский художник,— да будет благословенно имя его...

И о нем еще скажут, и о нем еще будут писать мастера искусства. Но и я решаюсь сказать, что в его живописной красоте любили мы ту же игру света, полноту, напоение светом, каким был полон этот изумительный мастер. Волшебство и тайна света, игра огней, отражений, насыщение, необыкновенное по силе своей, воздухом и световым движением — вот в чем могущество его живописи, его «марсельских набережных», его вечерних парижских этюдов, полных огней и отражений на влажной мостовой, или его «Испанок».

Когда-то, в 1874 году, великий Моне на парижской выставке показал свое полотно «Импрессион» — величественный закат солнца. От него и начался импрессионизм. И во главе всех русских импрессионистов, всего «Мира искусства», всей самой благодатной, обильной и светлой эпохи русского живописного искусства, стоит имя Константина Алексеевича Коровина.

Его работы насыщены волшебным движением света и огней. Для художника таинство света как будто было таинством самой жизни. И он открывал его.

Кто не помнит его «На дальнем севере» — изумительное по воздушной чистоте и святому покою... Или его театральные декорации, где его мастерское владение таинством светового движения являлось во всем своем великолепии,— его «Руслан и Людмила», его «Князь Игорь»...

Серов и Левитан, Шаляпин и Коровин — это одно. Это последняя вершина вольного русского художника. И имя Константина Алексеевича Коровина овеяно легендарными победами русского художества в Европе, на нашей легендарной русской выставке в Париже, когда у европейцев «открылись глаза» на сокровищницу русской красоты...

Но не мне говорить об этом, и не умею говорить об этом.

А нашего, теперешнего, редакционного Константина Алексеевича — нет с нами, серебряного нашего, полного русского света, с его серо-синими пристальными глазами, такими русскими, всегда готовыми залиться радостным светом, благословляющей улыбкой всему миру, всем людям, всем зверям, всем травам. И небу над всеми нами... Погас для нас русский свет.

Пусть же теперь придут поклониться все русские и друзья художника — французы, его сердцу светлому, сердцу чистому.

И да благословенно будет навсегда среди нас имя его...

Оно осталось для России, покуда быть России. И в Московском художественном музее, рядом с полотнами Моне и Ренуара, находятся полотна Коровина.

А нам что сказать? Вот так, попросту хочу сказать одно:

— На кого ты нас покинул...

ИВАН ЛУКАШ
1939 г.

КОНСТАНТИН КОРОВИН

Светлое воскресение

Долго тянулся великий пост. Страстная неделя. Все серьезные, хорошие, уже не болтают зря, попримолкли. В споры не ударяются.

— За пост-то я пришел в себя,— сознался мне один приятель.

А Василий Княжев сказал:

— Тронулась Москва-река. Поглядишь, народ-то в посту больше в разум входит, совестится. Березкин мне пальто подарил. Гляньте-ка, новое.

Василий, расстегнув пальто, показал подкладку и опять застегнулся.

— Подобрел.

Василий зашипел, смеясь.

— Ведь, как сказать, пост всех на точку ставит, так сказать, на прицел берет. Заметно пьют менее. Я, верите ли, можно сказать, за весь пост трех бутылок не выпил. Малость какая! И к весне деньжонки собрал. Березкину отдал спрятать.

— А он на праздник тебе отдаст?

— Даст. Не все. Я его просил, чтоб все не давал. Каждый хозяин ведь зверь. Так уж в них сызмальства заложено. Другой хозяином никак быть не может, потому — в ем-то это — простота, угощенье, разговоры, друзья, приятели, ну, в кармане-то и пустеет. А хозяин другое. Ты у него просить, а он с тебя тянет, а его не перетянуть. У его логика... Глядите-ка, Константин Лиссич, звона над вокзалами, где Сокольники, журавли летят,— показал в окно Василий.— Их, вольно летят.

— Это, знаешь, шут знаете что такое,— сказал, входя, приятель Коля Курин.

— Здравствуй. А что такое?— спросил я.

— Зашел к Васе, непонятно, он говеет, и, понимаешь, ничего ему сказать нельзя. Говорю: вот теперь бы в деревню к Косте поехать хорошо. Вербное воскресенье, верба как бисер блестит у него у колодца. А он мне говорит: «Довольно разговаривать».— «Почему?— спрашиваю.— Что такое?» «А то такое, говорит, что дни такие». «А что же я сказал-то?» «А то, что грех, весна, верба блестит, скорбеть душой надо...»

* * *

Что может быть лучше весны в России! Леса и рощи заливаются пением птиц. Зеленым бисером покрыты кружева деревьев.

Шумят ручьи, и голубые дали манят туда, туда... Там, в этих далях, все то, что ищет душа твоя, чему радостно бьется сердце, там счастье, там она, которую ты видишь в воображении, прекрасную, как сама весна... Юность, счастье...

И какая красота — праздник Светлого Христова Воскресения весной. Так он был радостен в России. Разливаются колокола красным звоном церквей московских.

Все нарядились, кто как мог. Христосуются, целуются. В каждом доме кулич, пасха. Радостно встречают гостей, угощают гостей, угощают без конца.

Я помню — это все было. И все пропало, как не было. Осталась какая-то волшебная сказка в воспоминании. Все пропало. Сгинуло и потонуло в ненужном ужасе, в голоде, искании куска хлеба, щепотки соли, в тифу и мраке бреда, в злейшей взаимной ненависти...

А может быть, просто это наше видение? А может быть, это тоже только страшная сказка. Может быть, в истории человеческой жизни свершаются сказки, мешается счастье с несчастьем... Может быть, вновь воссияет солнце, и весна вновь чудом оживит сердца человеческие светом разума?..

Из воспоминаний о Плевако

Из декоративной мастерской Малого театра, после работы, я ходил завтракать напротив в «Метрополь».

Как-то однажды, зимой, ко мне зашел в мастерскую Шаляпин, и мы вместе пошли в ресторан. В вестибюле встретили Ф. Н. Плевако.

— Я один,— сказал он нам,— давайте соединимся, только возьмем наверху кабинет, а то смотреть будут.

За завтраком, помню, Плевако заговорил о выдающихся людях. Им верят и считают их исполненными всяческих качеств, ума. Они внушают почтение. Но как часто такое почтение — ошибочно. На поверку люди эти оказываются вовсе не умны, и это заблуждение дорого стоит стране и народу.

Эти слова, сказанные Плевако, я всегда вспоминал в последующие страшные годы России.

Федор Никифорович был коренаст, широкоплеч, роста среднего, широкоскулый. Длинные волосы причесаны на пробор, на сторону. Говоря, он встряхивал голо-

вой. Похож был на калмыка. Глаза — чуть раскосые. Зоркий и быстрый взгляд их не все выносили. Как-то разделял по-особенному духовную сферу человека. Говорил: ум сердца, ум чести. Любил говорить о монастырях, настоятелях обителей и монахах. У него было много друзей среди них, и он ездил гостить к ним в монастыри.

Был старостой Храма Христа Спасителя.

Любимыми писателями его были Пушкин и Гоголь. Он не был человеком новых исканий.

Очень любил живопись и посещал все выставки.

Встретив у меня в мастерской Врубеля, сразу же с ним подружился и стал ездить в Ростокино в простой трактир пить чай, есть расстегаи с рыбой и беседовать.

С Врубелем Ф. Н. вел разговоры часами. Он говорил, что Врубель восхищает его совершенным знанием латыни и римского права. (Врубель окончил Петербургский университет — по юридическому и филологическому факультету и имел золотую медаль.)

Я запомнил фразу, оброненную Плевако в разговоре с Врубелем: «Классическое образование и понимание римского права — это крепости против грядущего хама».

В то время нередко слышались в обществе разговоры о грядущем хаме.

Я как-то был далек тогда от жизни и не верил в грядущие беды. Врубель однажды сказал мне, что в городах России «нарастает злая воля». Эта злая воля и есть грядущий хам.

Беседуя, Плевако закидывал высоко ногу на ногу и, обхватив руками колено, чуть покачивался в ритм речи. Он говорил горячо, человечно, от сердца, в то же время очень ясно и четко излагая свою мысль. Он никогда не бывал гневен, и я поражался его кротости.

Я видел в нем совершенного человека — человека чести и достоинства.

* * *

На одной свадьбе после больших речей и пожеланий счастья молодым все с нетерпением ждали, что скажет Плевако.

И Плевако сказал:

— В семейной жизни мужчина — глава. Приняв его, по арифметической терминологии, за единицу, я определю женщину, как нуль. Теперь вопрос, в каком порядке стоят эти цифры. Если единица стоит впереди нуля, то получается 10, но если нуль стоит впереди, то получается — величина весьма уменьшенная.

Сначала все как-то смутились, а потом зааплодировали.

* * *

Он как-то мне сказал, что наибольшей быстротой ума отличаются преступники.

И, кстати, рассказал об одном из «дел» знаменитого червонного валета Шнейера.

В Москве к крупному ювелирному магазину, торговавшему ценными принадлежностями религиозного культа, подъехал в карете солидный, элегантный господин. Зашел в магазин и попросил вызвать хозяина.

— Мне нужно богатое облачение для архиерея.

Ему подали облачение и митру.

— Митра бедна. Ее бы нужно украсить бриллиантами и драгоценными камнями.

На белой материи, на вате, перед Шнейером разложили драгоценные камни.

— Наш архиерей такого же роста, как вы,— сказал он, взглянув на хозяина.— Померьте, пожалуйста, облачение.

Приказчики облачили хозяина, надели на него митру и дали в руки посох.

Покупатель попросил хозяина пройтись по магазину.

И когда тот сделал несколько шагов, быстро свернул платок с драгоценными камнями, сунул его в карман, вышел из магазина, сел в карету и поехал.

Все растерялись. Потом, спохватившись, выбежали на улицу.

Хозяин в полном архиерейском облачении бежал за каретой, махая посохом и крича:

— Держи его!

Народ и городовые в недоумении бежали за архиереем и схватили прежде всего приказчиков, бежавших впереди.

* * *

Шаляпину Плевако как-то сказал, что гений и вдохновение его — от русского христианства, от тайного воздействия его образующего душу.

Шаляпин серьезно и пристально смотрел на Федора Никифоровича.

Тут Плевако как бы неожиданно вдруг добавил:

— Особенно опасен писатель, которого считают умным, а он не умен сердцем.

Когда мы расстались с Плевако, Шаляпин спросил меня:

— Как ты думаешь, Константин, не про Алексея ли Максимовича он сказал?

— Не знаю,— ответил я.

* * *

Еще — черточка:

Федор Никифорович не выносил распущенности. При нем избегали рассказывать скабрезные анекдоты.

Ф. Н. знал быт старообрядцев и имел много среди них друзей и доверителей.

Однажды он рассказал любопытный случай.

Один из богатейших старообрядцев, не имея родственников, завещал все свое состояние старообрядческой общине. Но незадолго до смерти стал креститься трехперстным крестом, а не двуперстным, как старообрядцы. Приятели его и старообрядческое духовенство это заметили и посмертный дар от него принять отказались.

Старик уговаривал Плевако:

—Чего они мне перечут? Уговори их. Крещусь, как хочу.

Но и Плевако ничего не мог поделать, наследство поступило в казну по смерти старика.

К слову: говорили, что это происшествие косвенно послужило темой для картины В. И. Сурикова «Боярыня Морозова».

На большой дороге

Май месяц. Зеленеют московские сады. Так хотелось уйти за город, в природу, где зеленым бисером покрылись березы и над лугами громоздятся веселые весенние облака. А луга засыпаны цветами. Голубые тени ложатся от дубрав, и в розовых лучах солнца разливается песня жаворонка.

В рощах, в оврагах, еще кое-где — остатки талого снега. И в лужах, не смолкая, кричат лягушки.

Соловьи заливаются в кустах черемухи по берегам речки.

Весна, май, солнце...

Даже в Москве, по Садовой улице, палисадники у домов веселят душу — цветы, акации.

В Сокольниках, первого мая — чаепитие. Праздник. Столы покрыты скатертью. Блестят самовары. Пахнет сосной и дымом.

Пестра толпа москвичей, среди леса распивают чай. Хлеб, булки, бисквиты, кренделя, колбаса копченая.

Разносчики продают белорыбицу, балык осетровый, семгу, сигов копченых, огурчики свежие, редиску.

Уж обязательно мы ходили в Сокольники с А. П. Чеховым, с его братом Николаем. Он был художник, наш приятель.

Радушные самоварщицы угощали каким-то особенным хлебцем, вроде пеклеванного. Этот хлеб был внутри как будто пустой. Хорош он был с колбасой. Запивали чаем. А чай был обязательно со сливками, которые подавались в крынках.

* * *

Мы шли большим лосиноостровским лесом до Больших Мытищ, где на Яузе ловили на удочку рыбу. А уху варили в Мытищах, с краю села «Дом», у тетеньки Прасковьи,— сын ее Игнашка был мой приятель, и там жила моя охотничья собака — сука Дианка.

Антон Павлович был в то время студентом и большим любителем рыбной ловли на удочку.

Ловили на червяка. А. П. любил ловить пескарей, которые шли подряд. Но иногда попадались и окуни, язи и головни.

К вечеру хотели идти в Москву пешком, но Игнашка советовал не ходить, так как на большой дороге объявились разбойники. По дороге грабят богомольцев, идущих к Сергию Троице. Грабят и даже убивают, потому теперь конные жандармы ездят.

— Как бы вас не забрали. Тады наканителишься в волостном правлении, пока отпустят.

Некоторые из нас — Поярков, брат Николай и Мельников — советовали лучше ехать по железной дороге.

— Замечательно!— засмеялся Антон Павлович.— Пойдемте в разбойники — это будет недурно.

Некоторые отправились на станцию, а мы — Антон Павлович, я, Ордынский, Мельников и Неслер — пошли пешком в Москву.

* * *

Прошли Малые Мытищи. Сумерело. Последние лучи солнца освещали верхушки леса.

На дороге ни души.

Только на повороте, у леса, видим мостик, а на мостике сидят какие-то люди. В форме. Как солдаты.

Неслер, человек веселый, высокого роста, шедший впереди, запел:

Я не гость пришел,
Не гоститеся,
Пришел милый друг
Поженитеся...

Когда подошел к мосту, один солдат встал с краю и сказал:

— Стой. Ты, запевала, кто будешь?

Мы тоже остановились.

— Я? Живописец,— ответил Неслер,— мы все художники.

— А по какому делу? — спросил уже полицейский.

— Ни по какому делу,— ответили мы.

— Первого мая ходили гулять к приятелю Игнашке Ельичеву, чай пили, уху ели, рыбу ловили.

— А оружие у вас какое есть?

— Никакого оружия нет.

— А ножи финские?

— Никаких ножей тоже нет.

Полицейский подошел к каждому из нас, прощупал карманы. Ничего не нашел. Посмотрел на нас пристально и сказал:

— Пошаливают здесь, вот что. Позавчера у этого самого моста, вот это самое место в кустах, женщину зарезали. Документы при вас есть какие?

— Есть,— ответили я и Антон Павлович.

— Так вот. В Мытищах пожалуйте к приставу удостоверить личность. Вот вас туды солдаты проводят. Не моя воля, сказать вам правду, но служба велит.

В каменном одноэтажном доме, с краю села, у заставы, при тусклой лампе, за столом сидел грузный старик, весь седой, и ел яичницу. Стояла водка. В стороне на лавке сидел человек и дремал.

Когда нас привели, старик скучно посмотрел на нас и сказал солдату:

— Это чего еще привели?

И вопросительно посмотрел на нас.

— Ну-с,— сказал он,— чего вам надо?

— Нам ничего не надо. А вот задержали,— ответили мы.

— Так,— сказал пристав, глядя на нас.— Студенты будете, или как?

— Да, мы учимся живописи, а вот он студент,— показали мы на Антона Павловича.

— Садитесь.

Мы сели на лавку.

— Гвоздев, запиши фамилии. Ишь, черт его дергает. Не по уму усердие. Убийцы... Вот, поверите ли,— обратился пристав к нам,— третью ночь не сплю. Все убийцев ко мне пригоняют. Прямо берут каждого с большой дороги. А убийца нешто так и пойдет прямо на заставу, по дороге-то. А он сейчас надо мной — старший. Тут какой-то сумасшедший озорничает, ножом работает. Шесть человек на дороге загубил. Позвольте документы.

Мы показали документы. У меня — свидетельство на право писать красками с натуры и просьба оказывать мне содействие. У Ордынского и Неслера тоже.

— Ну вот, и впрямь художники будете,— обрадовался пристав,— я ведь тоже баловался немножко этим самым. Вот что я скажу: побудьте здесь, самоварчик Гвоздев подбодрит, яичница хорошая. А я вам скажу — больше всего я люблю картины глядеть. И сам занимался — пописывал прежде красками ландшафты. Уроки брал у Белоусова. Знаете ли такого?

— Нет, не знаем.

— Хороший человек, лес хорошо пишет, а воду не может. Я ведь Алексея Кондратьевича Саврасова знаю. Это вот человек...

— Да ведь это наш профессор, — обрадовались мы.

— Да что вы! Очень приятно. Э-х, крутая жизнь у него. Мало людей, которые это самое художество понимают. Одинок живописец и это самое — на утеху зовет,— показал старик на бутылку водки.— Ах, если б это дело хлеб бы давало, я бы на этакой службе не состоял!..

Пристав встал, позвал писаря Гвоздева и, вынимая из кошелька деньги, что-то с ним шушукался.

Писарь вернулся с какой-то женщиной. На стол поставили тарелки, селедки, тарань, хлеб, баранки, яйца. Появился самовар.

— Эх, и рад я до чего вам! Поговорим про картины. Мало у нас, кто может даль написать. Пожалуйста, выпьем за Алексея Кондратьевича, человек правильный, художник настоящий. А я вам вот что скажу: рассветет, и пойдете на станцию, лучше я и подводу дам. Кто знает, на большой дороге пошаливают, убивают — кому надо богомольцев губить? Не иначе — это сумасшедший работает... Не ровен час...

Рубрику ведет
кандидат исторических наук
ВЛАДИМИР НИКИТИН

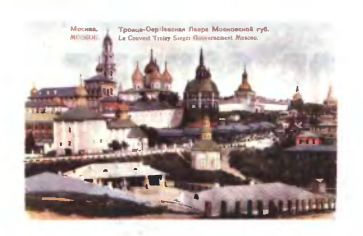
ТАМ ГОРЕЛО ЭЛЕКТРИЧЕСКОЕ СОЛНЦЕ...

Свидетельства очевидцев о крестном ходе в память 500-летия кончины Сергия Радонежского

В 11 часов пришло известие, что Крестный ход приближается к Сергиеву Посаду. Зазвонили торжественным перезвоном все лаврские колокола. Величественную картину представляла в это время площадь перед Лаврою. Несметныя массы народа покрывали не только самую площадь, но и все улицы, крыши домов; по пути шествия стояли войска, торжественно звучал музыкальный гимн "Коль славен наш господь..."

Ровно в 12 часов с горы Волокуши, на которой некогда преподобный Дионисий благословлял Нижегородское ополчение, ведомое героем князем Пожарским на освобождение Москвы от поляков, по московскому шоссе показались священныя хоругви Московского Кремля. Медленно, будто темная туча, спускались с горы массы народа: это Москва пришла на поклонение своему великому печальнику и заступнику пред Богом, пришла по старозаветному своему обычаю - пешком, с молитвой и пением священных песней...

Началось всенощное бдение. Никогда не забудут посетители Лавры этой чудной ночи. Было довольно холодно, но ни облачка на небе, ни дуновения ветерка. Колокольня Лавры и аллея к святым воротам, архиерейский дом, в котором остановились на ночлег их Императорския Величества, и святые ворота Лавры - все это было иллюминировано. По карнизу колокольни горели слова: "Преподобне отче Сергие, моли Бога о нас". С третьего яруса сильным потоком лились лучи света: там горело так называемое электрическое солнце. А еще выше, над всею Лаврою, на высоте 46 сажен, ярко блестел крест колокольни, сплошь уставленный электрическими лампочками. За много верст виден был этот крест, сияя в синеве неба как бы чудное видение...



25 сентября было восемь ранних и четыре поздних Литургий... По окончании Литургии открылся крестный ход вокруг Лавры. Шествие так растянулось, что передние хоругви уже огибали северную стену Лавры, когда митрополит и прочее духовенство только что выходили из ворот обители...

Трудно сказать даже приблизительно, сколько народа окружало в это время Лавру великого Заступника земли Русской.

Скоро все гости приглашены были к обеденному столу; частию в покоях владыки, частью в лаврской трапезной. Всего было накрыто до 550 приборов ..

Странников-богомольцев кормили в двух местах: за трапезною церковью и близ нового страннoприимного дома; тут и там садилось зараз человек по 500, а всего накормлено тысяч десять человек. При поклонении святым мощам роздано до 22000 образков, столько же книжек, до 15000 архипастырского послания владыки митрополита, несколько тысяч хлебцев с изображением угодника Божия и множество "Троицких Листков". А близ самой обители монастырские власти, исполняя человеколюбивый завет Игумена земли Русской, выстроили огромный страннoприимный дом, на трех этажах которого могли разместиться до двух тысяч странников. Фасад здания украшала надпись со словами из завещания Преподобного Сергия: "Страннолюбия не забывайте".

(Из приложения к "Церковному вестнику" за 1892 год.)

Сдано в набор 09.03.92. Подписано к печати 30.03.92. Формат 84×108 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,6. Усл. кр.-отт. 75,8. Уч.-изд. л. 25,21. Тираж 113069 экз. Заказ № 1540. Цена в розницу договорная, 2 руб. по подписке.

Адрес редакции: 103025, Москва, Новый Арбат, 19. Тел. 203-60-25.

Типография издательства «Пресса». 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.